ISSN: 2949-1088
№ 3 (15) 2025г.

80 ПОБЕДА!

ИСКУССТВО ПРАВОВЕДЕНИЯ

1945 2025

THE ART OF LAW

ИРКУТСК

ИСКУССТВО ПРАВОВЕДЕНИЯ.
THE ART OF LAW.
2025. № 3 (15)

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации»

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
серия Эл № ФС77-83575
от 13 июля 2022 г.

Сетевое издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальностям:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Издается с сентября 2022 года.
Выходит 4 раза в год.

Адрес редакции, издателя, типографии:
ул. Шевцова, 1, Иркутск, 664035
тел. (3952) 77-90-11, https://iagprf.org
e-mail: theartoflaw@iagprf.org
© Университет прокуратуры Российской Федерации, 2025

THE ART OF LAW.
2025. № 3 (15)

Founder: Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education «University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation»

THE ONLINE EDITION

Registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)
series El No. ФС77-83575
July 13, 2022

The online edition
is included in the List of peer-reviewed scientific editions, in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences should be published in specialties:
5.1.1 Theoretical-historical Legal Sciences (legal sciences),
5.1.2 Public Law (state law) Sciences (legal sciences),
5.1.4 Criminal Legal Sciences (legal sciences).

Published from September 2022.
Published 4 times a year.

Address of the editorial office, publisher, printing house:
1, st. Shevtsova, Irkutsk, 664035
tel. (3952) 77-90-11, https://iagprf.org
e-mail: theartoflaw@iagprf.org
© University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2025

Редакционная коллегия

Главный редактор:
Рогова Евгения Викторовна – доктор юридических наук, профессор, директор Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Заместитель главного редактора:
Пархоменко Светлана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Ответственный секретарь:
Шабаева Ольга Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации».

Члены редакционной коллегии:

Бавсун Максим Викторович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе;

Бозров Владимир Маирович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева;

Болдырев Владимир Анатольевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»;

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России;

Василевич Григорий Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, Член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой конституционного права Юридического факультета Белорусского государственного университета;

Винокуров Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в деятельности таможенных органов и на транспорте Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации;

Грибунов Олег Павлович – доктор юридических наук, профессор, ректор Байкальского государственного университета;

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна – доктор юридических наук, доцент, директор Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации;

Евдокимов Константин Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»;

Игнатенко Виктор Васильевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, директор Института правовых исследований Байкальского государственного университета;

Ирошников Денис Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Косова Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

Лисица Валерий Николаевич – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук;

Минникес Илья Анисимович – доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета;

Николюк Вячеслав Владимирович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Направления исследования проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева;

Осмоналиев Кайрат Медербекович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кыргызской Республики, руководитель Центра тюркского наследия Кыргызского национального университета имени Ж. Баласыгына;

Отческая Татьяна Ивановна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

Пан Дунмэй – доктор юридических наук, профессор, заслуженный профессор провинции Хэнань, профессор кафедры уголовного права Хэнаньского университета, заведующий Китайско-российским центром сравнительного правоведения;

Пожарский Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России;

Пупышева Любовь Андреевна – доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела, профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России;

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника по науке ГОУ ВПО «Академия Министерства внутренних дел Республики Таджикистан»;

Россинская Елена Рафаиловна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук;

Суслова Светлана Игоревна – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, профессор кафедры гражданского права и процесса Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

Чуксина Валентина Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Института государственного права и национальной безопасности Байкальского государственного университета.

Editorial Board

Chief Editor:
Evgeniya V. Rogova – Doctor of Law, Professor, Director of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Deputy Chief Editor:
Svetlana V. Parkhomenko – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Executive Secretary:
Olga A. Shabaeva – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Criminal Prosecution Organization and Methods of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Editorial Board:

Maxim V. Bavsun – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Head for Scientific Work of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Vladimir M. Bozrov – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure of the V.F. Yakovlev State Ural Law University;

Vladimir A. Boldyrev – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of the North-West Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian State University of Justice”;

Acop V. Vardanyan – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics and Operational Search Activity of the Rostov Law Institute of the MIA the Russian Federation;

Grigory A. Vasilevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Belarus, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law of the Belarusian State University;

Alexander Y. Vinokurov – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Scientific Support of Prosecutor's Oversight and Strengthening of Legality in the Activities of Customs Authorities and Transport at the Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Oleg P. Gribunov – Doctor of Law, Professor, Rector of the Baikal State University;

Elizaveta V. Demidova-Petrova – Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Kazan Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Konstantin N. Evdokimov – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of State Legal Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Viktor V. Ignatenko – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute for Legal Studies of the Baikal State University;

Denis V. Iroshnikov – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Legal Support of National Security of the Institute of Law and National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation;

Olga Y. Kosova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);

Valery N. Lisitsa – Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher Civil and Business Law Sector Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;

Ilya A. Minnikes – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Jurisprudence of the Institute of Legal Studies of the Baikal State University;

Vyacheslav V. Nikolyuk – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Chief Research Scientist of the Department of Criminal Procedure Issues at the V. M. Lebedev Russian State University of Justice;

Kairat M. Osmonaliev – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic, Head of the Center of Turkic Heritage of the Kyrgyz National University named after J. Balasygyn;

Tatyana I. Otcheskaya – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Judicial and Prosecutor-Investigative Activities Organization of the O. E. Kutafin Moscow State Law University;

Pan Dongmei – Doctor of Law, Professor, Distinguished Professor of Henan Province, Professor of the Department of Criminal Law of Henan University, Head of the China-Russia Center for Comparative Law;

Dmitry V. Pozharsky – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Lyubov A. Pupysheva – Doctor of Law, Associate Professor, Head of Research Department, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Rifat R. Rahmajonzoda – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Science of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan;

Elena R. Rossinskaya – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Forensic Examinations of the O. E. Kutafin Moscow State Law University;

Sergei B. Rossinsky – Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;

Svetlana I. Suslova – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director for Research, Professor of the Department of Civil Law and Proceedings of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia);

Valentina V. Chuksina – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of National Security of the Institute of State Law and National Security of the Baikal State University.

СОДЕРЖАНИЕ

К 80-Й ГОДОВЩИНЕ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ПАМЯТИ УЧЕНЫХ-ФРОНТОВИКОВ

Юрковский А. В. Александр Владимирович Зиновьев: от Ораниенбаумского плацдарма до «Фемиды» ……...……11

Яровой А. В., Рудых С. Н. Учитель, фронтовик: вклад О. А. Красавчикова в развитие отечественной цивилистики…..……..…….....17

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

Гавриленко А. А. Предпосылки реформы системы транспортных прокуратур Российской Федерации (2001-2007 гг.) и ее последствия: историко-правовой анализ……..…24

Деревскова В. М., Чигвинцев И. А. Новые подходы к периодизации истории прокуратуры России……34

Рубин В. А., Ерин А. К. Совершенствование правового регулирования сохранения воинских захоронений Героев Советского Союза (Российской Федерации) как инструмент защиты исторического суверенитета России……...43

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

Абдреев Т. И. Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением бюджетного законодательства……...…51

Бут Н. Д., Субанова А. Б. Административная ответственность за правонарушения, посягающие на общественные порядок и безопасность, в государствах-участниках СНГ (на примере Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан)……..…59

Ибрагимова А. М. Совершенствование работы по личному приему граждан в органах прокуратуры……..65

Котельников А. Д. Право не избирать? Новый закон о местном самоуправлении и механизм народовластия……...……75

Магомедов Ш. М. Состояние и перспективы прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы государствах-участниках стран СНГ……...82

Халмакшинова А. Н. Конституционная норма о гарантировании уважения человека труда, как вектор для развития трудового законодательства Российской Федерации……89

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

Яворский С. А. Совместное завещание как источник правовой неопределённости в гражданском обороте…….....96

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

Кафарова Р. Д. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий……...105

Куковякин А. Е., Забавко Р. А. Проблемные вопросы освобождения от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время в соответствии со ст. 80.2 УК РФ……..113

Манапова А. Ф. Охрана культурных ценностей народов в условиях специальной военной операции……..121

Мельников Е. А. Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи: дискуссионные вопросы характеристики объективной стороны……..….128
Пархоменко С. В. К вопросу о социально-правовой обоснованности исключения преступности деяния…….….138
Сильнов М. А. Общая характеристика и классификация источников формирования нравственных основ участия прокурора в уголовном судопроизводстве…….146
Фарахиев Д. М. Взяточничество в условиях цифровизации: новые вызовы, проблемы и пути решения……..…….155
Федотова Е. Н. Условное осуждение: вопросы правового регулирования и современное состояние практики применения……...…165

Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Байкальский цифровой форум» ……...173

CONTENTS

ON THE 80TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR: IN MEMORY OF FRONT-LINE SCIENTISTS

Yurkovsky A. V. Alexander Vladimirovich Zinoviev: from the Oranienbaum Landing to the «Themis»……..…11

Iarovoi A. V., Rudykh S. N. Teacher, Frontline Soldier: O. A. Krasavchikov's Contribution to the Development of Domestic Civil Law……17

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL)

Gavrilenko A. A. Preconditions for the Reform of the Transport Prosecutor's Office System in the Russian Federation (2001-2007) and its Consequences: a Historical and Legal Analysis……24

Derevskova V. M., Chigvintsev I. A. New Approaches to the Periodization of the History of the Prosecutor's Office in Russia…….34

Rubin V. A., Erin A. K. Improving Preservation of Military Graves of Heroes of the Soviet Union (Russian Federation) Legal Regulation as an Instrument for Protecting the Historical Sovereignty of Russia…….43

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES (LEGAL)

Abdreev T. I. Topical Issues of Prosecutorial Supervision over the Implementation of Budget Legislation……..…51

But N. D., Subanova A. B. Administrative Liability for Offenses Against Public Order and Safety in the CIS Member States (Case Study of the Russian Federation, Republic of Belarus, and Republic of Kazakhstan)……59

Ibragimova A. M. Improvement of the Work on Personal Reception of Citizens in the Prosecutor's Office……..65

Kotelnikov A. D. The Right not to Elect? New Law on Local Self-Government and the Mechanism of Democracy.....75

Magomedov Sh. M. The State and Prospects of Prosecutorial Supervision over the Implementation of the Laws outside the Criminal Law Sphere in the CIS Member States.....82

Khalmakshinova A. N. Constitutional Norm on Guaranteeing Respect for a Person at Work as a Vector for the Development of Labor Legislation of the Russian Federation.....89

PRIVATE LAW (CIVILITY) SCIENCES (LEGAL)

Yavorsky S. A. Joint Will as a Source of Legal Uncertainty in Civil Circulation……...…96

CRIMINAL LEGAL SCIENCES (LEGAL)

Kafarova R. D. Fraud Using Information and Telecommunications Technologies……105

Kukovyakin A. E., Zabavko R. A. Problematic Issues of Exemption from Punishment in connection with military service during the period of mobilization, during martial law or in wartime in accordance with Art. 80.2 of the Criminal Code.....113

Manapova A. F. Protection of Cultural Values of Peoples in the Context of the Special Military Operation.....121

Melnikov E. A. Escape from the Place of Imprisonment, from Arrest or from Custody: Contraversial Issues of the Characteristics of the Objective Side.....128

Parkhomenko S. V. On the Question of the Socio-Legal Validity of Excluding the Crime of an Act…….....……..138
Silnov M. A. General Characteristics and Classification of Sources of Moral Foundation Formation of the Prosecutor's Participation in Criminal Proceedings.....146
Farakhiev D. M. Bribery in the Context of Digitalization: New Challenges, Problems and Solutions……155
Fedotova E. N. Conditional Conviction: Issues of Legal Regulation and the Current State of application……165

Overview of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Baikal Digital Forum»…..173

К 80-Й ГОДОВЩИНЕ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ПАМЯТИ УЧЕНЫХ-ФРОНТОВИКОВ

УДК 340.1
EDN **CZTFCQ**

Юрковский Алексей Владимирович,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
ул. Шевцова, 1, г. Иркутск, Россия, 664035
e-mail: avyurkovsky@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0926-8965

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ ЗИНОВЬЕВ: ОТ ОРАНИЕНБАУМСКОГО ПЛАЦДАРМА ДО «ФЕМИДЫ»

1

Аннотация. Александр Владимирович Зиновьев, бескорыстный честный труженик, авторитетный ученый, масштабный теоретик, конституционалист, доктор юридических наук, профессор, создатель и пропагандист конституционных ценностей, просветитель, лауреат единственной в мире правовой награды, ежегодно вручаемой отечественным и зарубежным юристам, государственным и общественным деятелям за вклад в развитие правового государства и гражданского общества, высшей юридической премии Российской Федерации «Фемида».

Обозначаются основные этапы жизненного и научного пути, вехи его научной деятельности, отмечается большой вклад выдающегося ученого в российскую юриспруденцию, теорию государства и права, конституционное право Союза Советских Социалистических Республик, конституционное право России и зарубежных стран, в теорию разделения власти, в теорию демократии, в теорию государственного управления, многие другие юридические категории.

Ключевые слова: Александр Владимирович Зиновьев, научно-исследовательская деятельность, юриспруденция, наука теории государства и права, конституционное право Союза Советских Социалистических Республик, конституционное право России и зарубежных стран, Великая Отечественная война.

Для цитирования: Юрковский А. В. Александр Владимирович Зиновьев: от Ораниенбаумского плацдарма до «Фемиды» // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 11–16.

[1] Фото: https://vk.com/@lomonosovmuseum-sluzhitel-femidy-iz-oranienbauma (дата обращения: 01.06.2025).

Yurkovsky Alexey Vladimirovich,
Head of the Department of State and Legal Disciplines
Irkutsk Law Institute (branch) of the
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Candidate of Law, Associate Professor
1 Shevtsova St., Irkutsk, Russia, 664035
e-mail: avyurkovsky@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0926-8965

ALEXANDER VLADIMIROVICH ZINOVIEV: FROM THE ORANIENBAUM LANDING TO THE «THEMIS»

Annotation. Alexander Vladimirovich Zinoviev, a selfless and honest worker, an authoritative scientist, a large-scale constitutional theorist, Doctor of Law, professor, creator and propagandist of constitutional values, educator, winner of the world's only legal award, awarded annually to domestic and foreign lawyers, government and public figures for their contribution to the development of the rule of law and civil society, the highest legal award of the Russian Federation «Themis».

The main stages of his life and scientific career, milestones of his scientific activity are outlined, the great contribution of the outstanding scientist to Russian jurisprudence, the theory of state and law, the constitutional law of the Union of Soviet Socialist Republics, the constitutional law of Russia and foreign countries, to the theory of separation of powers, to the theory of democracy, to the theory of public administration, and many other legal categories are noted.

Key words: Alexander Vladimirovich Zinoviev, research activities, jurisprudence, the science of the theory of state and law, the constitutional law of the Union of Soviet Socialist Republics, the constitutional law of Russia and foreign countries, the Great Patriotic War.

For citation: Yurkovsky A. V. Alexander Vladimirovich Zinoviev: from the Oranienbaum Landing to the «Themis» // The Art of Law. 2025. № 3. С. 11–16.

Девизом единственной в мире правовой награды, ежегодно вручаемой отечественным и зарубежным юристам, государственным и общественным деятелям за вклад в развитие правового государства и гражданского общества, высшей юридической премии Российской Федерации «Фемида». являются слова Цицерона о законе: «Salus populi suprema lex esto» – «Благо народа пусть будет законом».

В 1999 году в Москве в торжественной обстановке по решению экспертного совета была вручена бронзовая статуэтка богини правосудия Фемиды и Диплом «За успехи в юридической науке» как знак отличия премии Александру Владимировичу Зиновьеву.

Представляется уместным предположить, что девиз «Благо народа пусть будет законом» красной нитью проходит сквозь жизнь честного, добросовестного, бескорыстного труженика, авторитетного ученого – конституционалиста, доктора юридических наук, профессора Зиновьева Александра Владимировича, который свято верил в то, что правовая культура – это верховенство права в действии, немыслимое без конституционности [1].

Деревня Сойкино, в которой родился 31 января 1928 года Александр Владимирович Зиновьев, сегодня входит в состав Пениковского сельского поселения Ломоносовского района Ленинградской области, она расположена в северной части района на автодороге Сойкино – Малая

Ижора, в 3 километрах от ближайшей железнодорожной станции Ораниенбаум I.

Как нам кажется, именно место рождения, являлось «центром силы», средством вдохновения для научной работы Александра Владимировича, где среди родных и близких можно было найти не только благодарных слушателей научных гипотез и научных аргументов, но и получить подтверждение актуальности многих вопросов юридической науки.

Отчий дом, с самого раннего детства по словам Александра Владимировича, всегда ассоциировался у него с большой Родиной, с природой, территорией страны, родной землей и культурой, историей народа, с тем, чем нужно дорожить, что нужно защищать и, одновременно, с детством, понятием семьи, тепла, безопасности.

Александр Владимирович Зиновьев был несколько моложе «молчаливого поколения» – поколения людей, судьбу, которого принято считать трагической.

Тем не менее, когда началась Великая Отечественная война, Александру было 13 лет и уже в эти годы считал неразделимыми свою судьбу и судьбу страны.

Буквально с самого начала войны Ломоносовский район Ленинградской области, находящийся на южном побережье Финского залива, оказался отрезанным от основных советских сил. В годы Великой Отечественной войны и после, в учебниках истории, данный участок территории было принято назвать Ораниенбаумским плацдармом, который сыграл значительную роль в обороне Ленинграда.

Ораниенбаумский плацдарм находился во внутреннем кольце обороны блокадного Ленинграда.

Выращиваемая в родном доме в деревне Сойкино картошка, конечно, как-то помогала матери Александра Владимировича, Зиновьевой (Дорофеевой) Александре Антоновне прокормить младших детей, которым на Ораниенбаумском пятачке грозила голодная смерть.

К тому времени, старший брат Александра Владимировича, Николай уже был призван в ряды Красной Армии.

По воспоминаниям самого Александра Владимировича, которые довелось слышать лично автору предлагаемой статьи, учащийся 5 класса Александр Зиновьев, сбежал на фронт, который оказался совсем рядом (в районе восьми километров) по ряду причин. Эти причины заслуженный деятель науки Российской Федерации перечислял в следующем порядке: нужно не допустить фашистов до деревни Сойкино; быть не хуже старшего брата; чтобы маме и сестре хватило картошки в дни Блокады; и из детских «хулиганских» побуждений.

Александр Владимирович из поколения мальчишек, которые даже не окончив школу, убегали на фронт. Многие из них погибли в Великой Отечественной войне.

Попав специфическим образом в состав воинской части № 18492, в подразделение, сокращенно именовавшееся Приморской ПОГ, защищавшей Ораниенбаумский плацдарм, Александр был зачислен воспитанником 406 пах. (полевого автомобильного хлебозавода), где работал слесарем.

«Но и с винтовочкой в контратаки ходить тоже доводилось» – говорил Александр Владимирович с какой-то особенной интонацией. Это подтверждает справка, подписанная начальником в/ч № 18492 от 30.07.1945 г.[1], где говорится, что 13-летний Зиновьев Александр находился в воинской части с октября 1942 г. по май 1944 г. в качестве воспитанника. Был дисциплинированным бойцом и хорошо выполнял возложенные на него задачи.

За свои заслуги в Великой Отечественной войне Александр Владимирович Зиновьев награжден Орденом Отечественной войны I степени, Медалью «За оборону Ленинграда»,

[1] Приложение 1.

Медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», другими наградами.

В мае 1944 г. Александр Зиновьев перенёс тяжелое ранение, лишился правой руки и был демобилизован, после лечения отправился доучиваться в средней школе, которую закончил в 1950 году.

В том же году поступил в Ленинградский государственный университет, на юридический факультет, который окончил в 1954 году и приступил к работе в Ленинградской областной коллегии адвокатов.

Поколение двадцатых годов двадцатого века называли еще «поколением строителей». Александр Владимирович Зиновьев в послевоенные годы принял участие в государственном строительстве (одноименное название учебной дисциплины тех лет).

Работая на практике, А. В. Зиновьев осознал необходимость модернизации правовой системы через совершенствование законодательства, через особую правовую деятельность, которой должно быть дано научное обоснование. Адвокатская практика предопределила научные интересы.

Александр Владимирович поступил на учебу в аспирантуру юридического факультета Ленинградского государственного университета (ЛГУ).

После окончания аспирантуры юридического факультета Ленинградского государственного университета в 1962 году Александр Владимирович успешно защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата юридических наук по теме: «Верховный Совет РСФСР».

Впоследствии Александр Владимирович опубликовал ряд известных работ в области государственного права и государственного строительства СССР [2 ; 3 ; 4].

В своей научной работе А. В. Зиновьев занимался комплексным изучением и теоретической разработкой демократизма советской избирательной системы, проблемами правового статуса представителей народа в органах государственной власти, статуса народного депутата, проблемами законотворческой деятельности и проблемами качества законов.

31 мая 1989 года, в результате плодотворного сотрудничества с кафедрами Государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Ленинградского факультета Высшей заочной школы МВД СССР Александром Владимировичем Зиновьевым подготовлена и успешно защищена в Учёном совете юридического факультета ЛГУ диссертация на соискание степени доктора юридических наук по теме «Статус народного депутата в СССР» (Проблемы теории и практики).

Полагаем целесообразным отметить, что период конца восьмидесятых, начала девяностых годов двадцатого века был ознаменован коренной трансформацией государственного строя, которую Александр Владимирович воспринимал очень лично и всерьез [5 ; 6 ; 7 ; 8 ; 9 ; 10 ; 11].

3 ноября 2005 года при консультативной поддержке Александра Владимировича Зиновьева докторскую диссертацию защитил в Санкт-Петербургском университете МВД России по теме: «Федерализм и конституционное правосудие (проблемы теории, методологии и практики)» российский государственный деятель и учёный-правовед, доктор юридических наук, профессор, один из авторов Конституции Российской Федерации – Сергей Михайлович Шахрай [12 ; 13].

Александр Владимирович Зиновьев является автором более 200 научных трудов. Ему довелось поучаствовать в создании учебников Конституционного права России и зарубежных стран с такими известными деятелями российской юридической науки как Александров А. И., Алимов Д. А., Алиев Я. Л., Баринов Э. Э., Бородин В. В., Буряков А. Ю., Величко

А. М., Гуцериев Х. С., Зелепукин А. А., Зубрин В. В., Иванов П. В., Иванов С. П., Кикоть В. Я., Кондрат И. Н., Квитчук А. С., Колокольцев В. А., Лойт Х. Х., Лысенко В. В., Михайлик А. Г., Ромашов Р. А., Сальников В. П. и др.

Некоторые работы профессора Зиновьева переопубликовываются уже после смерти [14 ; 15], на них до сих пор активно ссылаются ученые.

Александр Владимирович Зиновьев был моим учителем, настоящим, прекрасным педагогом, научным руководителем, он воевал на том же фронте, что и мой дед, Юрковский Иван Авраамович, который тоже был искалечен, но не сломлен Великой Отечественной войной. Я также, как и он считаю, что картошка, выращенная своими руками сытнее и вкуснее картошки из магазина.

Наставления и работы Александра Владимировича Зиновьева неоднократно вдохновляли автора предлагаемой публикации, к изучению государственного (конституционного) права России и зарубежных стран, и мотивировали к научной и преподавательской деятельности [16 ; 17 ; 18 ; 19 ; 20].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зиновьев А. В., Поляшова И. С. Выборы и правовая культура // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2001. № 2 (10). С. 21–32.

2. Зиновьев А. В. Гарантии депутатской деятельности в СССР // Советское государство и право. 1975. № 6. С. 52.

3. Зиновьев А. В. Императивный характер депутатского мандата // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1984. № 1. С. 41–45.

4. Зиновьев А. В. Депутатский запрос // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1985. № 1. С. 12–17.

5. Зиновьев А. В. Компетентность народных депутатов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1993. № 3. С. 71–76.

6. Зиновьев А. В. Избирательная система России нуждается в радикальной реформе // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1994. № 3.

7. Зиновьев А. В. Стала ли наша конституция основным законом? // Санкт-Петербургские врачебные ведомости. 1996. С. 30.

8. Зиновьев А. В. Конституционность как барометр правовой культуры и основа правового государства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 2 (225). С. 81–96.

9. Зиновьев А. В. Концепция первоочередных поправок в Конституцию России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 4 (231). С. 46–61.

10. Зиновьев А. В. Отличаются ли выборы Президента США демократизмом и легитимностью? взгляд стороннего наблюдателя // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2001. № 1 (9). С. 76–79.

11. Зиновьев А. В. Конституционная ответственность // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 4 (249). С. 4–16.

12. Шахрай С. М. Глобализация и правовая система России. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2003. 239 с.

13. Шахрай С. М. Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина. Москва : Синдбад, 2021. 428 с.

14. Зиновьев А. В., Поляшова И.С. Избирательная система России: теория, практика и перспективы. Санкт-Петербург : Юридический Центр Пресс, 2003. С. 152.

15. Зиновьев А. В. Основные направления повышения качества законов в России: полезные советы депутатам четвертого созыва государственной думы // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 4. С. 118–126.

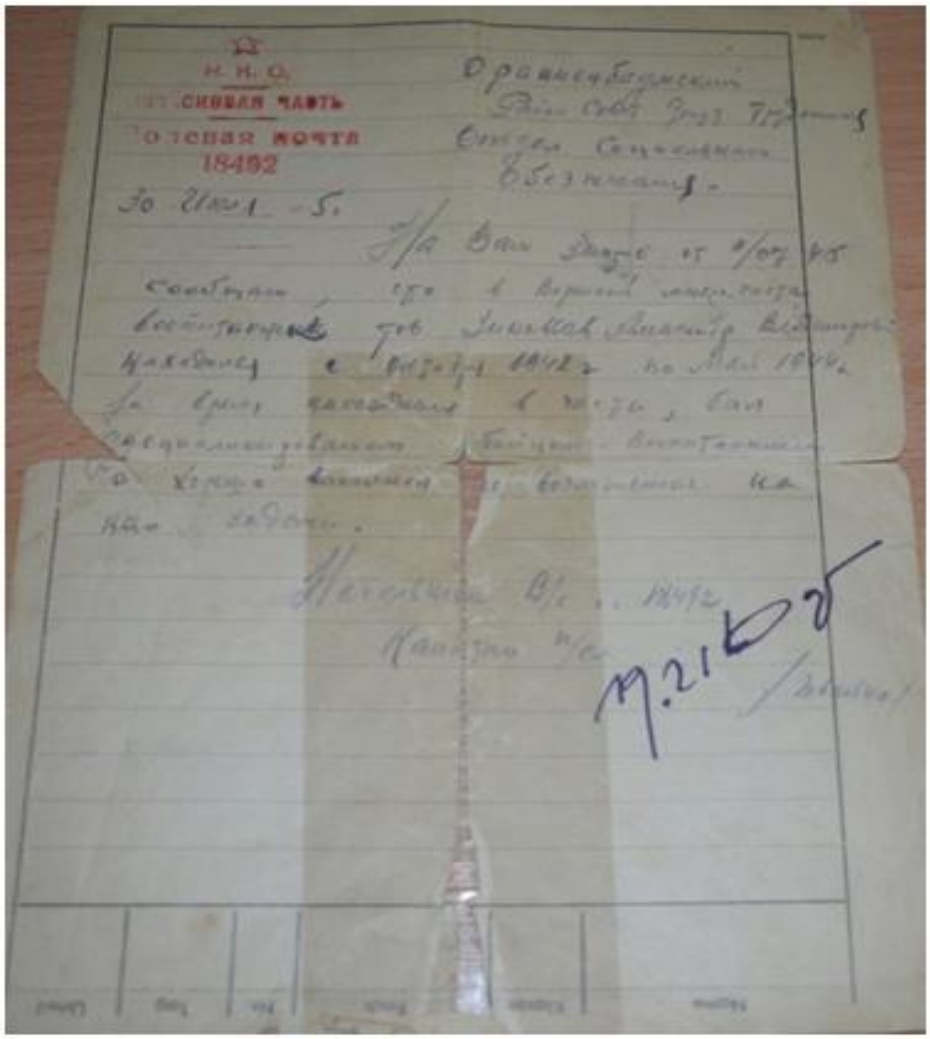
16. Юрковский А. В. К вопросу об искусстве, праве и искусстве правоведения // Искусство правоведения. 2022. № 2 (2). С. 6–13.

17. Юрковский А. В. Следы на песке: эволюция источников права (от камней, костей, глины и бронзы, через золото и платину, к алмазам, кремнию и кварцу) // Искусство правоведения. 2023. № 1 (5). С. 13–20.

18. Теория государства и права : учебник / под редакцией А. В. Юрковского. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. 668 с.

19. Конституционное право : учебное пособие / под редакцией А. В. Юрковского. Изд. 2-е, перераб. и доп. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. 671 с.

20. Юрковский А. В. Проблемы совершенствования действующей Конституции Российской Федерации // Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей и студентов Юридического Института ИГУ, Иркутск, 12 ноября 1999 года. Иркутск : Иркутский государственный университет, 1999. С. 26–27.



[1]

[1]Фото: https://vk.com/@lomonosovmuseum-sluzhitel-femidy-iz-oranienbauma (дата обращения: 01.06.2025).

УДК 347.1
EDN DQCNCI

Яровой Александр Валерьевич,
декан факультета профессиональной
переподготовки и повышения квалификации
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
ул. Шевцова, 1, г. Иркутск, Россия, 664035
e-mail: jam98@yandex.ru

Рудых Светлана Николаевна,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
ул. Шевцова, 1, г. Иркутск, Россия, 664035
e-mail: rudsvet@mail.ru

УЧИТЕЛЬ, ФРОНТОВИК: ВКЛАД О. А. КРАСАВЧИКОВА В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЦИВИЛИСТИКИ

1

Аннотация. Октябрь Алексеевич Красавчиков — выдающийся учёный-цивилист, профессор и доктор юридических наук, участник Великой Отечественной войны. Его научные достижения включают разработку учения о гражданских организационных отношениях, обоснование принципа диспозитивности, предложение уникального подхода к оценке роли цивилистической доктрины и формулирование концептуальных положений творческой подотрасли гражданского права. Внес вклад в теорию юридических фактов является разработчиком оригинальной теории юридического лица.

Создание значительного количества фундаментальных научных трудов стало возможным благодаря его силе духа и уникальным личностным качествам, сформированным в суровых условиях войны.

Ключевые слова: Октябрь Алексеевич Красавчиков, Великая Отечественная война, цивилистика, российское гражданское право, метод профессора О.А. Красавчикова.

Для цитирования: Яровой А. В., Рудых С. Н. Учитель, фронтовик: вклад О. А. Красавчикова в развитие отечественной цивилистики // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 17–23.

Iarovoi Alexandr Valerievich,
Dean of the Faculty of Professional Retraining
and Advanced Training of the

[1] Фото: https://www.civillawuslu.com /(дата обращения: 01.06.2025).

Irkutsk Law Institute (branch) of the
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
1 Shevtsova St., Irkutsk, Russia, 664035
e-mail: jam98@yandex.ru

Rudykh Svetlana Nikolaevna,
Head of the Department of Civil Law Disciplines
Irkutsk Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
1 Shevtsova St., Irkutsk, Russia, 664035
e-mail: rudsvet@mail.ru

TEACHER, FRONT-LINE SOLDIER: O. A. KRASAVCHIKOV'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC CIVIL LAW

Annotation. Oktyabr Alekseevich Krasavchikov was a distinguished civil law scholar, professor, and Doctor of Law, a veteran of the Great Patriotic War. His scholarly achievements include the development of a doctrine of civil organizational relations, the substantiation of the principle of discretion, the proposal of a unique approach to assessing the role of civil law doctrine, and the formulation of conceptual principles for a creative subfield of civil law. He contributed to the theory of legal facts and developed an original theory of legal entities.

The creation of a significant number of fundamental scientific works was made possible by his fortitude and unique personal qualities, shaped by the harsh conditions of war.

Key words: Krasavchikov O. A., Prosecutor, The Great Patriotic War, civil law, Russian civil law, the method of Professor O.A. Krasavchikov.

For citation: Iarovoi A. V., Rudykh S. N. Teacher, Frontline Soldier: O. A. Krasavchikov's Contribution to the Development of Domestic Civil Law // The Art of Law. 2025. № 3. С. 17–23.

Как справедливо сказал герой М. О. Ефремова в известной киноповести: «Победа фашизма определит путь цивилизации на ближайшие пятьсот лет»[1]. Победа над фашизмом спасла современную цивилизацию и создала исходные условия для прогресса народов в течение нескольких грядущих веков. Октябрь Алексеевич Красавчиков в высшей степени достойно выполнил свою роль солдата-освободителя! [1].

Известно, что «в 20-х годах его родители переехали в г. Свердловск из Харькова, где Красавчиков весной 1941 г. закончил среднюю школу и поступил в Высшее военно-морское училище в Севастополе. Из училища был призван в Красную Армию, принимал участие в противовоздушной обороне города» [2]. Информационная система «Память народа» содержит информацию о том, что «в октябре 1941 г. участвовал в боях по обороне Ростова-на-Дону. Принимал участие в бою по ликвидации воздушного десанта противника в районе города Батайска. Как сказано в архивных документах Министерства обороны, Красавчиков О. А., действуя в составе пулеметного расчёта, вклинился во фланг обороны, занятой десантом, чем сыграл решающую роль в деле уничтожения десанта. Некоторое время спустя, будучи на огневой точке в районе железнодорожного моста через реку Дон, неоднократно участвовал в отражении налетов вражеской авиации на мост. Его пулеметным расчётом

[1] «Приказано уничтожить! Операция: «'Китайская шкатулка», Мосфильм, 2009 г., режиссёр С. Бобров, автор сценария В. Брагин.

сбит самолёт противника. В один из налетов был контужен, но, несмотря на контузию, боевой позиции не оставил и находился на ней до конца налета. В 1942 г., будучи командиром роты, являлся активным участником строительства оборонительных сооружений Сухопутной обороны ГБ Северного Флота. Ежедневно на своих плечах в течение 4 месяцев совершал марши по 18–20 км в сутки по бездорожным скалам Заполярья. С 1944 в районе г. Полярное-Мурманск обеспечивал корабли дивизиона, находящиеся в большой оторванности от своей основной базы, секретными документами. Демобилизовался в июне 1946 года»[1].

«Как и большинство участников войны, Октябрь Алексеевич не любил говорить о войне, но иногда вспоминал, как его из горы трупов вытащила медсестра и сказала: «А этот блондинчик живой вроде!». Имени медсестры так и не узнал. Кто знает, может быть именно этой неизвестной девушке-медсестре обязана вся наука гражданского права и система законотворчества и правоприменения!»[2].

«Октябрь Алексеевич Красавчиков внёс огромный вклад в развитие современной цивилистической науки, учебной дисциплины гражданского права, а также в гражданское законодательство Союза ССР и Российской Федерации.

Более двухсот фундаментальных научных произведений предлагают новые подходы, включая разработку новых норм, институтов и подотраслей. Эти работы определяют направления развития гражданского права на ближайшие десятилетия, а возможно, и на более длительный срок» [1].

Список его научных трудов насчитывает около 300 работ. Им было опубликовано свыше 200 работ по гражданскому праву, совершенствованию жилищного законодательства и др. Широко известны его фундаментальные труды: «Юридические факты в советском гражданском праве» (Москва, 1957); «Советская наука гражданского права» (Свердловск, 1961); «Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности» (Москва, 1966).

В 2005 г. появилось издание «Категории науки гражданского права. Избранные труды», где представлены интересные и оригинальные работы О. А. Красавчикова, по ключевым аспектам гражданского законодательства и науки гражданского права, актуальные и по сей день.

«Ученый мирового масштаба. Классик при жизни. Основатель собственного направления в уральской школе цивилистики, уверенно поддерживавший и укреплявший ее авторитет на протяжении нескольких десятилетий. Человек высоких идеалов. Не романтик и не идеалист. Сильная, волевая личность, уверенная в судьбоносной миссии своей Родины и своего народа!

Многие идеи профессора О. А. Красавчикова опередили время. Это можно твердо сказать, например, о концепции гражданских организационных правоотношений и о творческой подотрасли гражданского права. При жизни мэтра концепция организационных правоотношений активно обсуждалась его коллегами» [1]. Много критики содержалось в оценке значения выделения организационных отношений. В годы переходного периода наметился спад интереса к ней, в настоящее время этот подход получил, практически, законодательное закрепление. Самостоятельная четвертая часть Гражданского кодекса Российской Федерации явилась результатом обоснования необходимости системного регулирования творческих отношений.

Научный интерес к работам Октября Алексеевича расширяется, и его идеи

[1]Красавчиков Октябрь Алексеевич // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie51159385/?backurl= (дата обращения 18.07.2025).

[2] Красавчиков Октябрь Алексеевич // Бессмертный полк : официальный сайт движения. URL: https://www.moypolk.ru/soldier/krasavchikov-oktyabr-alekseevich (дата обращения 20.07.2025).

становятся фундаментом, отправной точкой новых исследований, что характерно не только продолжателями его дела, но и яркими представителями других цивилистических школ.

Поражает научная эрудиция ученого. Без преувеличения в трудах О. А. Красавчикова исследованы все значимые конструкции современного российского гражданского права.

В частности, «изучены все основные (фундаментальные, системообразующие) и многие смежные темы и понятия: конститутивные проблемы: предмет, метод, принципы, юридическая природа, источники гражданского права; определение советского гражданского оборота и его основных звеньев; понятие, состав и система советской цивилистики, совокупность исследуемых ею явлений, ее задачи и функции; учение о гражданско-правовых формах; существо, признаки, структура и виды гражданских правоотношений, как юридической формы общественных отношений; общее определение и развернутая классификация юридических фактов; общетеоретическая концепция «юридической природы»; принципиальное опровержение так называемой «хозяйственно-правовой концепции», обоснование единства гражданского права; признаки, роль, содержание правовой культуры и правосознания; особенности формирования и развития, вопросы кодификации законодательства, усиление роли гражданско-правовых норм и институтов, их влияние на правоприменительную практику и обратная связь, дифференциация правового регулирования, объективные предпосылки выделения новых отраслей, совершенствование юридической техники, роль правоприменительной практики, задачи ее обобщения; проблемы гражданской правосубъектности – ключевой, по выражению О. А. Красавчикова, правовой категории, исследуемой представителями “целого ряда… отраслевых юридических наук, среди которых на первом месте, очевидно, все-таки стоят цивилисты”» [3, с. 30].

Профессор Красавчиков скрупулёзно и последовательно исследовал категорию правосубъектности, обосновал её исторические типы, эволюцию развития, необходимость юридического закрепления, а также значения правосубъектности для определения статуса лица и решения политических и социальных задач в определенных исторических реалиях развития государственности и права. В рамках дискуссии о правосубъектности и мнений о динамической правоспособности (М. М. Агарков), поиске волеобразующего субстрата (теория «государства» С. И Аскназий, теория «коллектива» С. Н. Братусь,, теории «директора» Ю. К. Толстого) предложил собственный взгляд на сущность юридического лица («теория организации», или «теория системы социальных связей»), при этом определил признаки «организации как юридического лица», как социального явления, последовательно доказал отличие сформулированной теории сущности от распространённых в зарубежных странах континентального права фикционных теорий. Обосновал специфику юридической личности организации, чем предопределил перспективы развития науки и корпоративного законодательства в нашей стране. Научные взгляды Октября Алексеевича восприняты современными исследователями проблем корпоративного права.

Сложно переоценить вклад ученого в разработку системы защиты прав и законных интересов личности, обосновал необходимость и уместность правового регулирования личных неимущественных прав (включение в действующем гражданском праве личных неимущественных отношений в предмет правовой охраны явно недостаточно, многие личные неимущественные права нуждаются в регулировании на основе юридического равенства, автономии воли

участников), многие разработки концептуальных вопросов личных неимущественных прав еще требуют научного осмысления.

Плюралистическая теория, несомненно, обогатила цивилистическую мысль в отношении такого важного элемента гражданского правоотношения как объект. Подкупает простота, ясность аргументации теории, а главное, четкая практическая составляющая выделения материальных и нематериальных благ в качестве объектов гражданского правоотношения. Предложенным теоретическим подходом обоснованы признаки, система, основания классификации объектов, соотношение категорий «объект» и «предмет», понятие правового режима вещей, соотношение понятий «вещь» и «имущество», определение результата действий (работ и услуг) в качестве объекта гражданских прав, классификация вещей по основаниям необходимым для развития имущественных отношений.

Октябрь Алексеевич не обошёл вниманием проблемы теории сделок. Раскрыл социально-экономическое значение договора, предложил классификацию гражданско-правовых договоров, сферы их действия, соотношение с другими источниками гражданских прав и обязанностей (с нормой права и планом), обосновал концепцию соглашения, лежащего в основе гражданско-правового договора, дифференциацию договорных условий, соотношение таких частных нюансов договорного права, как: условия договора, договоры под условием и договоры с условием, условия и пункты договора. Четко сформулировал признаки сделок, их классификацию, исследовал элементы сделки на предмет влияния на их действительность. Определил такие элементы как правовая цель и правовой результат сделки, отграничил сделки от иных юридических фактов, оценил соотношение воли и волеизъявления, Как следствие проведенной научной работы предложил основания недействительности сделок, О. А. Красавчиков предложил ряд оригинальных понятий, весьма дискуссионных, но однозначно запоминающихся (полная и частичная недействительность, основные и дополнительные имущественные последствия, антисоциальные и внеуставные ничтожные сделки, адееспособность, заблуждение, угроза и многие другие).

Исследовав проблемы теории обязательств, предложил понятие и систему обязательственного права, определение гражданского обязательства, оригинальные признаки (например, такие как определенность субъектного состава, динамичность, повелительность и конкретизированность содержания, целенаправленность, санкционированность).

При изучении гражданско-правовой ответственности и анализе подходов к ее определению четко определил, что закрепление безвиновной ответственности противоречит фундаментальным взглядам о составе правонарушения (условиям несения юридической ответственности). Развитие системы защиты гражданских прав с точки зрения отграничения мер защиты и мер ответственности актуально в настоящее время с закреплением в Гражданском кодексе принципа добросовестности и возможностью возмещения убытков в результате злоупотребления правом субъектами гражданского правоотношения. При анализе возмещения вреда источником повышенной опасности четко определил значение риска в отношениях по защите интересов потерпевшего. О. А. Красавчиков предложил новый подход к определению оснований возмещения вреда, сформулировал оригинальное понятие риска в качестве исходного, необходимого элемента возникновения обязательства по возмещению вреда.

Изумляет дар предвидения ученого необходимости детального регулирования творческой деятельности. В своей фундаментальной статье и десятке других работ по этой теме О. А. Красавчиков развивает идею естественной свободы творчества, определяет сущность духовного производства нематериальных благ, цивилистические признаки творческой свободы, предлагает авторское понятие творческого труда и юридические формы его организации, формулирует его характер, предпосылки и особенности (в соотношении с трудом воспроизводящим), выделяет интеллектуально-правовые критерии (новизна, оригинальность, уникальность), определяет компоненты творческого процесса, вводит в понятийный аппарат цивилистики новый термин «творческая подотрасль», раскрывает его значение, определяет «институционный состав творческой подотрасли» (авторское право, право на открытие, на изобретение, на рационализаторское предложение, на промышленный образец, на товарный знак и т. д.), квалифицирует объекты творческих правоотношений.

В тоже время, в трудах Д. В. Братуся указывается, что «в поле зрения профессора О. А. Красавчикова были и другие специфические проблемы: актуальные вопросы педагогики, институты жилищного и семейного права, гражданского права стран народной демократии, критика отдельных частноправовых (буржуазных) концепций, вопросы хозяйственного законодательства» [1].

Список впечатляет! Все темы гражданского права!

Уникальная особенность творчества Октября Алексеевича, конечно, не в количестве работ (в списке его научных трудов значится сто восемьдесят одно произведение) [4, с. 478], а «во всепроникающей глубине, вместе с тем предельной точности (пунктуальности) мысли, ясности изложения, отсутствии намека на наукообразность, абсолютной, доминирующей, отчасти подавляющей твёрдости авторской позиции…» [1]. «Ему удивительным образом удавалось сочетать основательность с достаточно лаконичной формой подачи материала». Такую особенность научного творчества Бронислав Мичиславович Гонгало называет «воплощением дисциплины мышления, восхождением к знанию или, в целом, методом профессора О. А. Красавчикова» [5, с. 9].

Метод профессора О. А. Красавчикова также характеризуется «трепетным отношением к слову». Несмотря на весьма сложную (правовую) материю, читаются его произведения сравнительно легко [5, с. 16].

«Творения мэтра – кладезь уникальных литературных форм, словарных оборотов, самобытных понятий и терминов, причем не оторванных от строго научного подхода и жизненных реалий. Количество социально значимых – удобных, стильных, адекватных, технически отточенных, апробированных и активно применяемых – понятий и терминов, введенных О. А. Красавчиковым в правовой обиход, очень велико (некоторые из них мы упоминали выше): правовой фетишизм, антисоциальные и внеуставные сделки, адееспособность, нормативные массивы, трансдееспособность, правоосуществительные элементы и т. д.» [1]

По убеждению или мнению Д. В. Братуся «Образ жизни, практика творчества, твердые жизненные установки Октября Алексеевича Красавчикова – это высокий пример честного служения. Пример жизни Человека, Профессионала и Патриота!» [1].

Красавчиков О. А. награжден медалями и наградами:

1

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Братусь Д. В. Вклад Октября Алексеевича Красавчикова в развитие науки гражданского права : эссе. URL: https://files.cdn-files-a.com/uploads/5415937/normal_616328645309c.pdf (дата обращения 25.08.2025).

2. Великий Октябрь // Юрист : газета Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева. 2023. № 1. С. 7.

3. Красавчиков О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права : избранные труды. В 2-х т. Т. 2. Москва : Статут, 2023. С. 26–48.

4. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права : избранные труды. В 2-х т. Т. 2. Москва : Статут, 2023. С. 478–491.

5. Гонгало Б. М. Метод профессора О. А. Красавчикова // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права : избранные труды. В 2-х т. Т. 1. Москва : Статут, 2023. С. 4–22.

2

[1]Фото:https://www.usla.ru/upload/medialibrary/6ed/5xhmbj3gu82pwwdnqduuom3zmu216jkz.pdf (дата обращения: 01.06.2025).

[2] Фото: https://www.labirint.ru/books/921507/ (дата обращения: 01.06.2025).

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

УДК 347.963
EDN **ERHTKW**

Гавриленко Артем Александрович,
старший преподаватель кафедры судебного права
Юридического института
Иркутского государственного университета
ул. Карла Маркса, 1, г. Иркутск, Россия, 664003
e-mail: veritas777@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2573-488X

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕФОРМЫ СИСТЕМЫ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОКУРАТУР РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (2001-2007 гг.) И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки проведения реформы транспортных прокуратур в России в 2001 году. Автором предложена систематизация факторов, оказавших влияние на принятие решения о реорганизации централизованной системы транспортных прокуратур. Обращено внимание на ключевую роль позиции Генерального прокурора Российской Федерации при принятии решений о трансформации и восстановлении централизованной системы транспортных прокуратур. Отмечается частичный учет советского негативного опыта реформирования транспортных прокуратур в начале 60-х годов XX в, при принятии решения о трансформации транспортных прокуратур в 2001 г.

Ключевые слова: история прокуратуры, история транспортной прокуратуры, система прокуратуры СССР, транспортные прокуратуры.

Для цитирования: Гавриленко А. А. Предпосылки реформы системы транспортных прокуратур Российской Федерации (2001-2007 гг.) и ее последствия: историко-правовой анализ // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 24–33.

Gavrilenko Artem Aleksandrovich,
Senior lecturer, Department of Judicial Law,
Law Institute; Irkutsk State University
K. Marx st., 1, Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: veritas777@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2573-488X

PRECONDITIONS FOR THE REFORM OF THE TRANSPORT PROSECUTOR'S OFFICE SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION (2001-2007) AND ITS CONSEQUENCES: A HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. The article considers the prerequisites for the reform of transport prosecutor's offices in Russia in 2001. The author proposed the systematisation of factors that influenced the decision to reorganise the centralised system of transport prosecutor's offices. Attention was paid to the key role of the position of the Prosecutor General of the Russian Federation when making decisions on the transformation and restoration of the centralised system of transport prosecutor's offices. The negative consequences of not taking into account the Soviet experience of reforming

transport prosecutor's offices in the early 60s of the XX century when making a decision on the transformation of transport prosecutor's offices in 2001 were noted.

Key words: the history of the Prosecutor's office, history of the transport prosecutor's office, military transport prosecutor's office in the USSR, transport prosecutor's office.

For citation: Gavrilenko A. A. Preconditions for the Reform of the Transport Prosecutor's Office System in the Russian Federation (2001-2007) and its Consequences: a Historical and Legal Analysis // The Art of Law. 2025. № 3. С. 24–33.

Значение транспорта в России сложно переоценить, учитывая его роль в обеспечении территориальной целостности и управляемости страны. Транспорт поддерживает существование единого экономического пространства, являясь одним из важнейших компонентов социальной стабильности и беспрепятственной мобильности. Транспорт выступает связующим звеном для взаимодействия нашей страны с мировым сообществом. Для надлежащей деятельности транспортной системы государством устанавливаются строгие правила ее эксплуатации, что связано со значительными рисками функционирования ее элементов.

На протяжении без малого столетия особая роль по обеспечению соблюдения законности на транспорте в России отводится транспортным прокуратурам. За указанный период времени эти специализированные органы прокуратуры подвергались существенным преобразованиям, как в организационном, так и функциональном плане. Были отрезки времени, когда доминировало отрицательное отношение к их существованию.

В мае 2000 года на должность Генерального прокурора Российской Федерации был назначен В. В. Устинов[1], который в целом негативно относился к целесообразности сохранения имевшейся разветвленной системы специализированных прокуратур.

Одной из таких отправных точек для последующей ликвидации централизованной системы транспортных прокуратур стала инициированная главой органа реформа 2001 г.

Целями исследования являются определение предпосылок, правовых оснований, причин, процесса реформирования транспортных прокуратур и его последствий в период 2001-2007 гг. Выявление закономерностей и противоречий в развитии специализированных органов прокурорского надзора в сфере транспорта в рассматриваемый период в контексте трансформации национальной системы управления.

Для достижения данной цели поставлены следующие задачи:

–изучение влияния реформ начала 2000-х на реорганизацию централизованной системы транспортных прокуратур;

–анализ процесса и мотивов организационной трансформации транспортных прокуратур в исследуемый период;

–оценка последствий упразднения централизованной системы транспортных прокуратур.

Предпосылки реформирования и их оценка

Для выявления факторов, способствовавших инициации реформ, необходимо проанализировать сложившуюся к моменту реформ экономическую ситуацию в стране, состояние и оценку эффективности деятельности транспортных прокуратур,

[1] О назначении Устинова Владимира Васильевича на должность Генерального прокурора Российской Федерации : постановление СФ ФС РФ от 17 мая 2000 г. № 99-СФ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 21. Ст. 2136.

проблемы в этой сфере и предлагаемые пути их решения.

Вследствие общего состояния экономики, к 2000 г., несмотря на рост (преимущественно за счет роста перевозок на автомобильном транспорте), значительно снизились показатели работы отдельных видов транспорта. Существенно сократились объемы перевозок грузов железнодорожным транспортом (с 1640 млн т. в 1992 г, к 1047 млн т. в 2000 г.). Но при этом снижалась и аварийность на железнодорожном (с 34 происшествий в 1992 г, до 7 происшествий в 2000 г.) и иных видах транспорта[1]. Это сказывалось на деятельности транспортных прокуратур.

В то же время, к 2000 году экономика России переходила в фазу роста, общий объем перевозок грузов в транспортном комплексе вырос на 8,1 процента. Появилась позитивная динамика показателей экономического положения предприятий транспортного комплекса[2].

Начало 2000-х гг. являлось периодом разработки концепции реформирования транспортной системы, и, прежде всего, железнодорожного транспорта. Предполагалось разделение функций государственного регулирования и управления хозяйственной деятельностью на железнодорожном транспорте. В Программе структурной реформы на железнодорожном транспорте Российской Федерации на 2001-2010 годы была предусмотрена передача функций хозяйственного управления от Министерства путей сообщения Российской Федерации (МПС РФ) – создаваемому ОАО «Российские железные дороги»[3]. Данная Программа предусматривала реорганизацию системы управления железных дорог, упразднялись отделения железных дорог, предполагалось укрупнение железных дорог, в частности, снова предполагалось воссоединение Красноярской и Восточно-Сибирской железных дорог[4]. Учитывая взаимосвязь системы транспортных прокуратур с построением органов управления транспортом, это не могло не отразиться на структурном составе специализированных надзорных органов. В процессе проводимой реформы МПС РФ в последствии упразднено, его полномочия переданы Министерству транспорта Российской Федерации[5].

По мнению Генерального прокурора Российской Федерации В. В. Устинова, реформа транспортных прокуратур была необходима в связи с несоразмерностью нагрузки в них и территориальных прокуратурах.

Данная позиция доводилась до транспортных прокуроров на совещаниях с Генеральным прокурором Российской Федерации, например, летом 2000 г. в г. Иркутске [1, с. 159].

Генеральный прокурор Российской Федерации В. В. Устинов придерживался мнения о необходимости оптимизации системы органов прокуратуры, в связи с чем предлагалось реорганизовать аппарат Генеральной прокуратуры Российской Федерации и изменить систему транспортных прокуратур. Изменения структуры Генеральной прокуратуры направлены на реорганизацию управления за исполнением законодательства на транспорте и в таможенной сфере, а также Второго управления (надзор на особо

[1] Россия в цифрах-2008 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b08_11/main.htm (дата обращения: 01.05.2025).

[2] Основные показатели работы транспортного комплекса в 2000 году Департамент экономики Министерства транспорта Российской Федерации 6 марта 2001 года // Официальный сайт Министерства транспорта РФ. URL: https://mintrans.gov.ru/press-center/news/24 (дата обращения: 01.05.2025).

[3] О Программе структурной реформы на железнодорожном транспорте : постановление Правительства РФ от 18 мая 2001 г. № 384 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 23. Ст. 2366.

[4] Прим.: не было реализовано.

[5] О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента РФ от 09 марта 2004 г. № 314 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 11. Ст. 945.

режимных объектах). В отношении транспортных прокуратур предлагалось упразднение окружного звена, с передачей транспортных прокуратур, на правах районных, а также прокуратур по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах в подчинение прокурорам субъектов Российской Федерации.

Важную роль сыграло то, что с мая 2000 года начался процесс укрепления вертикали власти, федеративных отношений и т. п., что являлось приоритетным направлением государственной политики нового Президента Российской Федерации В. В. Путина.

В частности, были созданы федеральные округа[1], и как следствие, образованы соответствующие Управления Генеральной прокуратуры[2]. Наличие разветвлённой системы органов прокуратуры не вполне отвечало данному процессу.

В Генеральной прокуратуре Российской Федерации стало доминировать мнение о целесообразности сосредоточения надзорных полномочий, за исключением обеспечения законности в Вооруженных Силах Российской Федерации, в одних руках – у территориальных прокуроров. «Наличие в субъекте Федерации, четырех прокурорских структур законность крепче в четыре раза не делает, но усложняет между ними организационные и информационные связи, исключает возможность представить в регионе действительный уровень законности. Что касается преимуществ специализации, на которые обычно ссылаются при структурировании прокуратуры, то они компенсируются предметным принципом организации надзора» [2, с. 6–7].

Сформировавшаяся в Генеральной прокуратуре Российской Федерации позиция о целесообразности сосредоточения полномочий по организации надзора за прокурором субъекта Российской Федерации была представлена общественности руководителем одного из управлений Генеральной прокуратуры Российской Федерации А. Я. Мыцыковым [3, с. 4–7]. Некоторые авторы высказывают вполне обоснованное мнение, что подход А. Я. Мыцыкова оказал негативное влияние при принятии решений о реорганизации централизованной системы транспортных прокуратур в последующем [4, с. 7–12].

В указанный период в юридической литературе активно высказывались предложения о необходимости реформирования функций и полномочий прокуратуры в целом.

Обращалось внимание на излишнее расширение пределов прокурорского надзора – «влезать во всё и заниматься всеми». В то же время сформирована позиция о целесообразности расширения полномочий прокуроров в сфере экономики, для обеспечения соблюдения законности «в переходный период с уродливо формирующимся рынком» [5, с. 7-12].

Еще одной причиной необходимости реформации называлась неэффективность деятельности прокуратур. Как отмечают некоторые ученые, найти сферу правовых отношений, где бы после мер прокурорского реагирования прочно утвердилась законность, весьма затруднительно – низкий для России уровень правовых традиций, правовой культуры и правовой нигилизм сохраняли и, видимо, долго еще будут сохранять подчиненную и весьма зависимую роль права. Но главное, отмечается, что среди выявленных

[1] О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе : Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 20. Ст. 2112.

[2] Об образовании управлений Генеральной прокуратуры Российской Федерации в федеральных округах : приказ Генпрокуратуры РФ от 05 июня 2000 г. № 98 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.05.2025).

прокурорами нарушений не так уж много тех, которые принято называть системообразующими, то есть связанными с использованием «нефтяной трубы», незаконным вывозом валюты, банковскими «играми» с бюджетными средствами и деньгами населения, злоупотреблениями в налоговой сфере, землепользовании и т. п. По мнению отдельных исследователей, необходимо отказаться от широкозахватного надзора за исполнением законов, а взамен сосредоточить усилия на направлениях, делающих заметным общественно полезный результат прокурорских акций. Такими направлениями назывались противодействие правонарушениям, посягающим на базисные сектора социально-экономической жизни: государственная собственность, природные ресурсы, налоги, внешняя торговля, землепользование, банковская деятельность [6, с. 19].

Отметим, что транспортные прокуроры, наравне с территориальными прокурорами, в целом позитивно воспринимали необходимость трансформации имевшейся организационной модели прокуратур Российской Федерации.

Так, прокурорами предлагалось упразднение ряда районных транспортных прокуратур, с учетом изменения системы управления железными дорогами, укрупнение транспортных прокуратур, приравненных к прокуратурам субъектов Российской Федерации. Но они обоснованно отстаивали и необходимость сохранения сложившейся централизованной системы транспортных прокуратур, в силу специфики надзорной деятельности, и накопленного профессионального опыта [1, с. 161]. Например, Восточно-Сибирская транспортная прокуратура на момент своей ликвидации осуществляла руководство деятельностью 11 транспортных прокуратур, находящихся на территории 4 субъектов Российской Федерации (Республика Саха (Якутия), республика Бурятия, Иркутская область, Читинская область). Надзор за УВД на транспорте (Восточно-Сибирское и Северо-Восточное) осуществлялся в отношении линейных отделов милиции, расположенных в 5 субъектах Российской Федерации (помимо указанных, еще и в Магаданской области)[1].

В ноябре 2000 г. Генеральным прокурором Российской Федерации направлено письмо территориальным и специализированным прокурорам, в котором, в качестве причин предстоящих преобразований специализированных прокуратур (транспортных и ЗАТО) названы: дисбаланс нагрузки между территориальными и специализированными прокуратурами, утрата эффективности управления системой, сокращение численности ЗАТО и спец объектов, а также изменение правового статуса отделений железных дорог и предстоящие организационно-структурные изменения железных дорог[2].

Таким образом, факторы, оказавшие влияние на развитие централизованной системы транспортных прокуратур в период начала 2000-х, как представляется, целесообразно разделить на:

– объективные (сложившаяся система управления, внешнее и внутреннее состояние государства и т. п.) и субъективные (взгляды на развитие системы прокуратуры, позиция действующего Генерального прокурора Российской Федерации и т. п.);

[1] Государственный архив Иркутской области Ф. Р 3474. Оп. 1.Д. 405. Л. 52.

[2] Прокурорам субъектов Российской Федерации, приравненным к ним военным, транспортным прокурорам и прокурорам иных специализированных прокуратур, городским и районным прокурорам (обсудить в коллективах прокуратур) : письмо Генерального Прокурора РФ от 22 ноября 2000 г. // Государственный архив Иркутской области Ф. Р 3474. Оп. 1.Д. 406. Л. 45.

– внешние (связанные с изменениями государственной политики, в том числе в отношении поднадзорной транспортной сферы; экономическими и организационными показателями деятельности транспорта и др.) и внутренние (организационные и правовые основы системы транспортных прокуратур, статистика нагрузки деятельности транспортных прокуратур и др.);

– экономические (показатели функционирования транспортной системы и др.); социально-управленческие (реформирование транспортной системы, трансформация прокурорской системы и др.); политико-идеологические (централизация власти в стране, субъективная позиция руководства прокуратуры, попытка окончательного оформления перехода от советской к российской модели прокуратуры и др.).

Реализация и итоги реформы

22 января 2001 года осуществлена очередная для нашей страны реформа централизованной системы транспортных прокуратур[1]. Транспортные прокуратуры, приравненные к районным, переданы в подчинение прокурорам субъектов Российской Федерации, а транспортные прокуратуры, приравненные к прокуратурам субъектов Российской Федерации, ликвидированы.

Выполнение функций по надзору за региональными и межрегиональными органами железнодорожного, воздушного, морского и речного транспорта, внутренних дел на транспорте, таможенными органами, осуществлявшихся транспортными прокуратурами (приравненных к прокуратурам субъектов Российской Федерации) передавался прокуратурам субъектов Российской Федерации, на территории которых расположены эти органы.

Транспортным прокурорам, приравненным к прокурорам субъектов Российской Федерации, предписывалось в десятидневный срок передать в соответствующие прокуратуры субъектов Российской Федерации материалы, связанные с деятельностью транспортных прокуратур районного уровня. Передачу остальных имеющихся в аппаратах транспортных прокуратур материалов, а также уголовных дел предписано завершить не позднее 30 марта 2001 года.

Проведенные организационное преобразования в системе транспортных прокуратур повлекли перераспределение полномочий подразделений Генеральной прокуратуры Российской Федерации. В субъектах Российской Федерации надзор за исполнением законов на транспорте, в органах внутренних дел на транспорте и в таможенных органах был возложен на прокуроров республик, краев, областей и автономных округов. Также установлено, что надзор ими осуществляется в пределах территории соответствующего субъекта Российской Федерации. Прокурорам субъектов Российской Федерации предписано осуществлять надзор за исполнением законов в аппаратах таможенных управлений, управлений внутренних дел на транспорте, управлений железных дорог, воздушного, водного и автомобильного транспорта, морских и речных пароходств, бассейновых инспекций, а также морских и речных регистров соответствующих субъектов федерации, на территории которых они находились.

С учетом экстерриториальной организации и функционирования транспортных и таможенных органов, а также органов внутренних дел на

[1] Об изменении организации прокурорского надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенных органах и реорганизации транспортных прокуратур : приказ Генерального прокурора РФ от 22 января 2001 г. № 2. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.05.2025).

транспорте, а также с целью обеспечения эффективного функционирования вышеуказанных органов прокурорам субъектов Российской Федерации предписано осуществлять взаимодействие друг с другом посредством обмена информацией, документами и т. д.

В прокуратурах субъектов Российской Федерации учреждались дополнительные должности заместителей прокурора, формировались специализированные отделы по надзору за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере[1].

Также транспортным прокурорам передали полномочия по осуществлению надзора за исполнением законов на особо режимных объектах, в субъектах Российской Федерации, где отсутствовали соответствующие специализированные прокуратуры[2]. Как отмечалось ранее, данное решение являлось следствием мнения Генерального прокурора Российской Федерации, сформированного исходя из показателей деятельности прокуратур ЗАТО.

Следует отметить, что, как и после упразднения транспортных прокуратур Союза ССР в 60-е гг. XX в., Генеральный прокурор Российской Федерации сохранил за собой полномочия самостоятельно создавать в регионах транспортные прокуратуры различного уровня и этим правом активно пользовался. Например, в августе 2003 года из состава прокуратуры города Москвы исключена и создана в качестве самостоятельной – Московская прокуратура по надзору за исполнением законов на воздушном и водном транспорте[3].

Транспортные прокуроры (на правах районных и городских) продолжали осуществлять надзор за исполнением законов на транспорте и в таможенных органах в соответствии с ранее установленной компетенцией.

С учетом изменения организационной структуры железных дорог, оптимизировалась численность транспортных прокуратур на правах районных. Например, с 23.12.2001 г. упразднена Черемховская транспортная прокуратура с передачей ее полномочий Иркутской и Нижнеудинской транспортным прокуратурам[4].

Наиболее сложные и актуальные дела о преступлениях на транспорте и в таможенных органах принимались к производству следственными подразделениями прокуратур субъектов Российской Федерации.

После произведенных изменений в системе органов прокуратуры в целях упорядочения регулирования организации и деятельности органов прокуратуры и совершенствования базы распорядительных документов Генеральной прокуратурой Российской Федерации были проведены мероприятия по оптимизации перечня и содержания ведомственных актов по вопросам деятельности транспортных прокуратур[5].

---

[1] О внесении изменений в структуру и штатное расписание прокуратуры Иркутской области : приказ Генерального прокурора РФ от 27 марта 2001 г. № 49 // Государственный архив Иркутской области Ф. Р 2793. Оп. 3. Д. 1009. Л. 9-10.

[2] Об организации надзора за исполнением законов в оборонно-промышленном комплексе : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26 июля 2001 г. № 47 // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации / под ред. С. Г. Кехлерова. Тула, 2004. Т. 1. С. 91–99.

[3] Об образовании Московской региональной прокуратуры по надзору за исполнением законов на воздушном и водном транспорте : приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 72-ш от 4 августа 2003 г. // Историческая справка прокуратуры города Москвы за период с августа 2003 года по декабрь 2008 года. URL: http://www.mosproc.ru/istorija/ (дата обращения: 01.03.2025).

[4] О ликвидации Черемховской транспортной прокуратуры : приказ Генерального прокурора РФ от 25 сентября 2001 г. № 147-и // Государственный архив Иркутской области Ф. Р 2793. Оп. 3.ед. хр. № 1009. л. д. 37 ; О ликвидации Черемховской транспортной прокуратуры : приказ прокурора Иркутской области от 19 октября 2001 г. № 658 // Государственный архив Иркутской области Ф. Р 2793. Оп. 3. Д. 1067. Л. 121.

[5] О признании недействующими некоторых организационно-распорядительных документов: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 23 мая 2001 г. № 32 // Сборник

Думается, произошедшие изменения организационной модели прокуратуры Российской Федерации являлись попыткой зафиксировать завершение перехода от советской модели к модели новой российской прокуратуры.

Цель реформы состояла в том, чтобы сконцентрировать прокурорский надзор за исполнением законов на транспорте и в таможенных органах непосредственно на местах, усилив ответственность областных прокуроров. Кроме того, в результате реорганизации высвободилось около 1000 вакансий прокуроров и следователей, которыми были укреплены следственные отделы и подразделения государственных обвинителей[1].

Каковы последствия реформы?

В результате реформирования существование транспортных прокуратур, как централизованной ветви прокурорской системы, прекращено ввиду их подчинения территориальным прокурорам.

Генеральный прокурор Российской Федерации позитивно оценивал инициированные им в отношении транспортных прокуратур преобразования. В частности, он отмечал, что: «Таможенники может быть впервые за последнее время узнали, что есть прокурорский надзор, а не панибратские, как иногда случалось, отношения с прежними прокурорами» [7].

По оценке прокурорских работников, после перехода районных транспортных прокуратур в подчинение прокуратурам субъектов Российской Федерации деятельность отдельных транспортных прокуратур (например, Татарской транспортной прокуратуры), активизировалась, а показатели работы значительно улучшились[2]. Однако в большинстве субъектов Российской Федерации ликвидация единой централизованной системы транспортных прокуратур непосредственно привела к негативным последствиям [8, с. 55].

Активная правотворческая деятельность Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ориентированная на оптимизацию организации и осуществления надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенных органах, доказывает, что реформа не решила насущных проблем, связанных с совершенствованием прокурорского надзора в этой сфере.

Вследствие того, что прокуроры различных уровней не в полной мере реализовывали предоставленные им полномочия по выявлению и устранению причин, способствующих правонарушениям и преступлениям в таможенной сфере, по защите прав граждан, интересов государства и общества, для усиления надзора за исполнением таможенного законодательства предписано обеспечить тесное взаимодействие между транспортными прокуратурами, надзирающими за процессуальной деятельностью таможенных органов, и районными территориальными прокуратурами, осуществляющими надзор за расследованием уголовных дел, возбужденных таможенными органами. Также указывалось на необходимость налаживания координации правоохранительных органов в борьбе с контрабандой, уклонением от уплаты таможенных пошлин и налогов, незаконным возмещением налога на

основных организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации / под ред. С. Г. Кехлерова. Тула, 2004. Т. 2. С. 545–562 ; О признании некоторых организационно-распорядительных документов утратившими силу : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 10 дек. 2002 г. № 73 // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации / под ред. С. Г. Кехлерова. Тула, 2004. Т. 2. С. 570–575.

[1] Из истории создания и становления Дальневосточной транспортной прокуратуры. URL: http://www.dvtp.ru/history (дата обращения: 01.05.2025).

[2] История прокуратуры Приволжской транспортной прокуратуры. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/ptp/about-the-proc/history (дата обращения: 01.05.2025).

добавленную стоимость и коррупцией в таможенной сфере[1].

Следует также отметить, что одним из негативных последствий ликвидации транспортных прокуратур стало «распыление» прокурорского надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенных органах между прокуратурами субъектов Российской Федерации, который по своей сути всегда носил межтерриториальный характер.

Известно, что административное деление железных дорог не совпадает с границами субъектов Российской Федерации и федеральных округов. При этом МВД России сохранило систему органов внутренних дел на транспорте, участки которых, как правило, совпадают с административным делением железных дорог. Это обусловлено тем, что компетенция прокуратур субъектов Российской Федерации ограничена рамками их территорий, и поэтому они объективно не в состоянии осуществлять эффективный надзор за исполнением законов транспортными и милицейскими службами, деятельность которых носит межрегиональный характер. Ведь многие преступления на транспорте носят длящийся характер, нередко совершаются по ходу движения транспортных средств на территории нескольких областей и республик: хищения, различные нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта и так далее [9, с. 34].

Статистические данные показывают, что и с позиций обеспечения транспортной безопасности реформа не стала панацеей. Если на железнодорожном транспорте аварийность оставалась стабильной, то на воздушном транспорте ситуация была сложной. Так, если в 2000 г. число погибших в авиационных происшествиях составило 20 человек, то при динамике роста данного показателя за весь период, к 2006 г. оно составило 313 человек[2]. Непосредственное влияние на увеличение числа погибших оказывал рост числа преступлений террористического характера на транспорте.

В 2006 г. на должность Генерального прокурора Российской Федерации назначен Ю. Я. Чайка, что оказало существенное влияние на позицию Генеральной прокуратуры Российской Федерации в отношении целесообразности восстановления централизованной системы транспортных прокуратур[3].

Отметим, как и при упразднении транспортных прокуратур в 1960 г., не был проведен детальный анализ рисков последствий такого решения [10, с. 25]. В то же время, в отличие от реформы 1960 г. основное звено транспортных прокуратур было сохранено.

Можно заключить, что проведенные преобразования в сфере организации и деятельности транспортных прокуратур не имели существенного позитивного эффекта, а в чем-то их можно признать ошибочными.

Заключение и выводы

История и практика деятельности транспортных прокуратур свидетельствует о том, что серьезная специализация кадров, определенная специальная техническая и технологическая базы с наибольшим успехом, позволяют осуществлять эффективный надзор за исполнением законов на транспорте. Упразднение централизованной системы транспортных прокуратур привело к росту преступности и аварийности на транспорте ввиду «распыления» надзора. Разобщенность между линейными и территориальными структурами использована криминалитетом, обусловила рост

[1] О мерах по усилению прокурорского надзора за исполнением таможенного законодательства и расследованием преступлений в таможенной сфере : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 30 ноября 2005 г. № 37 // Законность. 2006. № 2. С. 58–60.

[2] Россия в цифрах-2008 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b08_11/main.htm (дата обращения: 01.05.2025).

[3] О назначении Чайки Юрия Яковлевича на должность Генерального прокурора Российской Федерации : постановление СФ ФС РФ от 23 июня 2006 г. № 180-СФ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 27. Ст. 2889.

латентности преступлений на транспорте [11].

Исследование реформы транспортных прокуратур 2001 года актуально не только как историко-правовой анализ, но и как методологический ориентир для возможных современных преобразований. За десятилетия своего существования транспортные прокуратуры подтвердили целесообразность отраслевой специфики деятельности для обеспечения соблюдения законности в стратегически значимых сферах.

Инициированная Генеральным прокурором Российской Федерации В. В. Устиновым реформа, является важным этапом развития отечественной прокурорской системы. Данная реформа стала ярким примером повторения исторических ошибок. Опыт Союза ССР периода 1960-80-х гг. уже демонстрировал, что упразднение централизованной системы транспортных прокуратур крайне негативно отражается на состоянии законности на транспорте.

Проведенная Генеральным прокурором Российской Федерации В. В. Устиновым реформа ориентирована в большей мере не на совершенствование специализированного надзора, а на оптимизацию штатов. Неэффективность принятых мер фактически обнародована в 2007 г., когда новым Генеральным прокурором Российской Федерации Ю. Я. Чайкой принято решение о восстановлении централизованной системы транспортных прокуратур.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сазонов В. В. «Государево око» от Сибири до Востока. Иркутск, 2011. 360 с.

2. Мыцыков А. С. Прокуратура: проблемы развития // Прокурорский надзор. 2000. № 3. С. 6–7.

3. Мыцыков А. С. Прокуратура. Проблемы развития // Законность. 2000. № 1. С. 4–7.

4. Диканова Т. А., Изгагина Т. Ю. Становление современной системы транспортных прокуратур после распада СССР // Законность. 2022. № 3. С. 7–12.

5. Бойков А. Д., Рябцев В. П., Скворцов К. Ф. Проблемы развития правового статуса Российской прокуратуры (в условиях переходного периода). Москва, 1998. 434 с.

6. Мыцыков А. С. Прокурорский надзор за исполнением законов (возможности, пределы, перспективы) // Прокурорская и следственная практика. 1998. № 3. С. 19–31.

7. Устинов В. В. Прокуратуры, к которой все привыкли – уже не будет // Право и безопасность. 2002. № 1 (2). URL: https://dpr.ru/pravo/pravo_2_3.htm (дата обращения: 01.05.2025).

8. Наумов А. Надзор за законностью предварительного расследования преступлений на транспорте (исторический и организационный аспекты) // Законность. 2007. № 4. С. 53–56.

9. Годунко А. Транспортная прокуратура: 15 лет спустя // Законность. 1995. № 12. С. 34.

10. Гавриленко А. А., Иванков К. А. Зарождение и развитие транспортной прокуратуры в России в XVIII – сер. XX вв. // Сибирский юридический вестник. 2011. № 2(53). С. 17–26.

11. Наумов А. М. Прокурорский надзор за законностью предварительного расследования преступлений на транспорте : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2005. 238 с.

УДК 347.963
EDN **ESSOKH**

Деревскова Валентина Михайловна,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
Шевцова, 1, г. Иркутск, Россия, 664035
e-mail: vderevskova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0760-2808

Чигвинцев Илья Андреевич,
аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации
ул. Азовская, 2, корп. 1, г. Москва, Россия
e-mail: Ilya1234qwer@gmail.com

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена вопросу периодизации истории прокуратуры России. Рассматриваются основные подходы к периодизации истории прокуратуры России. Особое внимание уделяется критическому осмыслению подходов к периодизации истории прокуратуры.

Доказывается необходимость выделения трех отдельных исторических периодов развития прокуратуры России, предлагается выделение в качестве самостоятельных периодов этапов прокуратуры России: прокуратура «антибольшевистских правительств», прокуратура в период Великой Отечественной войны. Сделан вывод, о том, что новый подход к периодизации истории прокуратуры России является научно обоснованным и исторически справедливым.

Ключевые слова: периодизация истории прокуратуры, прокуратура Российской империи, прокуратура антибольшевистских правительств, советская прокуратура, прокуратура в годы Великой Отечественной войны.

Для цитирования: Деревскова В. М., Чигвинцев И. А. Новые подходы к периодизации истории прокуратуры России // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 34–42.

Derevskova Valentina Mikhailovna,
Head of the Department of Theory and History
of State and Law Irkutsk Law Institute (Branch)
University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation,
PhD in Law, Ass. Professor
Shevtsova st., 1, Irkutsk, 664035
e-mail: vderevskova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0760-2808
Chigvintsev Ilya Andreevich,
Postgraduate student
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Shevtsova st., 1, Irkutsk, 664035
e-mail: Ilya1234qwer@gmail.com

NEW APPROACHES TO THE PERIODIZATION OF THE HISTORY OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN RUSSIA

Annotation. The article is devoted to the issue of the history periodization of the Russian prosecutor's office. The main approaches to periodization of the history of the Russian prosecutor's office were considered. Particular attention was paid to critical understanding of approaches to periodization of the history of the prosecutor's office. The necessity of distinguishing three separate historical periods of development of the Russian prosecutor's office was proved, it was proposed to distinguish stages of the Russian prosecutor's office as independent periods: the prosecutor's office of "anti-Bolshevik governments", the prosecutor's office during the Great Patriotic War. The author concluded that the new approach to the periodization of the history of the Russian prosecutor's office would scientifically sound and historically fair.

Key words: periodization of the history of the prosecutor's office, the prosecutor's office of the Russian Empire, the prosecutor's office of anti-Bolshevik governments, the Soviet prosecutor's office, the prosecutor's office during the Great Patriotic War.

For citation: Derevskova V. M., Chigvintsev I. A. New Approaches to the Periodization of the History of the Prosecutor's Office in Russia // The Art of Law. 2025. № 3. С. 34–42.

Российское законодательство не содержит определение понятия «историческая память», несмотря на это, государство, осознавая ценность истории, фактически взяло на себя обязанность по защите исторической памяти. Базовым нормативным источником, определяющим государственную задачу по сохранению исторической памяти, является Конституция Российской Федерации. Так, в статье 67.1 Конституции Российской Федерации закреплено, что Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды.

Сохранение исторической памяти является важнейшей задачей современной исторической и историко-правовой науки. В ситуации, когда общая история различных народов переписывается исходя из идеологических установок, а оценка исторических явлений происходит в отрыве от научных принципов, перед исторической и историко-правовой наукой стоит цель обеспечить соблюдение методологических основ при изучении истории с целью сохранения исторической памяти.

Вопрос периодизации истории прокуратуры России до настоящего момента является дискуссионным, единообразного подхода к определению исторических границ истории прокуратуры не сложилось. Анализ научной литературы позволяет говорить о существовании нескольких основных подходов при определении исторических этапов развития прокуратуры России.

В основе первого деления лежат функции, которые возлагались на прокуратуру. Так, выделяют следующие этапы: первый этап (1722–1864 гг.) прокуратура надзорного типа с преобладанием функции надзора за соблюдением законности; второй этап (1864–1917 гг.) прокуратура обвинительного типа как орган уголовного преследования с преимущественной функцией поддержания обвинения в суде; третий этап (1922 г. по настоящее время) прокуратура смешанного, надзорно-обвинительного типа [1, с. 21 ; 2, с. 7].

Другие, придерживаясь этого критерия и выделяя те же этапы, вносят некоторые уточнения: «1. Прокуратура «надзорного типа» (1722–1864 гг.). 2. Прокуратура «обвинительно-надзорного типа» (1864–1917 гг.). 3. Прокуратура «надзорно-обвинительного типа» (1922–1991 гг.). Современную российскую

прокуратуру (с 1992 г. по настоящее время) условно можно отнести к третьему типу, но она представляет собой интегративную систему смешанного типа («надзорно-обвинительного типа с правозащитной и правоохранительной направленностью») [3, с. 58].

Если придерживаться указанного критерия, то все же необходимо отметить, что многие функции, которые возлагались на прокуратуру на указанных этапах, фактически не менялись, а лишь расставлялись приоритеты, которые, в свою очередь, были связаны с определёнными этапами развития государства, целями и задачами, формулируемыми для государственных органов, проводимой внутренней политикой, то есть, так или иначе, акцент на выполнение тех или иных функций не может рассматриваться без отрыва от конкретно-исторической обстановки, существовавшей на том или ином историческом отрезке времени. По большому счёту две функции, надзор за законностью в деятельности государственных органов и государственное обвинение, являлись главными на протяжении всего периода существования прокуратуры и преимущественное осуществление той или иной функции и стало определяющим для выделения этапов по указанному критерию.

Второй подход определяет границы периодов истории прокуратуры исходя из изменения государственно-политического строя Российского государства. Таким образом, выделяется три периода: дореволюционный, советский и период прокуратуры Российской Федерации [4, с. 34–41].

В рамках этого критерия встречаются и иные подходы, например, Н. В. Галузо также выделяет три периода в зависимости от этапов развития государства, но им выделяются иные подэтапы:

1. Досоветский этап (январь 1722 г. – октябрь 1917 г.): период возникновения прокуратуры (январь 1722 г. – 1762 г.), период развития прокуратуры при реформировании разделения властей (1762 г. – 1811 г.), период развития прокуратуры в системе исполнительной власти (1811 г. – 1855 г.), период правовых реформ, в котором преобладала тенденция вовлечения прокуратуры в систему органов судебной власти (1855 г. – 1881 г.), революционный период, в котором возрастала роль прокуратуры как органа уголовного преследования в системе органов судебной власти (1881 г. – октябрь 1917 г.).

2. Советский этап (октябрь 1917 г. – январь 1992 г.): период революционной законности (26 октября 1917 г. – 1 августа 1922 г.), период формирования советской прокуратуры (1 августа 1922 г. – 20 июня 1933 г.), период конституционного реформирования прокуратуры (29 июня 1933 г. – 22 июня 1941 г.), военный период (22 июня 1941 г. – 19 марта 1946 г.), послевоенный период (19 марта 1946 г. – 7 октября 1977 г.), переходный период (7 октября 1977 г. – 2 января 1992 г.).

3. Российский период (январь 1992 г. по настоящее время): предконституционный период (январь 1992 г. – 21 сентября 1993 г.), конституционный период (21 сентября 1993 г. по настоящее время) [5, с. 20, 21, 26, 27, 58–66].

Выделение подэтапов Н. В. Галузо подвергалось критике, так М. А. Тхакушинов указывал на то, что данная периодизация чрезмерна [6, с. 14].

С нашей точки зрения неясным остаётся критерий выделения подэтапов, например, революционный (1881 г. – октябрь 1917 г.), когда указывается, что возрастала роль как органа уголовного преследования, но эта функция была присуща прокуратуре с момента принятия Судебных уставов 1864 г.

В основе следующего деления истории прокуратуры на периоды называют и принятие нормативных правовых актов, которые принципиально меняли прокуратуру. Так,

О. А. Кожевников выделяет следующие этапы: 1) 1722–1775 гг. (от принятия указов о создании прокуратуры до Учреждения для управления губерний Всероссийской империи); 2) 1775–1802 гг. (образование Министерства юстиции); 3) 1802–1864 гг. (принятие Судебных уставов); 4) 1864–1917 (Декрет о суде № 1); 5) 1922 (Положение о прокурорском надзоре) – 1936 (образование единой централизованной прокуратуры СССР); 6) 1936–1955 (Положение о прокурорском надзоре СССР); 7) 1955–1979 (Закон о прокуратуре СССР); 8) 1979–1992 (Закон о прокуратуре РФ); 9) 1992 г. по настоящее время [7, с. 57].

Выделение этапов развития прокуратуры исходя из изменения государственно-политического строя Российского государства или принятия нормативных актов, которые регулировали деятельность прокуратуры, также требует критического осмысления. Данные подходы не позволяют определить динамику развития прокуратуры как органа государственной власти. Нельзя не согласиться, что прокуратура, как и в дореволюционное, так и в советское время не была статична, в зависимости от внешних и внутренних вызовов менялись роли и значение прокуратуры в системе государственной власти, менялась и роль прокуратуры в обществе. Стоит подчеркнуть, что принятие нормативных правовых актов было также связано с тем или иным этапом развития нашего государства.

Третий подход к определению периодизации истории прокуратуры России является интегративным, он основывается не только на тех функциях прокуратуры, которые были в приоритете у государства, но и на функциях в основе которых лежит сущность и роль прокуратуры в системе органов государственной власти в конкретный исторический период времени.

Подробнее рассмотрим данный поход к периодизации истории прокуратуры России. При этом считаем, необходимым отметить, что существует разница между понятиями «период» и «этап». Период необходимо рассматривать как промежуток времени, в течение которого возникают, развиваются и заканчиваются те или иные явления, а этап как стадию какого-либо процесса (становления и развития).

История прокуратуры Российской империи началась 12 января 1722 г., когда Петром I создан новый орган, который должен был обеспечивать надзор за государственным аппаратом. Изначально прокуратура должна была осуществлять общий (административный) надзор, а также надзор за местами заключения под стражей и местами лишения свободы. На протяжении последующих лет вплоть до восшествия на престол Екатерины II деятельность прокуратуры то прекращалась, то восстанавливалась вновь из-за частой смены монархов на престоле и неоднозначного отношения их к прокуратуре. При Екатерине II возрастает роль административной власти генерал-прокурора, с сохранением надзорных функций, которые были расширены за счёт участия в рассмотрении дел в судебных инстанциях.

Следующий этап связан с переходом к министерской системе и до начала проведения судебной реформы 1864 г. В первой половине XIX в. происходило развитие государственного аппарата Российской империи, что являлось отражением поиска оптимальной модели управления при изменении социально-экономических условий существования государства. При проведении министерской реформы 1802 г. генерал-прокурор стал одновременно и министром юстиции, а также появился надзор за производством следствия.

В середине XIX в. наступает кризис крепостнической системы и появляется необходимость в проведении буржуазных реформ для выхода из сложившейся ситуации. В ходе принятия и реализации

судебной реформы 1864 г. менялась организация и функции прокуратуры. Прокуратура, как и многие органы, способствующие осуществлению правосудия, организационно стала состоять при судах. Функции прокуратуры также изменились и первостепенными стали функции в уголовном процессе.

С созданием Советского государства происходил процесс становления и развития советской прокуратуры, однако он имел свои особенности. На территории, где была установлена власть большевиков Декретом Совета народных комиссаров РСФСР «О суде» № 1 от 24 ноября 1917 г., ликвидирована прежняя судебная система и вместе с ней прокуратура, а контрольно-надзорные функции осуществляли различные государственные органы.

Вместе с тем, период с 1917 по 1922 гг. характеризуется тем, что на территориях страны, где советская власть не была установлена, действовала прокуратура прежнего образца. Справедливо будет отметить, что при исследовании вопроса периодизации прокуратуры России нельзя упускать из вида историю развития прокуратур так называемых «антибольшевистских правительств».

Исследователями данного периода времени отмечается, что там, где действовали «антибольшевистские правительства», сохранялась в основном система правоохранительных органов царской России практически без изменений, нормативная база их деятельности, а также кадровый состав этих органов, особенно на среднем и низшем уровнях [8, с. 43]. При этом, современные исследования прокуратур «антибольшевистских правительств» приходят к выводу, что прокуратура не просто являлась продолжением прокуратуры дореволюционной России, а прошла путь эволюции за короткий промежуток времени. Прокуратуры, которые функционировали в период Гражданской войны, имели свои особенности, которые определялись спецификой государственно-правовых образований, на территории которых они и функционировали. Например, Д. Р. Зайнутдинов пишет, что «прокуратура Российской Федерации имеет много общих черт с той структурой, которая развивалась на территории антибольшевистских государственных образований» [9, с. 440].

Не вдаваясь в оценку справедливости данного тезиса, стоит отметить, что изучение прокуратуры как органа государственной власти «антибольшевистских правительств» действительно открывает новые возможности для развития отечественной истории государства и права. Использование сравнительного метода позволяет сделать выводы об эффективности тех или иных направлений деятельности прокуратуры. Также помимо научного интереса, изучение прокуратуры «антибольшевистских правительств» имеет и практическую значимость. Ведь деятельность прокуратуры «антибольшевистских правительств» пришлась на время существенных изменений во всех аспектах государства и общества. Как видится, именно опыт работы прокуратуры во время кризиса может быть полезен в настоящее время, когда наше государство находится под давлением внешних сил, которые пытаются дестабилизировать общество.

Необходимо отметить, что исследователи вообще не выделяют указанный период, вместе с тем, на значительной части территории России продолжала работать прокуратура по своей модели организации и функционирования, с одной стороны, являлась продолжением пореформенной прокуратуры Российской империи, а с другой стороны, эволюционировала в условиях гражданской войны. Поэтому полагаем, что не стоит период с 1917 по 1922 гг. выделять в качестве самостоятельного периода истории прокуратуры России, верно будет называть данный этап истории как

прокуратура «антибольшевистских правительств», но при этом необходимо отнести этот этап к функционированию российской прокуратуры и отметить период российской прокуратуры с выделением этапов функционирования прокуратуры Российской империи в XVIII в., далее с 1801 по 1864 гг., с 1864 по 1917 гг., а также этап деятельности прокуратуры «антибольшевистских правительств».

Советская прокуратура создана только после принятия 28 мая 1922 г. ВЦИК РСФСР «Положения о прокурорском надзоре». Во главе прокуратуры в качестве прокурора республики назначен комиссар Народного комиссариата юстиции РСФСР. Также определены функции прокуратуры: надзор за законностью действий всех органов государственной власти и управления, организаций и граждан, надзор за деятельностью органов дознания и следствия, поддержание обвинения, надзор за местами содержания под стражей и местами лишения свободы.

После создания СССР учреждается должность Прокурора Верховного суда СССР. Следующим этапом стала централизация прокуратуры. Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР 20 июня 1933 г. учреждена Прокуратура СССР, в качестве единого централизованного надзорного органа, не входящего ни в систему исполнительной, ни в систему судебной власти, как это было с 1922 г. по 1933 г. В связи с этим авторами выделяется этап в истории советской прокуратуры с 1933 по 1941 гг.

Прокуратура СССР в годы Великой Отечественной войны, являлась надзорным органом государства, которая должна была обеспечить выполнение тех задач, которые возникали при переводе государства на военное положение. Именно в связи с этим и происходили основные изменения деятельности прокуратуры в годы войны, это также являлось важной вехой в истории прокуратуры. Ещё советские исследователи истории прокуратуры отмечали, что в годы войны перед прокуратурой стояли специфические задачи, обусловленные военным временем [10, с. 110–118].

Такой подход обусловлен прежде всего спецификой осуществления прокурорской деятельности в указанный временной промежуток. Как отмечается, некоторые особенности осуществления прокурорской деятельности могут быть использованы в условиях чрезвычайного положения [11, с. 7]. В чрезвычайных условиях опыт организации деятельности советской прокуратуры (военной, прифронтовой, прокуратур тыла) может быть востребован для решения задач, обусловленных обстановкой.

Например, особое значение в деятельности прокуратуры во время войны приобрёл общий надзор, это связано с тем, что прокуратура обеспечивала выполнение тех постановлений ГКО и иных актов военного времени, которые были направлены на быстрый перевод страны на военные рельсы. Сущность и назначение общего надзора состояла в надзоре за точным и единообразным исполнением законов государственными органами, учреждениями и организациями. Особенно это важно во время войны, когда неукоснительное соблюдение предписаний становится одной из основ функционирования государственной системы [12, с. 109]. Имелись и особенности в работе прокуратуры при осуществлении надзора за местами лишения свободы. С начала войны некоторые категории заключённых по отдельным статьям подлежали освобождению, часть из них отправлялись на фронт, а после освобождались. В этой сфере основным направлением надзора являлся надзор за теми отраслями производства и строительства, на которых использовался труд заключённых.

Помимо сугубо научного обоснования необходимости выделения отдельного этапа истории прокуратуры,

следует отметить ещё и воспитательную значимость данного предложения. В условиях внешних вызовов детальное изучение истории Великой Отечественной войны является не просто временным веянием, а государственной необходимостью.

Однако, особенности деятельности прокуратуры были не только в годы Великой Отечественной войны, но и послевоенный период, поскольку в послевоенный период прокуратура несколько лет находилась под влиянием событий войны [13, с 112].

Период с 1953 г. по 1977 г. стал следующей важной вехой в эволюции деятельности советской прокуратуры, непосредственно связанный с изменениями внутриполитического курса в стране. Правовой основой регламентации деятельности стало Положение о прокурорском надзоре, принятое Указом Президиума Верховного совета СССР в 1955 г., где впервые сформулированы требования к кандидатам на должности в органах прокуратуры. Прокуроры могли опротестовать противоречащие закону приказы, инструкции, решения, распоряжения, постановления и иные акты в орган, издавший соответствующий акт, или в вышестоящий орган, вносить в государственные органы и общественные организации представления об устранении нарушений закона, причин и условий, способствующих нарушению закона, осуществляли надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, надзор за законностью и обоснованностью приговоров, решений, определений и постановлений, вынесенных судебными органами, надзор за местами лишения свободы.

Стоит отметить, что исследователи истории прокуратуры раннего советского государства (с 1917 по 1955 год) выделяют следующие исторические этапы: 1917–1922 гг. – период отказа от института прокурорского надзора и децентрализации надзорной функции; 1922–1924 гг. – период учреждения советской прокуратуры как государственного надзорного органа, включённого в структуру Наркомата юстиции РСФСР; 1924–1933 гг. – период системы двойного подчинения, создания Прокуратуры Верховного Суда СССР при сохранении прокуратур союзных республик, оставшихся в ведомственной подчиненности наркоматам юстиции; 1933–1955 гг. период конституционного закрепления единой системы прокурорских органов СССР и конституционно-правового определения основных функций прокуратуры.

Такой поход представляется излишне широким и основывается на выделении этапов развития прокуратуры исходя из места в системе органов власти, также неверным будет выделять этап «отказа от института прокурорского надзора» как исторического этапа развития прокуратуры, поскольку на территории, где была установлена советская власть до 1922 г. прокуратуры как государственного органа не существовало.

С 1977 г. до распада Советского Союза и прекращения деятельности Прокуратуры СССР можно выделить как последний этап функционирования советской прокуратуры. В Конституции СССР 1977 г. организации и деятельности прокуратуры посвящена отдельная глава, а в 1979 г. в развитии закреплённых в Конституции принципов принят отдельный Закон «О прокуратуре СССР».

Прокуратура СССР как самостоятельный государственный орган прекратила своё существование со 2 января 1992 г. Взамен Закона СССР «О прокуратуре СССР» принят Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» № 2202-1 от 17 января 1992 г., который вступил в силу с 18 февраля того же года. Законом традиционно сохранены все направления надзора, но с трансформацией и с учётом новых реалий в государственном строительстве. Действующий до сих пор

закон «О прокуратуре Российской Федерации» по мере эволюции Российской Федерации подвергался определенным изменениям. С 1992 г. по настоящее время можно рассматривать как самостоятельный период функционирования прокуратуры Российской Федерации.

На основании вышеизложенного, авторами выделяются следующие периоды и этапы становления и развития прокуратуры России:

I. Российская прокуратура.

1. Становление прокуратуры (1721–1801 гг.).

2. Дореформенная прокуратура (1801–1864 гг.).

3. Пореформенная прокуратура (1864–1917 гг.).

4. Прокуратура «антибольшевистских правительств» (1917–1922 гг.).

II. Советская прокуратура.

1. Становление советской прокуратуры (1922–1933 гг.).

2. Централизованная прокуратура (1933–1941 гг.);

3. Прокуратура Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

4. Послевоенная прокуратура (1945–1953 гг.).

5. Прокуратура социалистической законности (1953–1977 гг.).

6. Прокуратура позднего СССР (1977–1992 гг.).

III. Прокуратура Российской Федерации (1992– настоящее время).

Таким образом, в предложенной периодизации истории прокуратуры учитываются как исторические периоды развития российской государственности с соблюдением хронологической последовательности развития самой прокуратуры и концептуального подхода единства российской истории, так и с учетом тех изменений, которые касались организации и деятельности прокуратуры как государственного органа, обладающего функциями, которые характерны только для нее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кобзарев Ф. М. Прокуратура России: правовое положение и перспективы развития. Москва, 2002. 80 с.

2. Бойцова И. С. Конституционно-правовые основы деятельности прокуратуры по обеспечению конституционной законности в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2004. 32 с.

3. Никитин Е. Л. Концептуальный подход к определению функций и системы полномочий прокуратуры в России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры. 2008. № 6 (8). С. 58–64.

4. Винокуров Ю. Е., Винокуров А. Ю. Прокурорский надзор : учебник для вузов. 17-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2025. 549 с.

5. Прокурорский надзор / под ред. Г. П. Химичевой. Москва : Юридическая литература, 2001. 447 с.

6. Тхакушинов М. А. Реализация принципов уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальной деятельности прокуратуры : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2003. 44 с.

7. Кожевников О. А. К вопросу о периодизации истории российской прокуратуры // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. Вып. 16. С. 55–60.

8. Звягин С. П. Формирование и реализация правоохранительной политики антибольшевистскими правительствами на востоке России (1918–1922 гг.) : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Кемерово, 2003. 44 с.

9. Зайнутдинов Д. Р. Правосоциалистическая и либерально-демократическая доктрины в истории правового развития России (1917–1919 годы) : дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2022. 622 с.

10. Кожевников М. В. Прокуратура в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Учёные записки. Труды юридического факультета Московского

государственного университета. 1950. Вып. 147. Кн. 5. С. 110–118.

11. Широкова А. А. Организационно-правовые основы деятельности советской прокуратуры в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историко-правовое исследование : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2010. 24 с.

12. Деревскова В. М. Общенадзорная деятельность территориальной прокуратуры в условиях тыла в годы великой отечественной войны (на примере прокуратуры Иркутской области) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 2. С. 102–109.

13. Колыхалов Д. В. Современная историография проблем организации и деятельности прокуратуры СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 1. С. 112–118.

14. Никитин Е. Л. Концептуальный подход к определению функций и системы полномочий прокуратуры в России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры. 2008. № 6. С. 58–64.

15. Струков В. Н. Становление и развитие советской модели прокуратуры в 1917–1955 гг.: историко-правовое исследование : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Белгород, 2019. 26 с.

УДК 395.4
EDN **FPUQQT**

Рубин Владимир Александрович,
эксперт Министерства культуры России,
доцент кафедры истории государства и права
Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор культурологии,
кандидат исторических наук, доцент
пр. Победы, 10, г. Оренбург, Россия, 460000
e-mail: rubin0701@yandex.ru

Ерин Андрей Кириллович,
ответственный секретарь
Межрегионального научного центра «Наследие»,
соискатель ученой степени кандидата наук
Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Геннадия Донковцева, 13, г. Оренбург, Россия, 460040
e-mail: erin2003andrei@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОХРАНЕНИЯ ВОИНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ) КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

Аннотация. Настоящая научная статья посвящена изучению процесса сохранения воинских захоронений и исторической памяти о погибших и умерших Героях Советского Союза и Российской Федерации, отстаивавших независимость Родины в XX – XXI столетиях; выполнена на теоретическом и прикладном уровнях. Актуальность исследования обусловлена не только не изученностью проблемы, но и необходимостью локализации социального напряжения, вызванного неудовлетворительным техническим состоянием индивидуальных воинских захоронений советских и российских граждан, совершивших подвиги при защите Отечества. Исследование позволяет осмыслить причины указанного социального протеста и выработать конкретные правовые шаги для надлежащего содержания могил Героев Советского Союза и Российской Федерации. Объектом исследования выступает историко-культурное наследие народов Российской Федерации; предметом исследования – правовое регулирование сохранения воинских захоронений Героев Советского Союза и Российской Федерации в XX – XXI вв. Целью исследования является научно-теоретическое, историко-правовое осмысление проблемы сохранения воинских захоронений Героев Советского Союза и Российской Федерации, предложение механизмов совершенствования правового регулирования данного процесса, а также апробация предложенных практик на территории Оренбургской области. Эмпирическая часть исследования осуществлена при поддержке Совета ветеранов Управления МВД по Оренбургской области. Проведенное исследование позволяет сделать обоснованные выводы о значительном символическом потенциале воинских захоронений Героев Советского Союза и Российской Федерации, необходимости их атрибуции в качестве объектов культурного наследия, востребованности активизации работ по совершенствованию правового регулирования для решения указанной проблематики.

Ключевые слова: Воинское захоронение, Герой Советского Союза, Герой Российской Федерации, объект культурного наследия, памятник истории и культуры, исторический суверенитет, Оренбургская область, правовое регулирование.

Для цитирования: Рубин В. А., Ерин А. К. Совершенствование правового регулирования сохранения воинских захоронений Героев Советского Союза (Российской Федерации) как инструмент защиты исторического суверенитета России // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 43–50.

Rubin Vladimir Aleksandrovich,
Expert of the Ministry of Culture of Russia
Doctor of Cultural Studies,
Associate Professor of the Department of History of State and Law
Orenburg Institute (branch)
University named after O.E. Kutafin (MSAL)
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
10 Pobedy Ave., Orenburg, Russia, 460000
e-mail: rubin0701@yandex.ru

Erin Andrey Kirillovich,
Executive Secretary of the
Interregional Scientific Center "Heritage",
Applicant for a scientific degree
Orenburg Institute (branch)
University named after O.E. Kutafin (MSAL)
St. Gennady Donkovtseva, 13, Orenburg, Russia, 460040
e-mail: erin2003andrei@mail.ru

IMPROVING PRESERVATION OF MILITARY GRAVES OF HEROES OF THE SOVIET UNION (RUSSIAN FEDERATION) LEGAL REGULATION AS AN INSTRUMENT FOR PROTECTING THE HISTORICAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA

Annotation. This scientific article is devoted to the study of the process of preserving military graves and historical memory of the fallen and deceased Heroes of the Soviet Union and the Russian Federation, who defended the independence of the Motherland in the 20th–21st centuries; performed at the theoretical and applied levels. The relevance of the study is due not only to the lack of study of the problem, but also to the need to localize social tension caused by the unsatisfactory technical condition of individual military graves of Soviet and Russian citizens who performed feats in defense of the Fatherland. The study allows us to understand the reasons for this social protest and develop specific legal steps for the proper maintenance of the graves of Heroes of the Soviet Union and the Russian Federation. The object of the study is the historical and cultural heritage of the peoples of the Russian Federation; the subject of the study is the legal regulation of the preservation of military graves of Heroes of the Soviet Union and the Russian Federation in the 20th –21st centuries. The aim of the study is a scientific, theoretical, historical and legal understanding of the problem of preserving military burials of Heroes of the Soviet Union and the Russian Federation, proposing mechanisms for improving the legal regulation of this process, as well as testing the proposed practices in the Orenburg region. The empirical part of the study was carried out with the support of the Council of Veterans of the Ministry of Internal Affairs of the Orenburg Region. The conducted study allows us to make reasonable conclusions about the significant symbolic potential of military burials of Heroes of the

Soviet Union and the Russian Federation, the need for their attribution as cultural heritage sites, the demand for intensifying work to improve legal regulation to solve this problem.

Key words: Military burial, Hero of the Soviet Union, Hero of the Russian Federation, cultural heritage site, historical and cultural monument, historical sovereignty, Orenburg region, legal regulation.

For citation: Rubin V. A., Erin A. K. Improving Preservation of Military Graves of Heroes of the Soviet Union (Russian Federation) Legal Regulation as an Instrument for Protecting the Historical Sovereignty of Russia // The Art of Law. 2025. № 3. С. 43–50.

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, важностью сохранения исторической памяти о Победе, а с другой стороны, крайне малым количеством научных работ, связанных с рассмотрением вопроса об увековечении памяти защитников Отечества, сохранении и защиты захоронений, которые уже являются объектами исторического и культурного наследия. Очевидно, что от традиционных и периодических активностей в деле гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания необходим переход к системному подходу и применению единых стандартов. Этому будет способствовать организация деятельности органов государственной власти по сохранению и защите объектов военно-мемориального наследия и проведению мероприятий по гражданско-патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодежи.

31 июля 2023 года Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал указ о подготовке к празднованию 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, который был направлен на координацию деятельности органов исполнительной власти как на федеральном, так и на региональном уровнях, органов местного самоуправления по подготовке к празднованию[1]. Ключевой задачей данного указа является оказание содействия органам местного самоуправления в приведении в порядок воинских захоронений и мемориальных комплексов, а также в поиске и захоронении останков воинов, погибших при защите Отечества, что также обуславливает актуальность настоящего исследования. Более того, 2025 год объявлен Годом защитника Отечества, что также подчеркивает актуальность исследования[2].

Проводя методологический анализ, мы, несомненно, учитывали междисциплинарность объекта и предмета исследования. Однако в рамках конкретной статьи методологическим основанием служит синтез трудов основоположников теории военно-мемориальной деятельности (проф., д-р филол. наук Кирилина Алла Викторовна, к. и. н. Кирилин Александр Валентинович, РГСУ, Москва) и авторской концепции военно-мемориального наследия (Рубин В.А., МГЮА, Оренбург). При проведении исследования использовались диалектический, сравнительно-исторический методы, метод аналогии в праве и социологический метод исследования [1].

В процессе исторического развития сложились разнообразные формы увековечения памяти о защитниках Отечества: сооружение на местах воинской славы памятников, обелисков, мемориальных знаков, стел; сохранение и обустройство территорий, исторически связанных со сражениями и воинскими подвигами; создание мемориальных музеев, организация выставок; присвоение имён героев, отличившихся в военных действиях,

[1] О подготовке и проведении празднования 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов : указ Президента Российской Федерации от 31 июля 2023 г. № 568 // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2023. № 32 (часть II). Ст. 6341.

[2] О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества : указ Президента Российской Федерации от 16 января 2025 года № 28. URL: https://russian.rt.com/russia/news/1421938-putin-podpisal-ukaz (дата обращения: 20.01.2025).

населённым пунктам, улицам и площадям, географическим объектам и т. д.

Вопрос о сохранении объектов историко-культурного наследия обсуждался в советское время как на всесоюзном, так и на региональном уровнях. Закон СССР от 29 октября 1976 года «Об охране и использовании памятников истории и культуры», закон РСФСР от 15 декабря 1978 года «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и Постановление Совета министров СССР от 16 сентября 1982 года № 865 «Об утверждении Положения об охране и использовании памятников истории и культуры», точно дают определение, что может являться памятником, указывают на то, что объекты захоронений могут входить в систему памятников истории и культуры, характеризует мероприятия по внесению их в общий реестр и ответственность за порчу или разрушение объектов культурного наследия.

На региональном уровне вопрос о постановке на государственную охрану объектов истории и культуры решался местными исполнительными комитетами. Например, решение Исполкома областного Совета народных депутатов Оренбургской области от 13 мая 1987 года № 179, основанное на советском законодательстве, утвердило единый реестр памятников истории и культуры на территории региона, установило ответственные органы за охраной данных объектов. Также повышалась роль музеев в деле популяризации и охраны памятников культуры, что включало в себя, исходя из Постановления Совета министров РСФСР от 24 января 1980 года «Об улучшении дела охраны и реставрации памятников культуры в РСФСР», производство и выпуск популярных хроникально-документальных фильмов и издание литературы о памятниках культуры и многие другие мероприятия. По всей территории Оренбургской области выделены объекты, являющиеся памятниками истории и культуры, также на государственную охрану было поставлено 5 захоронений Героев Советского Союза и памятник с места гибели Дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта В. М. Комарова[1]. Соответственно, если руководствоваться методом аналогии в праве, иные могилы Героев Советского Союза и Российской Федерации также являются объектами культурного наследия.

Если рассматривать современное российское законодательство, то необходимо указать на то, что в 2020 году в Конституцию Российской Федерации внесены поправки, в соответствии с которыми традиция увековечения памяти защитников Отечества стала, по сути, конституционной нормой (п. 3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации)[2].

Вопрос сохранения исторической памяти является актуальным, в связи с необходимостью, согласно Стратегии национальной безопасности России 2021 года[3], организации патриотического воспитания молодежи, преодоления угрозы насаждения чуждых российскому обществу западных ценностей. Военно-мемориальная деятельность является важным инструментом сохранения исторической памяти народа России.

В 2022 году издан Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в соответствии с которым стратегический приоритет «Защита традиционных российских духовно-нравственных

[1] О постановке на государственную охрану памятников истории и культуры Оренбургской области : решение исполнительного комитета Оренбургского областного Совета депутатов от 13 мая 1987 г. № 179 // Ведомственный архив Инспекции государственной охраны объектов культурного наследия Оренбургской области. Текущее делопроизводство.

[2] Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 б/н. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http:// www.pravo.gov.ru / (дата обращения: 01.02.2025).

[3] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

ценностей, культуры и исторической памяти» предполагает обеспечение государственной охраны объектов культурного наследия народов России, предоставление доступа к ним в целях их популяризации как среды, формирующей историческое самосознание, воспитывающей уважение к Отечеству. Монументы, скульптурные памятники, мемориальные сооружения являются культурным наследием согласно Указу Президента Российской Федерации от 25 января 2023 № 35[1].

В рамках исследуемой темы уделим внимание земельному законодательству. К землям особо охраняемых территорий относятся земли, которые имеют особое природоохранное, научное, историко-культурное, эстетическое, рекреационное, оздоровительное и иное ценное значение, которые изъяты в соответствии с постановлениями федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации или решениями органов местного самоуправления полностью или частично из хозяйственного использования и оборота и для которых установлен особый правовой режим согласно п.1 статьи 94 ЗК РФ[2].

В силу действующего законодательства земли историко-культурного назначения должны использоваться строго в соответствии с их целевым назначением, то есть не допустимо изменение целевого назначения указанных земель, а также деятельность, не соответствующая их целевому назначению [2, с. 81]. Земли особо охраняемых территорий и объектов включают, в том числе, земли историко-культурного назначения, к которым относятся земли военных и гражданских захоронений (подпункт 3 пункта 1 статьи 99 ЗК РФ) [3, с. 234, 235, 236]. Необходимо отметить, что в соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации земли военных и гражданских захоронений относятся к землям историко-культурного назначения, и не допускается изменение целевого назначения данной категории земель без соблюдения установленного законом порядка.

Если брать во внимание земли воинских захоронений, то статья 3 Закона Российской Федерации № 4292-1 от 14 января 1993 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» предусматривает, что кладбища воинского типа и воинские мемориальные кладбища относятся к воинским захоронениям, то есть земельным участкам, которые могут включать в себя различного рода сооружения воинской тематики, отражающие особенности ведения военных действий, например, памятники, обелиски и другие объекты, представляющие историко-культурную ценность[3]. Согласно ст. 6 данного закона ответственность за сохранность мест воинских захоронений несут органы местного самоуправления, при этом данные органы разрабатывают правила землепользования и застройки в целях обеспечения сохранности земельного участка и расположенного на нем воинского захоронения.

В Оренбургской области в 2024–2025 годах реализован масштабный проект внесения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (далее – Реестр) могил оренбуржцев, имеющих исключительные заслуги перед российским государством, прежде всего Героев Советского Союза и Героев Российской Федерации.

[1] О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 : указ Президента РФ от 25 января 2023 № 35. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48855 (дата обращения: 01.02.2025)

[2] Земельный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25 октября 2001 № 136-ФЗ : ред. от 02 августа 2019 г. // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

[3] Об увековечении памяти погибших при защите Отечества : закон РФ № 4292-1 от 14 января 1996 г. // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21. Ст. 1928.

Исследование старых городских и сельских кладбищ показало, что могилы ветеранов массово исчезают, «уходят в землю», становятся просто ландшафтом кладбища. Если могила исчезла и земельный участок не оформлялся в государственном кадастре недвижимости – ее уже не найти, ни визуально, ни через архив. Связано это с тем, что в большинстве своем уже нет в живых и родственников ветеранов, либо родственники не ухаживают за могилами, и могилы ветеранов постепенно ветшают, надгробия со временем исчезают. Открытость доступа на кладбища приводит к тому, что материалы надгробий расхищают неизвестные лица, правонарушения остаются безнаказанными. Помимо этого, подавляющая часть братских воинских захоронений воздвигалась в послевоенные годы и изготавливалась из недолговечных материалов (гипс, бетон, гранитная крошка). Практика ухода за воинскими захоронениями предприятий, школ, коллективных хозяйств частично прекращена в связи с ликвидацией указанных субъектов, либо в связи с их недостаточным финансированием, либо с исчезновением сельских населенных пунктов.

В связи с этим, государству и обществу придется отвечать на вопросы об интерпретации могил наиболее значимых военнослужащих, выдающихся военачальников и полководцев с точки зрения их государственной охраны и сохранения: является ли могила Героя Советского Союза культурной ценностью, нуждается ли она в вечном сохранении, является ли она инструментальной единицей военно-мемориальной деятельности? Вместе с тем, отечественная историография уже дала многие ответы о социальной значимости кладбищ и захоронений воинов.

Многие маститые исследователи считают кладбище первоосновой исторической памяти, местом, где формируются основания культуры памяти. Например, доктор исторических наук, председатель археографической комиссии РАН С. О. Шмидт подводил «общий знаменатель» под «мемориал» и «кладбище» в целом: «…захоронение – «мемориал» и кладбище в целом являются элементами и нашей общественной жизни… Кладбище формирует и само представление о характере напоминания о прошлом: кого и за что следует помнить, и в какой форме выражать эту память» [4, с. 9, 10]. Академик Д. С. Лихачев выступал за сохранение памяти о флоте и военно-морских победах, восстановление могил моряков... Память, по мнению ученого, это форма воплощения вечности и преодоления времени [5, с. 656, 567, 568, 569]. Доктор исторических наук Е.И. Красильникова считает, что кладбище необходимо рассматривать в русле увековечения или коммеморации, отталкиваясь от того, что коммеморация есть «введение образов в пласт современной культуры» [6]. Доктор богословия Р. Р. Лозинский говорил, что «кладбище – не только место погребения усопших, в это понятие вложено нечто большее. Кладбище… это сокровище духовного порядка. Особенно это чувствуется на братских могилах, где нашли вечный покой герои духа, защитники Родины. Их нет физически, но подвиг не подвластен времени, продолжает жить в нашей душе» [7, с. 25, 26].

В 2024–2025 годах были обследованы 72 могилы Героев Советского Союза на территории Оренбургской области. Выявлены следующие проблемные ситуации:

1. Захоронение Героя Советского Союза Прыткова Даниила Алексеевича – могила утеряна, считалось, что он умер в Бугурусланском районе (с. Старые Узели), но в ходе мониторинга установлено, что он похоронен на Украине (с. Рымаровка Полтавской области);

2. Захоронение Полного кавалера Ордена Славы Игошина Алексея Дмитриевича – памятник на могиле в г. Орске (кладбище Первомайское) был разрушен дважды «охотниками» за цветным металлом в 2002 году и после

восстановления, могила не благоустроена, заросла сорной травой и кустарником;

3. Захоронение Героя Советского Союза Дмитриева Федора Павловича – на учете стояла могила полного тезки Героя Советского Союза (последние годы жизни проживал на Украине);

4. Бюсты Героев Советского Союза Золотухина Михаила Афанасьевича, Амосова Сергея Анатольевича, Соколова Александра Ивановича, Сафронова Тимофея Петровича, Кузнецова Георгия Антоновича, Старжинского Ивана Ильича, Ахметшина Ягфара Ахметовича, Аксютина Николая Васильевича (Асекеевский район, с. Асекеево) находятся в аварийном состоянии; с. Баландино: бюсты М. Ф. Золотухина, И. И. Старжинского также в аварийном состоянии;

5. Захоронение Героя Советского Союза Павлова Павла Прокопьевича, Абдулинский городской округ – на надгробном памятнике указана ошибочная дата рождения: «01.01.1923», а в биографических сведениях «15.12.1923»;

6. Захоронение Полного кавалера ордена Славы Корнилова Петра Власовича, Абдулинский городской округ – большое количество несоответствий персональных данных героя и сведений о нем на сайте «Герои страны»;

7. Захоронение Героя Советского Союза Хайрутдинова Мингаса Хайрутдиновича, Абдулинский городской округ – на надгробном памятнике указана ошибочная дата рождения: «25.08.1905», настоящая – «15.08.1905»;

8. Захоронение Полного кавалера ордена Славы Горбунова Петра Ивановича, Соль-Илецкий муниципальный округ – на табличке на надгробном памятнике указана ошибочная дата рождения – «15.06.1923» (на самом деле родился «20.08.1922»), дата смерти на памятнике «17.09.1993» указана верно, а в базе международного патриотического интернет – проекта «Герои страны» – ошибочно («25.01.1976»);

9. Могила Полного кавалера ордена Славы Белова Федора Антоновича (Сакмарский район, с. Сакмара) на момент обследования находилась в неудовлетворительном техническом состоянии;

10. Захоронение Героя Советского Союза Брыкина Алексея Александровича, ранее указывали в печатных источниках, что похоронен в Калининградской области, а на самом деле – в г. Оренбурге, могила долгое время была в запустении, ныне ухаживают дальние родственники;

11. Могила Полного кавалера ордена Славы Мамыкина Ивана Гавриловича (г. Медногорск) на момент обследования находилась в плохом техническом состоянии, текст на надгробии не читался (надгробная плита заменена в 2025 году).

На наш взгляд, по могилам Героев Советского Союза необходимо регулярно проводить ревизию паспортов воинских захоронений на федеральном уровне, а также проверять наличие регистрации земельных участков в государственном кадастре недвижимости. Иначе существуют риски утраты этих могил по вышеуказанным причинам. Из 72 воинских захоронений Героев Советского Союза только на один объект оформлен и зарегистрирован земельный участок.

Более того, анализ действующего законодательства требует его совершенствования в целях перспективы сохранения могил героических личностей. На наш взгляд, Закон Российской Федерации от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» проводит определенную правовую грань между погибшими защитниками Отечества, Героями Советского Союза и умершими в послевоенный период Героями Советского Союза. А могилы Героических личностей, несомненно представляющих историко-культурную ценность для народов Российской Федерации, не учитываются органами исполнительной власти, военными комиссариатами в регионах в должной мере, необходимой для их сохранения. То есть, необходимо провести конкретизацию норм

Закона в и интересах сохранения всех могил Героев Советского Союза и России.

Целесообразно изложить пункт 12 статьи 18 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» в следующей редакции: «В реестр могут быть включены выявленные объекты культурного наследия, со времени возникновения или с даты создания которых либо с даты исторических событий, с которыми такие объекты связаны, прошло не менее сорока лет (за исключением мемориальных квартир и мемориальных домов, которые связаны с жизнью и деятельностью выдающихся личностей, могил Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации, полных кавалеров ордена Славы, Героев Социалистического Труда, Героев Труда, полных кавалеров ордена Трудовой Славы, имеющих особые заслуги перед Россией, и которые могут быть отнесены к объектам культурного наследия до истечения указанного срока после смерти таких лиц)».

Таким образом, внесение изменений в Федеральный закон позволит усовершенствовать правовое регулирование отношений в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны могил Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации, полных кавалеров ордена Славы, Героев Социалистического Труда, Героев Труда, полных кавалеров ордена Трудовой Славы в целях повышения патриотического воспитания населения и, прежде всего, подрастающего поколения россиян, в настоящее трудное, поистине судьбоносное, время.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кирилина А. В. Военно-мемориальная деятельность – важные вопросы в повестке дня // Материально-техническое обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации. 2023. № 10.

2. Рубин В. А. Военно-мемориальное наследие как ресурс российской культурной политики: теория, история, практика : автореф. дис. … д-ра культурологии. Челябинск, 2021. 40 с.

3. Столярова А. Некоторые вопросы прав на захоронения: из практики применения законодательства о погребении и похоронном деле // Административное право. 2015. № 4. С. 81

4. Катышева М. Е., Родина А. П. Правовой режим земель особо охраняемых природных территорий // Вестник Юридического института МИИТ. 2015. № 2. С. 234–236.

5. Шмидт С. О. Исторический некрополь в системе культуры России // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана : материалы науч.-практ. конф. Москва, 1991. С. 9–10.

6. Лихачев Д. С. Раздумья о России. Санкт-Петербург : Logos, 1999. С. 570, 656–661.

7. Красильникова Е. И. Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 гг.) : дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 2016. С. 19.

8. Лозинский Р. Р. Диалог прошлого с настоящим // Московский некрополь. История, археология, искусство, охрана : материалы научно-практической конференции. Москва, 1991. С. 25–26.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

УДК 347.963
EDN **HQZJSS**

Абдреев Тимур Ирекович,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Университета прокуратуры Российской Федерации,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева,
кандидат юридических наук, доцент
ул. Н. Басманная, д. 10, стр. 1, г. Москва, Россия, 107078
e-mail: kasan2003@mail.ru
ORCID 0000-0001-7952-9975

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ БЮДЖЕТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье раскрываются вопросы прокурорского надзора за исполнением бюджетного законодательства. Автором проведен анализ актуальных проблем надзорной деятельности в рассматриваемой сфере и выделены ключевые направления, такие как надзор за принятием правовых актов о бюджете, о бюджетном устройстве и бюджетном процессе; надзор за исполнением законодательства в сфере правоотношений, возникающих в процессе формирования доходов; надзор за исполнением законов при расходовании бюджетных средств. Проанализирована правоприменительная практика органов прокуратур в бюджетной сфере.

Ключевые слова: прокурорский надзор, акты прокурорского реагирования, бюджет, налоги, неналоговые доходы, межбюджетные правоотношения, целевое использование бюджетных средств, национальные проекты.

Для цитирования: Абдреев Т. И. Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением бюджетного законодательства // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 51–58.

Abdreev Timur Irekovich
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
at the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Associate Professor of the Department of State and
Legal Disciplines of the Kazan branch of the Russian State Unitary Enterprise,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
41 Moskovskaya str., Kazan, Russia, 420111
e-mail: kasan2003@mail.ru
ORCID 0000-0001-7952-9975

TOPICAL ISSUES OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF BUDGET LEGISLATION

Annotation. The article reveals the issues of prosecutorial supervision over the implementation of budget legislation. The author analyzes the current problems of supervisory

activities in the field under consideration and identifies key areas such as supervision of the adoption of legal acts on the budget, on the budgetary structure and the budgetary process; supervision of the implementation of legislation in the field of legal relations arising in the process of income generation; supervision of the implementation of laws when spending budget funds. The law enforcement practice of the prosecutor's office in the budgetary sphere was analyzed.

Key words: prosecutorial supervision, acts of prosecutorial response, budget, taxes, non-tax revenues, inter-budgetary legal relations, targeted use of budgetary funds, national projects.

For citation: Abdreev T. I. Topical Issues of Prosecutorial Supervision over the Implementation of Budget Legislation // The Art of Law. 2025. № 3. С. 51–58.

Бюджетные правоотношения, возникающие в процессе распределения бюджетных ресурсов по уровням бюджетной системы, в силу своей значимости влияют на многие процессы государственного управления.

Вопросы прокурорского надзора за исполнением бюджетного законодательства приобретают особую актуальность в свете задач, поставленных Президентом Российской Федерации в Указе от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», т. е. в рамках реализации национальных проектов, затрагивающих полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также в связи с реализацией в 2025 году налоговой реформы.

Дополнительные обязательства, взятые на себя государством, и реализация которых во многом зависит от бюджетного финансирования, связана и с необходимостью проведения импортозамещения в народном хозяйстве, преодолением последствий от недружественных действий экономико-технологического сдерживания со стороны ряда государств в условиях проведения специальной военной операции.

Анализ законности в рассматриваемой сфере показал, что выявляемые органами прокуратуры нарушения в бюджетной сфере имеют в динамике незначительное снижение. Так, по итогам надзора за исполнением бюджетного законодательства в 2024 г. органами прокуратуры выявлено 120 281 нарушений закона (в 2023 г. – 122 405, в 2022 г. – 122 065, в 2021 г. – 118 600, в 2020 г. – 116 139, в 2019 г. – 110 278, в 2018 г. – 108 616, в 2017 г. – 122 238)[1].

Как отмечает А. Е. Лебедева (Скачкова), к предмету прокурорского надзора за исполнением бюджетного законодательства относятся вопросы соблюдения прав граждан на получение минимальных государственных социальных стандартов со стороны органов публичной власти, а также органов управления и руководителей коммерческих и некоммерческих организаций; исполнение бюджетного законодательства органами публичной власти, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций при осуществлении ими функций главного распорядителя, распорядителя, получателя бюджетных средств; соответствие законам правовых актов в бюджетной сфере, издаваемых субъектами бюджетных правоотношений и их должными лицами [1, с. 45–50].

Таким образом, прокурорский надзор за исполнением бюджетного законодательства осуществляется на всех уровнях системы органов прокуратуры, в том числе прокуратурами субъектов Российской Федерации, приравненными к ним военными и другими специализированными прокуратурами, прокуратурами городов и районов и

[1] См. Годовые отчеты по форме ОН Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023 годы

затрагивает вопросы доходов и расходов (целевых расходов) бюджета, их сбалансированности, а также вопросы бюджетного процесса [2, с. 21–23].

Важным направлением надзора за исполнением бюджетного законодательства является правовая оценка законности правовых актов о бюджете, о бюджетном устройстве и бюджетном процессе. И здесь следует согласиться с Игониной Н. А., что надзорные мероприятия следует осуществлять с первых этапов бюджетного процесса, анализируя прогноз социально-экономического развития субъекта и (или) муниципального образования, основных направлений бюджетной и налоговой политики на очередной финансовый год, а завершать изучением отчета об исполнении бюджета [3, с. 35–37]. Приведем следующие примеры по данному направлению надзорной деятельности.

Так, прокурор Рязанского района Рязанской области в интересах неопределенного круга лиц – населения Заборьевского сельского поселения Рязанского района Рязанской области обратился в суд с заявлением о признании бездействия органа местного самоуправления незаконным. В обоснование иска указал, что прокуратурой района проведена проверка по обращению главы администрации муниципального образования – Заборьевское сельское поселение Рязанского муниципального района Рязанской области по вопросу непринятия представительным органом местного самоуправления в установленный законом срок бюджета Заборьевского сельского поселения Рязанского муниципального района Рязанской области. Суд удовлетворил заявленные требования[1].

В другом примере прокурор Республики Хакасия обратился с административным исковым заявлением о признании недействующим Закона Республики Хакасия от 17 декабря 2020 года № 88-ЗРХ «О республиканском бюджете Республики Хакасия на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов», полагая, что положения данного закона противоречат федеральному законодательству, а именно пункту 2 статьи 92.1 и пункту 4 статьи 107 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Удовлетворяя исковые требования, суд согласился с позицией прокурора, что в рассматриваемом законе о бюджете показатели дефицита бюджета и объема государственного долга превышали нормативы, установленные БК РФ[2].

Кроме того, на этапе подготовки проекта бюджета, органами прокуратуры осуществляется его финансово-правовой анализ. Так, данную работу можно проиллюстрировать примером прокуратуры города Ярославля, по результатам которой и на основании ее предложений в проект бюджета города были включены расходы на проведение мероприятий по приведению площадки для складирования отходов от зимней уборки улиц в соответствие с требованиями законодательства[3].

Таким образом, с целью обеспечения надлежащей реализации мероприятий прокурорами реализуются превентивные меры реагирования, такие как направление информации, так и объявление предостережения.

При выявлении в ходе исполнения муниципальных или государственных программ нарушений требований действующего законодательства принимаются пресекательные акты прокурорского воздействия, в том числе представления, решается вопрос о

[1]Апелляционное определение Рязанского областного суда от 24.07.2013 № 33-1582. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Решение Пятого Апелляционного суда общей юрисдикции от 30.07.2021 № 66а-697/2021. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О результатах надзорной деятельности в сфере соблюдения бюджетного законодательства : информационное письмо прокуратуры Ярославской области от 25 февраля 2025 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

привлечении к административной и уголовной ответственности виновных лиц.

По итогам года прокурорами анализируется фактическое исполнение муниципальных или государственных программ на поднадзорной территории. В случае выявления фактов низкого освоения бюджетных средств и недостижения целевых показателей, которые предусмотрены муниципальной или государственной программой, обеспечивается принятие комплекса мер прокурорского реагирования.

Проверка законности при исполнении бюджета по доходам в значительной мере носит дополнительный характер к проверке исполнения иного отраслевого законодательства, как, например, законности при исполнении законодательства о налогах и сборах или о соблюдении законодательства о государственной и муниципальной собственности. Отметим, что к доходам бюджетов относятся налоговые, неналоговые доходы и безвозмездные поступления, а также самообложение.

Правоприменительная практика деятельности органов прокуратуры в рассматриваемой сфере показывает, что в первую очередь органами местного самоуправления нередко допускаются нарушения законодательства при установлении местных налогов и сборов, а именно: в установлении элементов налогов (нарушения требований статьи 17 НК РФ), в том числе в части предоставления налоговых льгот, не предусмотренных налоговым законодательством.

Кроме того, нарушается порядок вступления в законную силу нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы налоговых правоотношений.

Не направляются копии решений собраний депутатов сельских поселений об установлении местных налогов на территории муниципального образования и внесении в них изменений в соответствующие налоговые органы.

К неналоговым доходам как источнику формирования доходной части муниципального и регионального бюджета уделяется повышенное внимание со стороны органов прокуратур, так как именно муниципальное и государственное имущество и земельные ресурсы выступают основными собственными источниками для наполнения бюджетов.

В рамках надзорной проверки исследуются вопросы исполнения органами публичной власти обязанности по управлению и распоряжению собственностью, в том числе при организации учета и ведения реестров имущества, земельных участков, заключении сделок с ними, государственной регистрации прав, контроле за поступлением средств и использованием объектов.

В этой связи можно отметить положительно практику прокуратуры Республики Мордовия, которой на постоянной основе проводятся проверки исполнения требований законодательства при администрировании доходов бюджетов, в ходе которых выявляются нарушения при управлении дебиторской задолженностью; волокита при взыскании задолженности, несвоевременное начисление неустоек и пеней по неисполненным обязательствам; нарушение законодательства при управлении просроченной кредиторской задолженностью. Также имеется положительная практика прокуратуры Республики Хакасия по вопросу исполнения законов при формировании региональных и местных бюджетов за счет средств, поступающих от уплаты «дорожных» платежей [4, с. 1].

Надзор за исполнением законов при расходовании бюджетных средств является важным направлением и затрагивает вопросы обоснованности и своевременности бюджетного финансирования, экономного и эффективного расходования бюджетных

средств, целевого использования бюджетных средств.

Проверки по данному направлению проводятся при реализации национальных проектов, государственных (муниципальных) программ, государственного (муниципального) заказа, государственного оборонного заказа, социального заказа и непосредственно целевого использования бюджетных средств (средств, выделенных из бюджета)[1].

Так, в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2024 году прокуратурой Ленинградской области предъявлено исковое заявление об оспаривании мнимых сделок, заключенных хозяйствующими субъектами в целях обналичивания средств государственного оборонного заказа. В обоснование заявленных требований прокуратурой области указано на заключение хозяйствующими субъектами, являющимися соисполнителями цепочки кооперации сделок, по которым фактически товары не предоставлялись и услуги не оказывались, а конечными соисполнителями являются номинальные организации. Арбитражным судом иск прокурора рассмотрен и удовлетворен, приняты меры к устранению нарушений[2].

Как отмечает Лебедева (Скачкова) А. Е., обращение прокурора в арбитражный суд в рассматриваемой сфере в первую очередь связано с признанием недействительными сделок, совершенных с нарушением требований закона, и о применении последствий недействительности таких сделок [5, с. 4].

Прокурорами выявляются также и нарушения условий, заключенных с региональными органами власти соглашений о предоставлении субсидий; невыполнение государственных заданий, что образует в большинстве случаев административные составы по ст.ст. 15.15.3, 15.15.5, 15.15.15 КоАП РФ.

Типичными нарушениями также являются недостижение установленных показателей и результатов, несвоевременное предоставление отчетов, невключение в договоры с контрагентами обязательных условий и др. Приведем некоторые примеры из правоприменительной практики.

Так, прокуратура г. Новосибирска реагировала на неполноту освоения в 2023 году субсидии, предоставленной из областного бюджета мэрии на выполнение работ по реконструкции сквера «Первомайский» в рамках региональной программы. По инициативе прокуратуры заместителю мэра назначено наказание по ч. 3 ст. 15.15.3 КоАП РФ в виде предупреждения.

Прокурор Доволенского района установил, что индивидуальный предприниматель в установленный срок не выполнил условия соглашения о предоставлении гранта на сумму 2,9 млн руб. о приобретении сельскохозяйственных животных в количестве 21 головы и трудоустроил 2 работников в рамках региональной программы «Развитие сельского хозяйства». По постановлению прокурора района ему назначено наказание, предусмотренное ч. 2 ст. 15.15.5 КоАП РФ, в виде предупреждения. Грант в полном объеме возвращен в областной бюджет[3].

Калужской прокуратурой по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах в деятельности АО «XXX» установлены факты

[1] Об активизации прокурорского надзора за исполнением требований законодательства о целевом использовании бюджетных средств : указание Генерального прокурора Российской Федерации от 18 марта 2020 № 170/7. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 11.07.2024 по делу N 2 А56-30270/2024. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О состоянии законности и организации прокурорского надзора за исполнением законов в бюджетной сфере за 2024 год : информационное письмо прокуратуры Новосибирской области от 03 февраля 2025 №20-10-2025/ 1010-25. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

неосуществления предприятием в полном объеме софинансирования расходов в соответствии с соглашениями с Минпромторгом России. В этой связи должностное лицо предприятия привлечено к административной ответственности по ч. 2 ст. 15.5.5 КоАП РФ к административному наказанию в виде штрафа. Также по представлению прокурора нарушения бюджетного законодательства устранены, произведено софинансирование расходов[1].

Одной из городских прокуратур Пензенской области выявлены нарушения требований бюджетного законодательства в деятельности МБУ «Служба благоустройства», которому предоставлена субсидия на реализацию мероприятий муниципальной программы «Формирование комфортной городской среды» в отсутствие документов, подлежащих представлению получателем субсидии (пояснительной записки, расчета-обоснования суммы субсидии, иной информации).

В этой связи главе администрации г. Сердобска внесено представление, ответственное должностное лицо по постановлению прокурора района привлечено к административной ответственности по части 1 статьи 15.15.5 КоАП РФ и ему назначено административное наказание в виде штрафа.

Прокурорами районов области также выявлялись факты несоблюдения условий расходования межбюджетных трансфертов, выразившиеся в невключении вопреки пункту 3 статьи 139 Бюджетного кодекса Российской Федерации и пункту 4.3.9.3 соглашений о предоставлении субсидий из бюджета Пензенской области на поддержку муниципальной программы формирования комфортной городской среды в муниципальные контракты 3-летнего гарантийного срока на результаты выполненных работ по благоустройству общественных территорий.

По указанным фактам прокурорами районов в отношении глав администраций муниципальных образований возбуждались дела об административных правонарушениях, предусмотренных частью 3 статьи 15.15.3 КоАП РФ, также вносились представления. Акты реагирования рассмотрены и удовлетворены, виновные лица привлечены к дисциплинарной и административной ответственности, гарантийные сроки в контрактах скорректированы.

Межрайонной прокуратурой в Ивановской области в 2024 году к административной ответственности по ст. 15.14 КоАП РФ привлечён директор МКУ «Служба заказчика», средства субсидии направлены не на цели, установленные областным законом о бюджете, а именно на оплату работ по сметным нормам, рассчитанным с нарушением требований законодательства.

В другом случае прокуратурой района установлено, что закупленные в целях замены труб водоснабжения на предоставленные в 2023 году администрации района трансферты материалы не использованы. Указанные обстоятельства явились основанием для возбуждения дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3 ст. 15.15.3 КоАП РФ, по результатам рассмотрения должностное лицо органа местного самоуправления привлечено к административной ответственности с назначением штрафа[2].

По постановлению Тюменского межрайонного природоохранного прокурора постановлением Департамента

[1] О практике прокурорского надзора за исполнением бюджетного законодательства в 2024 году : информационное письмо прокуратуры Калужской области от 20 февраля 2025 №7-32-2025. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О результатах надзора в сфере исполнения бюджетного законодательства, законодательства при реализации национальных проектов и о контрактной системе : информационное письмо прокуратуры Ивановской области от 01 марта 2025 № 7-05-2025. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

финансов Тюменской области от 05.06.2024 должностное лицо ГБУ ТО «Тюменская авиабаза» за недостижение показателей государственного задания на 2023 год в части проведения работ по лесовосстановлению привлечено к административной ответственности по ч. 1 ст. 15.15.5.1 КоАП РФ в виде штрафа.

Анализ практики органов прокуратур по вопросу привлечения к административной ответственности за нарушение бюджетного законодательства, несмотря на распространенность нарушений в этой сфере, не носят массовый характер.

Для эффективного осуществления надзора в рассматриваемом направлении заключены соглашения с органами финансового контроля на уровне Генеральной прокуратуры, а также на уровне прокуратур субъектов, материалы проверок которых выступают основаниями для принятия мер прокурорского реагирования.

Для повышения эффективности надзорной деятельности в бюджетной сфере используется также информация из государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет». Как отмечает Королев А. А., с развитием информационных технологий в государственном управлении появляется возможность усилить данное направление надзорной деятельности [6, с. 148].

При проведении проверочных мероприятий органами прокуратуры анализируется финансово-хозяйственная деятельность контрагентов организаций (поставщиков по закупкам). Наличие среди них фирм-однодневок (такие данные могут быть получены с использованием систем СПАРК Интерфакс) является основанием для проверки и выявления бестоварных операций. При этом следует обращать особое внимание на сделки с аффилированными лицами и их фактическое исполнение.

Так, например прокуратурой Ростовской области по итогам проверки материалов территориального налогового органа установлено, что у ряда подрядчиков в рамках реализации национальных проектов, с которыми были заключены государственные контракты и осуществляющих реальную хозяйственную деятельность, имелись незаявленные вычеты по НДС на сумму свыше 32 млн рублей, их контрагентами являлись проблемные организации либо фирмы-однодневки, совершенные с ними сделки свидетельствовали об искусственном завышении налоговых вычетов. В связи с этим руководители хозяйствующих субъектов предостережены о недопустимости нарушения бюджетного законодательства[1].

В ходе подготовки к проверке информация о сомнительных финансовых операциях может быть получена посредством направления запросов в межрегиональное управление Росфинмониторинга.

Подводя итог исследованию, можно отметить, что в условиях цифровой трансформации системы государственного управления модернизируются, а также развиваются и инструменты надзорной деятельности в бюджетной сфере. Органы прокуратуры в своей надзорной деятельности используют государственные и негосударственные информационные системы, вместе с тем, органы прокуратуры в данных системах выступают только в качестве пользователей с ограниченным форматом обработки и анализа информации, что требует дальнейшей интеграции систем.

[1] О дополнительных мерах по противодействию необоснованному предъявлению налоговых вычетов : информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 26 августа 2021 №73/1-531-2020. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Скачкова А. Е. Теоретические и организационно-методические особенности прокурорского надзора за соблюдением бюджетного законодательства : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. 177 с.

2. Прокурорский надзор за исполнением бюджетного законодательства : научно-практическое пособие / коллектив авторов. Москва : Университет прокуратуры Российской Федерации, 2020. 118 с.

3. Игонина Н. А. Проблемы прокурорского надзора за исполнением бюджетного законодательства : дис. ... канд. юрид. наук. Москва : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, 2003. 222 с.

4. Колесникова О. В. Актуальные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов при формировании региональных и местных бюджетов за счет средств, поступающих от уплаты «дорожных» платежей // Администратор суда. 2020. № 4. С. 23–27.

5. Лебедева (Скачкова) А. Е. Гражданский иск прокурора в сфере исполнения бюджетного законодательства о государственных (муниципальных) договорах (соглашениях), контрактах, в том числе в сфере государственного оборонного заказа: проблематика эффективности // Оборонно-промышленный комплекс : управление, экономика и финансы, право. 2022. № 8. С. 96–103.

6. Королев А. А. Особенности правового регулирования прокурорского надзора за исполнением бюджетного законодательства в цифровой сфере // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 3. С. 143–149.

УДК 342.9
EDN **DHWITV**

Бут Надежда Дмитриевна,
заведующий отделом научного обеспечения
прокурорского надзора и укрепления законности
в сфере оборонно-промышленного комплекса
и социально-экономической сфере
Научно-исследовательского института
Университета прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент
e-mail: agp@agprf.org

Субанова Арина Буладовна,
обучающаяся 2-го курса юридического факультета
Дипломатической академии МИД России
e-mail: info@dipacademy.ru

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПОРЯДОК И БЕЗОПАСНОСТЬ, В ГОСУДАРСТВАХ-УЧАСТНИКАХ СНГ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Аннотация. В статье проведен сравнительный анализ норм, устанавливающих административную ответственность за правонарушения, посягающие на общественный порядок, общественную безопасность и общественную нравственность в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республике Казахстан. Выявлено, что административная ответственность за совершение правонарушений данной категории установлена многочисленными нормами кодифицированных актов названных государств. Установление в Российской Федерации административной ответственности, в том числе на региональном уровне, вместе с тем, предполагает и дальнейшее совершенствование Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Специфичным для санкций соответствующих статей является разнообразие применяемых административных наказаний (административных взысканий). Сходство некоторых составов административных правонарушений по объекту и объективной стороне не исключает разнородности распределения устанавливающих ответственность статей по главам кодифицированных актов.

Ключевые слова: государства-участники СНГ, административная ответственность, административное правонарушение, общественный порядок, общественная безопасность, сравнительно-правовой анализ, состав правонарушения.

Для цитирования: Бут Н. Д., Субанова А. Б. Административная ответственность за правонарушения, посягающие на общественные порядок и безопасность, в государствах-участниках СНГ (на примере Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан) // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 59–64.

But Nadezhda Vladimirovna,
head of the department of scientific support for prosecutor's
supervision and strengthening the rule of law in the sphere

of the defense-industrial complex and the socio-economic
sphere of the Research institute of the prosecutor's office of the Russian Federation,
doctor of law, associate professor
e-mail: agp@agprf.org

Subanova Arina Buladovna,
2nd year student of the faculty of law
of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
e-mail: info@dipacademy.ru

ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR OFFENSES AGAINST PUBLIC ORDER AND SAFETY IN THE CIS MEMBER STATES (CASE STUDY OF THE RUSSIAN FEDERATION, REPUBLIC OF BELARUS, AND REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

***Annotation*.** The article conducts a comparative analysis of the norms establishing administrative liability for offenses encroaching upon public order, public safety, and public morality in the Russian Federation, the Republic of Belarus, and the Republic of Kazakhstan. It is revealed that administrative liability for the commission of offenses in this category is established by numerous norms within the codified acts of the said states. However, the establishment of administrative liability in the Russian Federation, including at the regional level, also suggests the need for further improvement of the Special Part of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. A specific feature of the sanctions in the relevant articles is the diversity of the administrative penalties (administrative sanctions) applied. The similarity of some elements of administrative offenses in terms of their object and objective aspects does not preclude the heterogeneous distribution of the liability-establishing articles across the chapters of the codified acts.

Key words: CIS member states, administrative liability, administrative offense, public order, public safety, comparative legal analysis, elements of an offense.

For citation: But N. D., Subanova A. B. Administrative Liability for Offenses Against Public Order and Safety in the CIS Member States (Case Study of the Russian Federation, Republic of Belarus, and Republic of Kazakhstan) // The Art of Law. 2025. № 3. С. 59–64.

Активное развитие различных аспектов противодействия административным правонарушениям, посягающим (в широком смысле) на сферу безопасности (изменения в главу 20 КоАП РФ в период с 2003 по 2025 год внесены 67 федеральными законами), сопровождается дальнейшим осмыслением их совокупности и структуры. Достаточно продуктивным в этой связи являются возможности анализа имеющей общие исходные точки развития административной ответственности в государствах-участниках СНГ, с использованием сравнительно-правовой методологии. В научной литературе в рамках данной темы ведутся активные дискуссии [1 ; 2].

В Российской Федерации, республиках Беларусь и Казахстан административная ответственность за совершение правонарушений данной категории устанавливается прежде всего нормами кодифицированных актов: КоАП РФ, Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06 января 2021 года № 91-З (далее – КоАП РБ) и Кодексом Республики Казахстан об административных правонарушениях от 05.07.2014 № 235-V (далее – КоАП РК). Порядок производства по делам об административных правонарушениях в Республике Беларусь

установлен Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06 января 2021 года № 92-З, который продолжил развитие административного процесса в первую очередь в части его ускорения и использования информационных технологий [3]. Заметим, что предложения о сходном разграничении материального и процессуального административно-деликтного законодательства неоднократно высказывались в научной литературе, вплоть до мнений о необходимости формирования модельных ориентиров для государств-участников СНГ [4].

При этом если в республиках Беларусь и Казахстан законодательство об административных правонарушениях обособлено нормами названных выше кодексов: КоАП РБ является единственным законом об административных правонарушениях, действующим на территории Республики Беларусь (нормы других законодательных актов, предусматривающие административную ответственность, являются составной частью законодательства об административных правонарушениях, подлежат применению с учетом положений настоящего Кодекса и включению в него); лицо, совершившее административное правонарушение на территории Республики Казахстан, подлежит ответственности в соответствии с КоАП РК – то в Российской Федерации законодательство об административных правонарушениях состоит не только из КоАП РФ, но и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 1.1 КоАП РФ).

Ответственность за административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, в Российской Федерации предусмотрена главой 20 КоАП РФ, которая включает 44 статьи, имеющих достаточно распространенную практику применения. Так, согласно данным статистики[1] в 2024 г. 166 707 лиц подвергнуто наказанию по ст. 20.21 КоАП РФ за появление в общественных местах в состоянии опьянения.

Особенностью санкций статей данной главы КоАП РФ является разнообразие применяемых административных наказаний: предупреждение (например, ч. 1 ст. 20.4 КоАП РФ), административный штраф, административный арест (например, ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ), обязательные работы (например, ч. 2 ст. 20.2 КоАП РФ), конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения (ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ и др.), административное приостановление деятельности (например, ч. 6.1 ст. 20.4 КоАП РФ), дисквалификация (ч. 3 ст. 20.8 КоАП РФ и др.), лишение специального права, предоставленного физическому лицу (например, ч. 4.3 ст. 20.8 КоАП РФ).

Достаточно высокий размер административных штрафов отражает уровень общественной опасности соответствующих административных правонарушений. Наиболее высокий размер административного штрафа за совершение административного правонарушения, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность, установлен ч. 6.1 ст. 20.4 КоАП РФ – от одного миллиона до двух миллионов рублей на юридических лиц за нарушение требований пожарной безопасности, повлекшее возникновение

[1] Выборочные данные из формы № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях» за 2023–2024 гг. : утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11 апреля 2017 г. № 65. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

пожара и причинение тяжкого вреда здоровью человека или смерть человека.

В Республике Беларусь административная ответственность за административные правонарушения против общественного порядка и общественной нравственности регулируется главой 19 КоАП РБ, которая состоит из 13 статей [5]. Применяемые административные взыскания также разнообразны – штраф (например, ч. 1 ст. 19.3 КоАП РБ), конфискация (например, ст. 19.8 КоАП РБ), лишение права заниматься определенной деятельностью (например, ст. 19.2 КоАП РБ), общественные работы (например, ст. 19.1 КоАП РБ), административный арест (например, ст. 19.5 КоАП РБ).

В Республике Казахстан административная ответственность за правонарушения, посягающие на общественную безопасность и здоровье населения сосредоточены в главе 24 (29 статей), за правонарушения, посягающие на общественный порядок и нравственность – в главе 25 (23 статьи) КоАП РК. Наиболее распространенным административным взысканием за совершение указанных правонарушений является административный штраф (применяемый с дополнительным административным взысканием или без такового). Кроме того, используются: предупреждение (п. 1 ст. 410 КоАП РК и др.); приостановление действия разрешения (в том числе п. 2 ст. 426, п. 5 ст. 444 КоАП РК), привлечение к общественным работам (например, п. 2 ст. 434 КоАП РК), административный арест (п. 5 ст. 434 КоАП РК и др.).

Надо отметить, что некоторые составы административных правонарушений являются существенно сходными по своему объекту и объективной стороне (например: ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство, то есть нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества», ст. 19.1 КоАП РБ «Оскорбительное приставание к гражданам и другие умышленные действия, нарушающие общественный порядок, деятельность организаций или спокойствие граждан и выражающиеся в явном неуважении к обществу», п. 1 ст. 434 КоАП РК «Нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к физическим лицам и другие подобные действия, выражающие неуважение к окружающим, нарушающие общественный порядок и спокойствие физических лиц»), что, как представляется, является отражением общей правовой традиции (для сравнения: ст. 158 КоАП РСФСР от 20.06.1984 – «мелкое хулиганство, то есть нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан»).

Вместе с тем, развитие национального законодательства государств-участников СНГ об административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественные порядок и безопасность, происходит в том числе по пути детализации и формирования специальных норм (например, ст. 435 «Хулиганство, совершенное несовершеннолетним» КоАП РК).

Можно обратить внимание и на тенденцию распределения составов административных правонарушений, посягающих на общественные порядок и безопасность, между различными главами кодексов. Например, ст. 415-1 «Нарушение законодательства Республики Казахстан об аккредитации в области оценки соответствия при проведении аккредитации, процедур подтверждения и (или) оценки соответствия, поверки средств измерений, установленных техническими

регламентами, нормативными правовыми актами и документами по стандартизации» помещена в гл. 24 «Административные правонарушения, посягающие на общественную безопасность и здоровье населения» КоАП РК, а ст. 14.59 «Нарушение экспертной организацией требований законодательства Российской Федерации об аккредитации в национальной системе аккредитации», ст. 14.60 «Нарушение юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем требований законодательства Российской Федерации об аккредитации в национальной системе аккредитации» КоАП РФ – в гл. 14 «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций» КоАП РФ, что, на наш взгляд, свидетельствует об отсутствии единства в оценке родового объекта посягательства.

Субъекты административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, в Российской Федерации – физические лица (в том числе должностные лица); лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица; юридические лица. Административной ответственности подлежит физическое лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения возраста шестнадцати лет (ч. 1 ст. 2.3 КоАП РФ).

В Республике Беларусь субъекты административных правонарушений против общественного порядка и общественной нравственности – физические лица; индивидуальные предприниматели, юридические лица. Возраст административной ответственности – также 16 лет. Однако за мелкое хулиганство (ст. 19.1 КоАП РБ) подлежит административной ответственности и физическое лицо, совершившее правонарушение в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет (ч. 1 ст. 4.2 КоАП РБ).

В Республике Казахстан субъектами административных правонарушений, посягающих на общественную безопасность и здоровье населения, на общественный порядок и нравственность являются физические (в том числе должностные) и юридические лица (ст. 28 КоАП РК). К административной ответственности привлекается лицо, достигшее 16-летнего возраста. Особенностью формулирования составов административных правонарушений в Республике Казахстан можно назвать конкретизацию различных категорий субъектов в санкциях статей КоАП РК («субъекты малого предпринимательства», «некоммерческие организации», «эксперты-аудиторы по определению страны происхождения товара, статуса товара Евразийского экономического союза или иностранного товара», «организация, уполномоченная на выдачу сертификата о происхождении товара» и пр.).

Кроме того, законами субъектов Российской Федерации устанавливаются и иные составы административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность. Например, в соответствии с главой 3 Закона г. Москвы от 21 ноября 2007 года № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» административной ответственности подлежат нарушение установленного порядка организации и проведения массовых мероприятий (ст. 3.1), нарушение правил поведения при посещении массовых мероприятий (ст. 3.2), воспрепятствование законной деятельности народного дружинника или члена общественного пункта охраны порядка (ст. 3.3) и др.

Таким образом, административная ответственность за административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность (нравственность, здоровье

населения) установлена многочисленными нормами кодифицированных актов государств-участников СНГ (а именно, Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан). В Российской Федерации ответственность предусматривается в том числе на региональном уровне, в рамках предмета ведения, определенного ст. 1.3.1 КоАП РФ, что предполагает дальнейшее совершенствование Особенной части КоАП РФ, куда максимально полно должны быть включены соответствующие составы административных правонарушений (п. 2.1.3.3 Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях)[1]. Специфичным для санкций статей, устанавливающих ответственность, является разнообразие применяемых административных наказаний (административных взысканий). В Республике Беларусь административной ответственности за такие правонарушения подлежат в том числе несовершеннолетние с 14 лет (мелкое хулиганство). Некоторые составы административных правонарушений являются сходными по своему объекту и объективной стороне, что тем не менее не исключает разнородности законотворческой практики в части распределения устанавливающих ответственность статей по главам кодифицированных актов.

Дальнейшие исследования на этом направлении будут способствовать выработке научно обоснованных предложений по унификации законодательства об административных правонарушениях на пространстве СНГ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баранова С. А. Административная ответственность за невыполнение законных требований лиц, участвующих в охране общественного порядка в России и странах СНГ // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5(221). С. 197–198.

2. Каменев М. А. Особенности административной ответственности за распространение экстремистских материалов // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2(189). С. 184–186.

3. Щепалов С. В. Кодификация норм о судебном рассмотрении дел об административных правонарушениях: опыт 16 стран ближнего зарубежья // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 4. С. 561–578.

4. Татарян В. Г. Административно-деликтное законодательство государств - участников Содружества Независимых Государств: проблемы теории и законодательного регулирования. Астана, 2000.

5. Жалсанов Б. Ц. Сравнительный анализ административных правонарушений против общественного порядка, совершаемых в Республике Белорусь и России // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 1. С. 80–82.

[1]См. по состоянию на 10 июня 2019 г.: http://static.government.ru (дата обращения: 17.09.2025).

УДК 347.963
EDN **ITHMFX**

Ибрагимова Алиса Мансуровна,
доцент кафедры основ организации и управления
в органах прокуратуры
Казанского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук
ул. Московская, д. 41, г. Казань, Россия, 420111
e-mail: alissamansurovna@yandex.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РАБОТЫ ПО ЛИЧНОМУ ПРИЕМУ ГРАЖДАН В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация. В предлагаемой автором широкому кругу читателей статье уделено внимание одному из способов реализации конституционного права граждан на обращение в органах прокуратуры – личный прием. События в мире, связанные с увеличением количества чрезвычайных происшествий, стихийных бедствий, оборотом большого объема информации, в ряде случаев недостоверной, требуют принятия ответных мер и пересмотра подходов в работе государственных органов с целью эффективного реагирования на современные угрозы. В последние годы отмечается тенденция совершенствования работы с гражданами, в том числе в ходе проведения личного приема.

Возрастающее значение открытого диалога с гражданами, уровень удовлетворенности качеством жизни которых является самым эффективным индикатором состояния законности, вносит коррективы в работу органов прокуратуры, появляются новые формы общения с гражданами, проведения их приема. Их многообразие, имея безусловное положительное влияние на работу органов прокуратуры, формирует необходимость грамотного использования обусловленных потребностями времени инструментов.

Автором раскрывается содержание обновленных видов приема граждан и критерии, по которым следует их различать в целях эффективного применения, а также для правильного учета.

***Ключевые слова*:** прием граждан в органах прокуратуры, совершенствование приема граждан, современные формы приема граждан в органах прокуратуры, прокурор, конституционное право на обращение.

Для цитирования: Ибрагимова А. М. Совершенствование работы по личному приему граждан в органах прокуратуры // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 65–74.

Ibragimova Alisa Mansurovna,
Associate Professor of the Department of Fundamentals of Organization and Management in the Prosecutor's Office of the Kazan Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law
41 Moskovskaya str., Kazan, Russia, 420111
e-mail: alissamansurovna@yandex.ru

IMPROVEMENT OF THE WORK ON PERSONAL RECEPTION OF CITIZENS IN THE PROSECUTOR'S OFFICE

Annotation. The article proposed by the author to a wide range of readers, attention was paid to one of the ways to implement the constitutional right of citizens to appeal to the prosecutor's office – a personal reception. Global events related to an increase in the number of emergencies, natural disasters, and the circulation of large amounts of information, in some cases unreliable, require retaliatory measures and a review of approaches in the work of government agencies in order to effectively respond to modern threats. In recent years, there has been a tendency to improve work with citizens, including during a personal reception. The increasing importance of an open dialogue with citizens, whose level of satisfaction with the quality of life is the most effective indicator of the rule of law, is making adjustments to the work of the prosecutor's office, new forms of communication with citizens and their reception are emerging. Their diversity, having an unconditional positive impact on the work of the prosecutor's office, creates the need for the competent use of tools determined by the needs of the time. The author reveals the content of the updated types of reception of citizens and the criteria by which they should be distinguished in order to be effectively applied, as well as for proper accounting.

Key words: reception of citizens in the prosecutor's office, improvement of reception of citizens, modern forms of reception of citizens in the prosecutor's office, prosecutor, constitutional right to appeal.

For citation: Ibragimova A. M. Improvement of the Work on Personal Reception of Citizens in the Prosecutor's Office // The Art of Law. 2025. № 3. С. 65–74.

Эффективность годами складывавшейся практики приема граждан в кабинетах по заранее утвержденному графику и в строго отведенные часы в связи с поставленной перед прокурорским корпусом задачей повышения уровня доверия граждан[1] существенно снизилась [1, с. 95].

В этой связи в системе органов прокуратуры Российской Федерации принят ряд организационно-распорядительных документов, дополняющих существующий порядок[2].

Так, в соответствии с Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 04.10.2021 № 575 «Об утверждении Типового положения о мобильных и временных приемных органов прокуратуры Российской Федерации» руководители прокуратур, на поднадзорных территориях которых размещаются мобильные или временные приемные, обеспечивают работу мобильной и временной приемной.

Во исполнение указанного приказа Генерального прокурора Российской Федерации приказом прокурора Оренбургской области от 20.10.2021 № 371 утверждено Положение о мобильных и временных приемных Оренбургской области, на основании которого создана и в постоянном режиме функционирует мобильная приемная прокурора Оренбургской области. Работа мобильной приемной строится на основании планов, утвержденных прокурором области.

Для обеспечения доступа личного приема населения введена практика приема

[1] Стенограмма выступления В.В. Путина на заседаниях коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62998 ; http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65165 (дата обращения: 24.03.2025).

[2] См.: О порядке рассмотрения обращений граждан в органах прокуратуры Российской Федерации : Федеральный закон от 02 мая 2006 № 59-ФЗ ; Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30 января 2023 № 45. Доступ к документам из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

с использованием мобильных приемных в различных населенных пунктах одного муниципального образования, в том числе труднодоступных.

Так, 15.02.2023 прокурором Оренбургской области совместно с прокурором района осуществлен прием 36 граждан в 3 труднодоступных населенных пунктах Новоорского района.

Кроме того, помимо плановых приемов граждан мобильные приемные используются и для организации приема граждан в местах чрезвычайных происшествий и стихийных бедствий. На практике в соответствии с пунктом 1.3 Типового положения о мобильных и временных приемных органов прокуратуры в подобных ситуациях создавались временные мобильные приемные.

В частности, в связи с обстановкой, сложившейся на территории Оренбургской области в результате прохождения весеннего паводка весной 2024 года в целях осуществления оперативных выездов в населенные пункты, пострадавшие от подтопления, для приема граждан прокурором Оренбургской области 01.04.2024 издано распоряжение № 91/25р «Об организации работы мобильных приемных в пунктах временного размещения граждан, пострадавших от подтопления».

Распоряжением прокурора области от 08.04.2024 № 106/25р «Об установлении порядка регистрации и рассмотрения обращений о нарушениях прав граждан, пострадавших от неблагополучного прохождения весеннего паводка 2024 года» установлен сокращенный срок регистрации и рассмотрения обращений граждан указанной категории.

В связи с фиксацией большого количества обращений граждан распоряжением прокурора области от 12.04.2024 № 108/25р «О проведении приема граждан» организована работа по приему граждан, пострадавших от подтопления, в выходные дни 13 и 14 апреля 2024 года руководителями и работниками прокуратуры области в мобильных приемных, а также на базе прокуратур Оренбургской области, г. Оренбурга, г. Орска.

Тем самым, прокуроры города (района) ориентированы на активное участие в работе мобильных, в том числе временных, приемных. Аналогичная практика складывается и в других регионах.

К примеру, в связи с проведением на территории ряда субъектов Российской Федерации в 2022 году мероприятий по приему и размещению прибывших из ДНР и ЛНР граждан Генеральная прокуратура Российской Федерации поручила прокурорам соответствующих регионов на уровне областного, городского, районного звена организовать мобильные приемные в местах, где открыты пункты временного размещения в целях соблюдения установленных государственных гарантий на временное размещение, доступ к образованию, медицинской помощи, а также на получение положенных выплат[1].

По результатам работы временных мобильных приемных в Воронежской и Ростовской областях обеспечено предоставление более 400 персонифицированных документов прибывшим из ДНР и ЛНР (СНИЛС и ИНН), 800 лицам произведена единовременная материальная помощь[2].

Следует различать обозначенные виды приема граждан, так как в ходе осуществления указанной деятельности не допускается замена запланированных в рамках работы мобильных или временных приемных выездами в рамках проверок по

[1]По поручению Генеральной прокуратуры Российской Федерации прокуратурами организованы мобильные приемные, а также «горячие линии» для граждан, прибывших из ДНР и ЛНР. URL: https://t.me/genprocrf/1712 (дата обращения: 03.07.2025).

[2] О практике организации личного приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации в первом полугодии 2022 г. : информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 13 сентября 2022 г. № 24-03-2922/Иф10790-22. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

обращениям граждан, тематических и иных встреч.

Прием граждан с выездом необходимо осуществлять регулярно:

– в местностях со сложной криминогенной обстановкой,

– в отдаленных и труднодоступных населенных пунктах,

– на предприятиях с социально-экономическими проблемами.

Выезды прокуроров на поднадзорные предприятия и в учреждения способствуют стабилизации обстановки благодаря своевременному выявлению и устранению проблем. Указанные формы активно используются как региональными прокуратурами, так и прокуратурами города (района).

Например, по коллективному обращению работников общества с ограниченной ответственностью по факту невыплаты заработной платы за январь-февраль 2022 года Дорогомиловской межрайонной прокуратурой г. Москвы незамедлительно организовано проведение проверки соблюдения трудового законодательства с выездом на строительный объект, где установлены еще 152 работника, которым не выплачена заработная плата. Оперативные меры приняты межрайонной прокуратурой в их непосредственном присутствии, задолженность по заработной плате на сумму свыше 5,5 млн рублей работодателем погашена в полном объеме, права работников восстановлены, должностные лица и юридическое лицо привлечены к дисциплинарной и административной ответственности[1].

При организации тематических приемов граждан следует обращать внимание на распространенность проблемы на поднадзорной территории. В частности, самым актуальным вопросом среди граждан, как правило, является обеспечение их трудовых, социальных и жилищных прав.

Примером эффективной защиты прав граждан являются результаты рассмотрения прокуратурой Шиловского района Рязанской области обращений 179 работников ПК ЗАО «ОПС-Шилово», ФГУП «ЗСВ «Эластик» о невыплате заработной платы на общую сумму более 1 млн рублей. После вмешательства прокуратуры задолженность по выплате денежных средств погашена в полном объеме.

Прокуратура Унечского района Брянской области в ходе выездного приема провела проверку соблюдения ООО «Стройтэкс» требований трудового законодательства в части своевременности выдачи работникам заработной платы. По результатам проверки задолженность по заработной плате перед 46 работниками общества за январь-март 2019 г. на сумму около 2 млн рублей погашена.

Прокуратурой Горнозаводского района Пермского края с участием представителей Горнозаводской районной организации «Всероссийское общество инвалидов», администрации города Горнозаводска и других заинтересованных организаций проведен круглый стол по защите прав инвалидов по вопросам переселения из аварийного жилья, доступа к объектам социальной инфраструктуры, здравоохранения[2].

Тем самым, в отличие от приема граждан, проводимого с использованием мобильных и временных приемных, призванных для решений глубоких системных проблем, требующих комплексного вмешательства органов прокуратуры, проведение выездного и тематического приема предполагает при всей серьезности решаемых проблем их

[1] О практике организации личного приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации в первом полугодии 2022 г.

[2] Обзор практики организации личного приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации в первом полугодии 2019 года : информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. № инф-24-9326-19. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

локальное устранение и возможность восстановления законности и прав граждан традиционными мерами прокурорского реагирования в штатном режиме.

Таким образом, по форме проведения и глубине решаемой проблемы прием граждан следует классифицировать на:

1. Выездной прием граждан;
2. Тематический прием граждан;
3. Прием граждан в мобильных приемных;
4. Прием граждан во временных приемных.

Изложенные виды приема следует отнести к традиционным, так как они реализуются в форме живого общения с гражданами. Однако развитие информационного общества сформировало новые способы проведения личного приема граждан. В частности, с использованием специальных программных продуктов, позволяющих проводить прием граждан в дистанционной форме[1].

Еще одним способом общения с гражданами является организация горячих линий. В частности, органами прокуратуры Оренбургской области организуется работа горячих линий по наиболее актуальным и проблемным вопросам, полученные сведения используются при проведении проверок, выработке дополнительных мер по укреплению законности [2, с. 159].

Тем самым, в зависимости от способа проведения можно выделить прием граждан очный, дистанционный, телефонные переговоры.

Кроме того, помимо рассмотренных видов личный прием граждан в органах прокуратуры следует различать по содержанию на первичный, повторный и прием по результатам рассмотрения обращений граждан.

Первичный прием направлен на определение наличия проблемы гражданина, требующей вмешательства прокуратуры в рамках рассмотрения обращения либо достаточности дачи устного разъяснения.

Повторный прием может быть проведен для уточнения содержания обращения, уточнения недостающих для разрешения обращения сведений.

Прием граждан по результатам рассмотрения обращения гражданина является относительно новой формой, нормативно закрепленной впервые в пункте 1.12 указания Генерального прокурора Российской Федерации от 06.03.2020 № 137/9 «О совершенствовании работы по рассмотрению обращений и приему граждан в органах прокуратуры». Значение проведения приема заявителя руководителем прокуратуры, подписавшим ответ, заключается в создании условий для максимального удовлетворения просьб граждан и предотвращения поступления от них повторных обращений. В том числе, в связи с реализацией данной формы, по мнению Генеральной прокуратуры Российской Федерации, наблюдается тенденция снижения количества повторных обращений граждан, отмечая эффективность способов работы с гражданами[2].

Существуют особенности приема граждан по их субъектному составу.

В связи с внесением приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 28.09.2021 № 562 «О внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генеральной прокуратуры Российской Федерации» изменений в Инструкцию о порядке рассмотрения обращений и приема граждан и изданием указания Генерального прокурора Российской Федерации от 06.03.2020 № 137/9 «О совершенствовании работы по рассмотрению обращений и приему

[1] См. пункт 1.2: О совершенствовании работы по рассмотрению обращений и приему граждан в органах прокуратуры Российской Федерации : указание Генерального прокурора Российской Федерации от 06 марта 2020 г. № 137/9. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Обзор состояния работы по рассмотрению обращений граждан в органах прокуратуры Российской Федерации в 2023 году от 15 марта 2024 г. № 25-08-2024. Документ опубликован не был.

граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» необходимо отметить особенности и дополнительные требования к организации приема граждан.

В органах прокуратуры ветераны и инвалиды Великой Отечественной войны, граждане Российской Федерации, являющиеся бывшими несовершеннолетними узниками концлагерей, гетто, других мест принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в период Второй мировой войны, пользуются правом на личный прием в первоочередном порядке. С учетом возраста и состояния здоровья лиц, указанных в пункте 5.1.1 Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан, в обязательном порядке следует рассматривать вопрос об организации их личного приема по месту жительства (пребывания), в том числе с использованием технических средств связи.

Например, прокуратурой города Севастополя по результатам проведенной проверки по обращению ветерана Великой Отечественной войны из числа лиц, награжденных знаком «Житель осажденного Севастополя» Б., принятой на личном приеме прокурором города по вопросу обеспечения жилым помещением, установлено, что заявительница признана нуждающейся в жилом помещении и включена в список граждан, имеющих право на получение мер социальной поддержки по обеспечению жилыми помещениями за счет средств федерального бюджета. Несмотря на выделенные денежные средства, Б. не была обеспечена жильем. По результатам проверки прокуратурой Нахимовского района в защиту жилищных прав заявителя в Гагаринский районный суд города Севастополя направлено исковое заявление. Решением от 11.05.2022 исковые требования прокурора удовлетворены в полном объеме. Права заявителя восстановлены, 17.06.2022 предоставлено жилое помещение.

Кроме того, указанием Генерального прокурора Российской Федерации от 06.03.2020 № 137/9 «О совершенствовании работы по рассмотрению обращений и приему граждан в органах прокуратуры» акцентировано особое внимание прокурорских работников на защиту и восстановление прав социально незащищенной категории граждан, к которым отнесены ветераны, инвалиды, несовершеннолетние, многодетные семьи, малоимущие граждане.

Тем самым, по субъектному составу принимаемых в органах прокуратуры лиц необходимо различать проведение личного приема на общих и специальных основаниях.

Помимо соблюдения особенностей проведения личного приема с учетом изложенных выше требований необходимо соблюдение процедуры приема граждан.

Согласно пункту 1.3 указания Генерального прокурора Российской Федерации от 06.03.2020 № 137/9 «О совершенствовании работы по рассмотрению обращений и приему граждан в органах прокуратуры» сведения о времени и месте проведения приема необходимо заблаговременно сообщать на официальных сайтах органов прокуратуры в сети Интернет, а также направлять в средства массовой информации. Кроме того, необходимо исключать случаи неявки граждан на организованный таким образом личный прием, а также прием 1-2 граждан.

Согласно положениям статьи 13 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Закон № 59-ФЗ) при личном приеме гражданин предъявляет документ, удостоверяющий личность. Данное требование находит отражение и в пункте 7.6 Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры, утвержденной приказом

Генерального прокурора от 30.01.2013 № 45 (далее – Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры).

Вместе с тем, в части правил отражения содержания устного обращения между Законом № 59-ФЗ и Инструкцией о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры имеются расхождения.

В соответствии с частью 3 статьи 13 Закона № 59-ФЗ содержание устного обращения заносится в карточку личного приема гражданина.

Согласно требованиям пункта 7.8 Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры содержание устного обращения заносится в компьютерную базу данных либо в книгу регистрации приема посетителей.

Несмотря на подобные расхождения в подходах к правилам фиксации содержания личного приема, с учетом находящегося на стадии формирования информационного общества и сохранением бумажного документооборота, содержание обращения должно быть занесено и в карточку личного приема гражданина, и в компьютерную базу данных, а также книгу регистрации приема посетителей, что подтверждается и судебной практикой[1].

Обязательным является заполнение сведений в регистрационную карточку АИК «Надзор-WEB», непосредственно после личного приема, так как размещение информации в системе отображается в режиме реального времени.

Отсутствие данных о личном приеме заявителя в компьютерной базе приводит к невозможности отслеживания повторных приемов, существа обращения, а также искажает статистическую отчетность[2].

Содержание записей в карточке личного приема, книге учета посетителей и регистрационной карточке должны быть идентичными, в целях предотвращения расхождения данных в различных отчетных документах и нарушения единства прокурорской деятельности. В литературе предлагаются различные варианты разрешения ситуации, связанной с дублированием сведений в бумажной и электронной формах, включая фиксацию только в компьютерной базе данных, что представляется вполне отвечающим требованиям формирующегося информационного общества [3, с. 36].

Практика устного разъяснения хоть и допускается, все же является исключением из правил. По мнению Генеральной прокуратуры Российской Федерации, дача устных разъяснений по доводам заявителей, без получения от них письменных заявлений или жалоб, является негативной практикой[3].

На обращениях, поданных на личном приеме, ставится отметка «с личного приема» и обязательно указывается дата приема для облегчения исполнения пункта 2.3 Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан, регулирующего 3-дневный срок регистрации обращения со дня его поступления.

Непосредственно личный прием необходимо проводить в форменном обмундировании во всех случаях без исключения. При этом необходимо вежливо и корректно общаться с посетителями, не допуская грубого и нетактичного общения[4].

В этой связи отдельно необходимо остановится на правилах поведения прокурорских работников при использовании гражданами аудио- и

[1] См., например: Апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 25.01.2023 № 33а-436/2023. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Справка о результатах проверки организации работы по рассмотрению обращений и приему граждан в прокуратуре Кировской области Российской Федерации от 19.04.2022 г. Документ опубликован не был.

[3] Там же.

[4] См. пункт 1.5: О совершенствовании работы по рассмотрению обращений и приему граждан в органах прокуратуры Российской Федерации : указание Генерального прокурора Российской Федерации от 06 марта 2020 № 137/9.

видеозаписывающих устройств в ходе личного приема, законности отказа в проведении личного приема с использованием записывающих устройств в связи с участившимися фактами провокации для получения хайпового видеоконтента с участием прокурорских работников [4, с. 152].

Некоторыми авторами выдвигаются суждения о том, что отказ в проведении личного приема граждан с использованием видеозаписи не соответствует требованиям закона.

В частности, А. В. Савоськин и В. А. Мещерягина пишут [5, с. 18–21], что, если гражданин намерен вести видеозапись личного приема, а должностное лицо с ним не согласно, у должностного лица фактически отсутствует нормативный акт, на который он может сослаться, запрещая видеозапись, а это, в свою очередь, делает его действия неправомерными.

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 30.12.2022 № 785 «Об утверждении Положения о пропускном и объектовом режимах на объектах Генеральной прокуратуры Российской Федерации и на прилегающих к ним территориях, расположенных в г. Москве» в пункте 3.11 запрещен допуск посетителей на объекты, в том числе с аудио- и видеозаписывающей аппаратурой, приемными и передающими устройствами. Учитывая возможности современных мобильных устройств, речь идет и о них. Данным приказом на прокуроров субъектов возложена обязанность издать организационно-распорядительные документы, определяющие порядок организации и осуществления пропускного и объектового режимов в занимаемых зданиях. Такие организационно-распорядительные документы приняты и действуют не только в региональных прокуратурах[1], но и в прокуратурах районного звена.

Сам по себе запрет на видеосъемку личного приема лицом, посетившим прокуратуру в целях защиты частных интересов, по мнению Генеральной прокуратуры Российской Федерации, не нарушает действующее законодательство[2]. Такая же позиция находит отражение и в судебной практике.

Так, например, одним из районных судов Российской Федерации рассмотрен административный иск гражданина о признании незаконным действий прокурора района, отказавшего в личном приеме с аудиозаписывающим устройством для фиксации сведений, получаемых в ходе личного приема. По мнению истца подобные действия прокурора нарушили его конституционное право на обращение, закрепленное в статье 33 Конституции Российской Федерации, а также статью 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»[3], предусматривающий любой законный способ для сбора информации. Суд отказал в удовлетворении требований административного истца по следующим основаниям. В ходе проведенного ранее приема гражданин тайно произвел запись разговора с прокурором и опубликовал ее в сети «Интернет», вставляя фразы, произнесенные прокурором, между своими негативными комментариями о работе

[1] См., например: Об утверждении Положения «О пропускном, объектовом и противопожарном режимах на объектах прокуратуры Пермского края» : приказ прокурора Пермского края Российской Федерации от 16 декабря 2019 г. № 250. Документ опубликован не был. Т

[2] Разъяснения Генеральной прокуратуры Российской Федерации; в органах прокуратуры не предусматривается фиксация с помощью фото, аудио, видеозаписывающей аппаратуры хода личного приема граждан. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_cfo/mass-media/news/archive?item=1866262 (дата обращения: 12.05.2025).

[3] Об информации, информационных технологиях и защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

прокуратуры. Распространение информации о работе государственных органов на незарегистрированном канале в сети «Интернет» свидетельствует о его вмешательстве в деятельность органов прокуратуры, что противоречит действующему законодательству и регламентированной деятельности органов прокуратуры[1].

Тем самым, суд пришел к выводу о том, что действия гражданина направлены на дальнейшее обнародование записи с участием прокурора, что фактически подпадает и под действие ст. 152.1 ГК РФ, запрещающей дальнейшее обнародование видеозаписи с участием другого лица под угрозой применения гражданско-правовых санкций, в том числе находящегося при исполнении служебных обязанностей [6, с. 252].

С учетом сказанного, хотелось бы отметить, что существующие пробелы в законодательстве по данному вопросу с учетом складывающейся правоприменительной практики по вопросу записи личного приема необходимо соблюсти некоторые условия для последующего признания законности отказа в проведении приема граждан с использованием записывающих устройств в условиях очевидности.

Во-первых, необходимо разъяснить гражданину положения Закона № 59-ФЗ, не предусматривающего проведение личного приема с использованием записывающих устройств, а, следовательно, не закрепляющего обязанность принимающего должностного лица разрешать запись личного приема.

Во-вторых, необходимо предоставить гражданину, который пришел на личный прием, возможность проведения его приема без использования записывающих устройств, которое необходимо отразить в карточке личного приема, наличие которой будет свидетельствовать о том, что гражданину такая возможность предоставлялась. В карточке личного приема в такой ситуации необходимо отражать сведения о фамилии, имени, отчестве лица, обратившегося на личный прием, отразить информацию о том, что суть вопроса не была изложена в связи с тем, что гражданин отказался в проведении личного приема без использования аудио- и видеосъемки[2].

На основании изложенного, следует сказать, что существующие правила приема граждан позволяют выделить многообразие их видов и предложить классификацию по различным критериям. Данное обстоятельство имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как при стоящих перед органами прокуратуры в современных условиях задачи по обеспечению единства и верховенства законов, защите прав и свобод человека и гражданина в условиях укрепляющегося доверия, индикатором которого является, по мнению некоторых авторов, [7, с. 91] возрастающее количество обращений граждан, предопределяют повышенные требования к знаниям, умениям, служебному поведению прокурорских работников с учетом правовых, информационных и технологических вызовов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сулин А. И. Совершенствование процесса рассмотрения обращений граждан органами прокуратуры // Экономика, бизнес и право в новых условиях : сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 сентября 2019 года. Пенза : Наука и просвещение, 2019. С. 95–96.

2. Сайфутдинов Р. Р. Формы работы прокуратуры с обращениями граждан // Социальное управление. 2020. Т. 2, № 3-4. С. 156–162.

3. Шеставин Д. А., Переверзева Д. Е. Обращения граждан в органы прокуратуры: некоторые вопросы личного

[1] Решение Ирбитского районного суда Свердловской области от 12 марта 2018 г. по делу № 2а-277/2018 // Архив Ирбитского районного суда Свердловской области.

[2] См., например: Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 07.09.2021 № 88а-24130/2021. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

приема // Правовые исследования молодых ученых (для магистрантов и аспирантов) : материалы IV Ежегодной региональной научно-практической конференции, Иркутск, 26 января 2024. Иркутск : Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. С. 33–37.

4. Степкин С. П. Пробелы правовой регламентации личного приема граждан // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 3. С. 151–159.

5. Савоськин А. В., Мещерягина В. А. Видеозапись личного приема: можно ли запретить? // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 8. С. 18–21.

6. Тебиев Р. Р. О праве граждан делать фото и видеозаписи действий сотрудников полиции, находящихся при исполнении служебных обязанностей // Новая наука: гипотезы, взгляды и факты : сборник научных трудов / под общ. ред. С. В. Кузьмина. Казань, 2017. С. 250–253.

7. Гришковец А. А. Актуальные проблемы рассмотрения в органах прокуратуры заявлений, жалоб и иных обращений граждан и возможные пути их оптимального решения // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию образования прокуратуры России, Нижний Новгород, 02 июня 2022. Нижний Новгород : Буки-Веди, 2023. С. 89–103.

УДК 342.8
EDN **JBEWTD**

Котельников Алексей Дмитриевич,
заместитель председателя Иркутской городской № 4
территориальной избирательной комиссии (Свердловский округ),
аспирант кафедры конституционного и административного права
Байкальского государственного университета
ул. Ленина, 11, г. Иркутск, Россия, 664003
e-mail: ADK8897@yandex.ru
ORCID 0009-0003-4152-4468

ПРАВО НЕ ИЗБИРАТЬ? НОВЫЙ ЗАКОН О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ И МЕХАНИЗМ НАРОДОВЛАСТИЯ

Аннотация. В статье рассмотрен ряд новелл Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в контексте реализации механизма народовластия в Российской Федерации. Исследована хронология отдельных взаимосвязанных изменений федерального законодательства, регулирующего осуществление местного самоуправления и смежные с ним сферы общественных отношений.

Отмечается, что новый закон развивает оформленные в результате конституционной реформы 2020 года тенденции централизации и консолидации местного самоуправления и практик его осуществления, что прямо отражается на сокращении непосредственных и увеличении опосредованных форм демократии. На примере институтов муниципальных выборов, референдума и иных форм голосований прослеживается их трансформация в условиях реализации концепции единой системы публичной власти. Выявлена общая направленность в законодательстве на установление «права не избирать» в качестве основополагающего вектора дальнейшего преобразования порядка формирования органов местного самоуправления.

Сделан вывод о необходимости учета законодателем при дальнейшем реформировании местного самоуправления его особой роли в механизме народовластия в Российской Федерации, предполагающем приоритет прямых императивных форм волеизъявления населения, в том числе на муниципальном уровне.

Ключевые слова: народовластие, непосредственная демократия, местное самоуправление, выборы, избирательное право.

Для цитирования: Котельников А. Д. Право не избирать? Новый закон о местном самоуправлении и механизм народовластия // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 75–81.

Kotelnikov Aleksey Dmitrievich,
Deputy Chairman of the Irkutsk City No. 4
Territorial Election Commission (Sverdlovsky District),
Postgraduate student of the Department of Constitutional
and Administrative Law, Baikal State University,
11 Lenin St., Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: ADK8897@yandex.ru
ORCID 0009-0003-4152-4468

THE RIGHT NOT TO ELECT? NEW LAW ON LOCAL SELF-GOVERNMENT AND THE MECHANISM OF DEMOCRACY

Annotation. The article examines a number of innovations of the Federal Law "On General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority" in the context of the implementation of the mechanism of people's power in the Russian Federation. The chronology of individual interrelated changes in federal legislation regulating the implementation of local self-government and related areas of public relations is studied.

It is noted that the new law develops the trends of centralization and consolidation of local self-government and practices of its implementation, formalized as a result of the constitutional reform of 2020, which directly affects the reduction of direct and increase in indirect forms of democracy. Using the example of the institutions of municipal elections, referendums and other forms of voting, their transformation is traced in the context of the implementation of the concept of a unified system of public authority. The general trend in the legislation towards establishing the “right not to elect” as a fundamental vector of further transformation of the procedure for the formation of local government bodies has been revealed.

A conclusion was made about the need for the legislator to take into account, when further reforming local government, its special role in the mechanism of democracy in the Russian Federation, which assumed the priority of direct imperative forms of expression of the will of the population, including the municipal level.

Key words**:** democracy, direct democracy, local government, elections, electoral law.

For citation: Kotelnikov A. D. The Right not to Elect? New Law on Local Self-Government and the Mechanism of Democracy // The Art of Law. 2025. № 3. С. 75–81.

Март 2025 года ознаменовался событием, имеющим важное значение не только для юридического сообщества, но и большинства сфер государственной и общественной жизни – принятием Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее также – Федеральный закон № 33-ФЗ)[1]. Работа над проектом закона велась еще с конца 2021 года, когда он был внесен в Государственную Думу депутатом П. В. Крашенинниковым и сенатором А. А. Клишасом, и история законотворческих баталий, разворачивавшихся в рамках его обсуждения и корректировки, заслуживает, пожалуй, отдельного исследования[2].

Поскольку большинство положений Федерального закона № 33-ФЗ, за исключением отдельных норм о полномочиях и правах органов местного самоуправления, вступает в силу уже 19 июня 2025 года, правотворческим органам субъектов Российской Федерации и самих муниципальных образований предстоит в кратчайшие сроки полностью осмыслить положения нового закона о местном самоуправлении и применить их на практике. Данная задача представляется непростой, учитывая, что уже первоначальная редакция проекта закона, как отмечала Е. В. Гриценко в начале 2022 года, предусматривала

[1] Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

[2] Проект федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8 (дата обращения: 27.04.2025).

фундаментальные изменения в правовом положении местного самоуправления в России, в ряде аспектов ставящие под сомнение его самостоятельность в отношениях с государственной властью, основанную на положениях статьи 12 Конституции Российской Федерации [1, с. 57]. При этом принятый в итоге Федеральный закон № 33-ФЗ причудливым образом сочетает в себе возросшее влияние государственных органов на деятельность муниципалитетов и существенную децентрализацию правового регулирования в этой сфере, вплоть до предоставления субъектам Российской Федерации права самостоятельно устанавливать одноуровневую либо сохранять двухуровневую систему местного самоуправления.

Всесторонняя оценка обозначенных новелл невозможна без отдельного исследования состояния законодательного регулирования права граждан на участие в управлении делами государства в широком смысле на местном уровне, в том числе посредством выборов, референдума и иных форм непосредственной демократии. В этой связи представляется необходимым исходить из того, что местное самоуправление, являясь одной из основ российского конституционного строя, неразрывно связано с такой обширной публично-правовой категорией, как народовластие, и входит в его механизм, что отмечалось, среди прочего, Конституционным Судом Российской Федерации[1].

В юридической литературе к понятию механизма народовластия преимущественно обращаются авторы, исследующие глубинные вопросы взаимоотношений между населением и публичной властью, объективированной в России в виде государственных и муниципальных органов. Как отмечает Ю. И. Скуратов, в его основе лежит приоритет непосредственного осуществления народом своей власти, которая делегируется народным представителям лишь в случае, когда не может на постоянной основе осуществляться напрямую [2, с. 18]. При этом местное самоуправление представляет собой уникальный элемент механизма народовластия, поскольку может осуществляться населением как непосредственно, так и через выборные органы на регулярной основе. Данная модель закреплена в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее также – Федеральный закон № 131-ФЗ)[2] и сохранена в Федеральном законе № 33-ФЗ.

Таким образом, исходя из современного понимания теории разделения властей, можно полагать, что приоритет непосредственной демократии в управлении делами государства был и остается основой осуществления народом своей власти в соответствии со статьями 3 и 32 Конституции Российской Федерации. Однако особенностью местного самоуправления является то, что в его осуществлении в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ до настоящего времени могли участвовать не только российские граждане. В этой связи представляется важным отсутствие в Федеральном законе № 33-ФЗ указания на возможность участия на основании международных договоров в осуществлении местного самоуправления, в том числе посредством выборов и референдума, иностранных граждан, имеющих устойчивую связь с

[1] По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2000 г. № 15-П // Российская газета. 2000. 19 декабря.

[2] Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

муниципалитетом в силу постоянного или преимущественного проживания на его территории. Примечательно, что данное право сохраняется до настоящего времени в Федеральных законах «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[1] и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее также – Федеральный закон № 67-ФЗ)[2].

Можно предположить, что такое расхождение текстов законодательных актов носит технический и временный характер, поскольку с проектом нового закона о местном самоуправлении уже возникали схожие ситуации. Так, его первоначальная редакция не предусматривала наличие избирательной комиссии муниципального образования в системе муниципальных органов, но вместе с тем содержала в тексте неоднократные упоминания данного института. Это вызвало обоснованные вопросы у ученых и правоприменителей. Но уже спустя четыре месяца после внесения в Государственную Думу проекта нового закона о местном самоуправлении в Федеральный закон № 67-ФЗ были внесены изменения, в соответствии с которыми институт муниципальной избирательной комиссии упразднен[3]. Примечательно, что коррелирующие с ними поправки в Федеральный закон № 131-ФЗ были внесены только по прошествии более чем двух лет[4]. Приведенные примеры, на наш взгляд, достаточно наглядно демонстрируют непоследовательность законодателя в решении вопросов реформирования институтов прямой демократии на уровне местного самоуправления.

Существенному реформированию подвергнуты и сами формы муниципальной непосредственной демократии. В отличие от Федерального закона № 131-ФЗ новый закон о местном самоуправлении в статье 42 четко разграничивает ее императивные (часть 1) и консультативные (часть 2) формы, хотя и использует при этом несколько иную терминологию. Так, местный референдум, муниципальные выборы и сход граждан отнесены к формам непосредственного осуществления населением местного самоуправления, тогда как в отношении опроса, публичных слушаний и ряда иных форм участия в осуществлении местного самоуправления характеристика «непосредственное осуществление» не применяется. Схожие формулировки использованы и в прежнем законе, но без однозначного отнесения всех установленных форм прямой демократии к той или иной категории.

При этом два вида голосований, предусмотренные в настоящее время статьей 24 Федерального закона № 131-ФЗ, не нашли места в новом законе о местном самоуправлении. Голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования, по всей видимости, полностью «сливается» с местным референдумом, поскольку Федеральный закон № 33-ФЗ, в отличие от своего предшественника, не устанавливает особенностей реализации первой формы волеизъявления по отношению ко второй. Одной из таких особенностей является отсутствие ограничений в информационном обеспечении,

[1] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

[2] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

[3] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 14 марта 2022 г. № 60-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 12. Ст. 1787.

[4] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации : Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 232-ФЗ // СЗ РФ. 2024. № 33 (Ч. I). Ст. 4928.

аналогичных установленным в отношении агитации по вопросам референдума, что, в свою очередь, существенно влияет на достижение свободного и осознанного волеизъявления граждан [3, с. 17].

В случае же с голосованием по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления имеет место полное упразднение данного института. Ранее схожим образом с вступлением в силу Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»[1] был ликвидирован институт отзыва высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, который также представлял собой особую форму конституционно-правового принуждения, осуществлявшуюся непосредственно народом в лице населения соответствующего региона.

Стоит отметить, что в прежние годы учеными высказывались многочисленные положительные оценки развития непосредственной демократии в России. Так, менее десяти лет назад В. В. Комарова вслед за выводами Е. И. Козловой почти полувековой давности отмечала неуклонное расширение в отечественной практике видового многообразия ее форм, начиная с советского периода и заканчивая современностью [4, с. 71]. Представляется, что наблюдаемое после конституционной реформы 2020 года сокращение видов императивных форм прямой демократии (голосований), с одной стороны, вполне закономерно, поскольку представляет собой критическое переосмысление их востребованности и эффективности, но, с другой, может свидетельствовать о кризисных проявлениях в реализации механизма народовластия, когда законодателем целые демократические институты рассматриваются как нечто незначительное и необязательное, что влечет упразднение последних.

Важным нововведением Федерального закона № 33-ФЗ применительно к механизму народовластия является создание института избрания представительным органом муниципального образования главы соответствующего муниципального образования из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации. При этом частью 2 статьи 88 названного закона указанный способ избрания для главы муниципального образования, включающего в состав своей территории административный центр (столицу) субъекта Российской Федерации, установлен в качестве единственно возможного. Представляется, что данной нормой в высшую степень реализации возведены позиции, высказанные Конституционным Судом Российской Федерации в 2015 году в постановлении по так называемому «иркутскому делу», которым установление безальтернативного варианта избрания глав отдельных категорий муниципалитетов тогда еще законом субъекта Российской Федерации было признано оправданным с учетом степени концентрации возложенных на соответствующие муниципальные образования публичных функций и задач[2].

Наконец, еще одной новеллой Федерального закона № 33-ФЗ является исключение модели осуществления полномочий представительного органа сходом граждан в поселениях, где численность населения не предполагает целесообразности создания такого органа

[1] Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ // СЗ РФ. 2021, № 52 (ч. I). Ст. 8973.

[2] По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5^1 статьи 35, частей 2 и 3^1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1^1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. № 30-П // СЗ РФ. 2015. № 50. Ст. 7226.

местного самоуправления. Первоначальная редакция проекта закона предусматривала установление одноуровневой системы местного самоуправления с городскими, муниципальными округами, внутригородскими муниципальными образованиями, создаваемыми в городах федерального значения, и предполагала трансформацию схода граждан в консультативную форму прямой демократии с фактическим объединением ее с собранием граждан [5, с. 379]. Однако итоговая редакция Федерального закона № 33-ФЗ все же определяет в части 7 статьи 9 возможность самостоятельного установления субъектами Российской Федерации как одноуровневой, так и двухуровневой системы муниципальных образований либо их совмещения исходя из конкретных особенностей того или иного региона. Очевидно, что в таком случае сохранение возможности осуществления сходом граждан полномочий представительного органа с небольшой численностью было бы эффективной мерой, но, по всей видимости, этот и прочие вопросы регулирования двухуровневой системы федеральный законодатель полностью оставил на решение субъектов Российской Федерации.

Анализируя обновленные редакции статей 131 и 132 Конституции России, О.И. Баженова предлагает признать, что, хотя местное самоуправление представляет собой один из необходимых закрепленных Основным законом элементов механизма народовластия, в силу чего законодатель не может от него отказаться, идея самостоятельности двухуровневого местного самоуправления в том виде, в котором ее изначально предполагалось реализовать в начале 2000-х годов, оказалась не востребована не только на всех уровнях публичной власти, но, что важнее, среди самих граждан [6, с. 22]. При этом И. А. Третьяк отмечает, что новеллы главы 8 Конституции не только снижают уровень конституционных гарантий местного самоуправления, но способны повлечь конституционно-правовые конфликты по вопросам его реализации и защиты между муниципальными органами, общественностью и органами государственной власти [7, с. 389].

Указанные выводы в отношении конституционных поправок можно применить и к положениям Федерального закона № 33-ФЗ, поскольку отклонение маятника конституционно-правового регулирования муниципальной демократии в сторону ее представительных форм предполагает решение большего числа вопросов между органами публичной власти разного уровня, зачастую носящее непубличный характер (например, в случаях избрания главы муниципального образования представительным органом). Установив широкие пределы усмотрения для региональных парламентов в перераспределении полномочий по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения между муниципальной и региональной властями с очевидным «перевесом» возможностей в сторону последней, федеральный законодатель, фактически самоустранившись, предоставил субъектам Российской Федерации свободу порождать в этой сфере далекую от какого-либо единообразия правотворческую и правоприменительную практику. Исходя из этого, вызывает опасения возможность возникновения упомянутых выше конституционно-правовых конфликтов, например, между политически «слабыми» региональными и политически «сильными» местными элитами (либо, соответственно, наоборот) в отдельных регионах, что повлечет искажение единого правового пространства России и негативным образом отразится на гарантиях прав и свобод граждан.

Таким образом, в последовавший после конституционной реформы 2020 года и продолжающийся сейчас период интенсивного реформирования законодательства по вопросам организации публичной власти, в том числе

муниципальной, наметился очевидный вектор расширения установления «права не избирать», предполагающий сокращение использования институтов непосредственной демократии либо вовсе отказ от ряда ее форм с их заменой, в свою очередь, формами демократии представительной. Но, поскольку вступление в силу нового закона о местном самоуправлении являет собой свершившийся факт, представляется неизбежной дальнейшая корректировка его отдельных положений с учетом формирования практики правоприменения. И в этом процессе основная роль принадлежит органам региональной государственной власти, поскольку, как отмечает Е. С. Шугрина, «…важно не то, что написано в законе, а то, как это «прочитают» субъекты Российской Федерации» [8, с. 4]. Представляется, что совершенствование правового регулирования и практики осуществления местного самоуправления невозможно без сохранения и укрепления народовластия как одной из основ конституционного строя современной России. В этой связи вначале региональным властям, а затем и федеральному законодателю в ближайшие годы предстоит приложить усилия в целях последовательного претворения в жизнь принципов правового и демократического государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гриценко Е.В. Что же останется от местного самоуправления в единой системе публичной власти? (Проблемы законодательной интерпретации конституционных поправок) // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 50–57.

2. Скуратов Ю. И. Концепция разделения властей (новое прочтение) // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 9. С. 16–20.

3. Якимова Е. М. Информационное обеспечение избирательного (референдумного) процесса как средство реализации принципа свободных выборов: истоки правового регулирования и современное состояние российского законодательства // Правовая парадигма. 2018. Т. 17, № 4. С. 16–21.

4. Комарова В. В. Идеи народовластия // Lex Russica (Русский закон). 2016. № 3(112). С. 69–81.

5. Авакьян С. А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики : монография. Москва : Юстицинформ, 2022. 484 с.

6. Баженова О. И. Поправка(и) к Конституции Российской Федерации: местному самоуправлению быть? // Местное право. 2020. № 3. С. 17–26.

7. Третьяк И. А. Местное самоуправление в новом конституционном измерении Российской Федерации // Енисейские политико-правовые чтения : сборник научных статей по материалам XIII Всероссийской научно-практической конференции, Красноярск, 25–26 сентября 2020 года. Вып. V. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2020. С. 383–390.

8. Шугрина Е. С. Новые тренды в местном самоуправлении как поиск баланса между развитием местного самоуправления и развитием территории // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 1. С. 3–7.

УДК 347.963
EDN JYGMLS

Магомедов Шамиль Магомедзагирович,
аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации
ул. 2-я Звенигородская, д. 15, г. Москва, Россия, 107078
e-mail: lemon8709@mail.ru

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ВНЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЫ В ГОСУДАРСТВАХ-УЧАСТНИКАХ СНГ

Аннотация. В большинстве государств – участников СНГ активно реализуется надзор за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы, имеет место богатый законодательный и доктринальный опыт государств постсоветского пространства, который анализируется в статье с учетом научно обоснованных перспектив дальнейшего совершенствования. Автор рассматривает прокурорский надзор вне уголовно-правовой сферы на пространстве СНГ в его содержательном и формальном ключе, предлагает выделять оптимизированную, простую и сложную модели законов о прокуратуре государств – участников СНГ по критерию структурирования нормативного материала о прокурорском надзоре за исполнением законов. Рассматривая проблемы и перспективы совершенствования прокурорского надзора, автор приходит к выводу, что в организации и развитии прокурорской деятельности на пространстве СНГ имеет место известный дисбаланс в сторону уголовно-правовой сферы, корректирование которого возможно посредством дополнения и уточнения функций НМЦ КСГП СНГ в порядке de lege ferenda.

Ключевые слова: прокурорский надзор, сравнительное правоведение, общий надзор, прокурорская деятельность, международное сотрудничество.

Для цитирования: Магомедов Ш. М. Состояние и перспективы прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы государствах-участниках стран СНГ // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 82–88.

Magomedov Shamil Magomedzagirovich,
Postgraduate student of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation,
2-ya Zvenigorodskaya St., 15, Moscow, Russia, 107078
e-mail: lemon8709@mail.ru

THE STATE AND PROSPECTS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF LAWS OUTSIDE THE CRIMINAL LAW SPHERE IN THE CIS MEMBER STATES

Abstract. Supervision over the execution of laws outside the criminal law sphere in most CIS member states is actively implemented; there is a rich legislative and doctrinal experience of the post-Soviet states, which is analyzed in the article taking into account scientifically substantiated prospects for further improvement. The author considers prosecutorial supervision outside the criminal law sphere in the CIS in its substantive and formal key, proposes to distinguish optimized, simple and complex models of laws on the prosecutor's office of the CIS member states according to the criterion of structuring the normative material on prosecutorial supervision over the execution of laws. Considering the problems and prospects for improving prosecutorial supervision, the author

concluded that there was a certain imbalance towards the criminal law sphere in the organization and development of prosecutorial activity in the CIS, the correction of which is possible by supplementing and clarifying the functions of the NMC KSGP CIS in the order *de lege ferenda*.

Key words: prosecutorial supervision, comparative law, general supervision, prosecutorial activity, international cooperation.

For citation: Magomedov Sh. M. The State and Prospects of Prosecutorial Supervision over the Implementation of the Laws outside the Criminal Law Sphere in the CIS Member States // The Art of Law. 2025. № 3. С. 82–88.

«Содружество Независимых Государств развивается, лидеры государств – участников выступают за дальнейшее углубление Содружества, общими усилиями последовательно укрепляется авторитет СНГ как регионального интеграционного объединения»[1], – заявил Президент Российской Федерации 08 октября 2024 года, открывая заседание Совета глав государств Содружества Независимых Государств (далее – СНГ, Содружество). Именно обширная надзорная практика органов прокуратуры государств – участников СНГ содействует реализации ключевых направлений государственной политики, дальнейшему укреплению единства правового пространства, представляющему собой важный вектор развития СНГ.

Введение. Прокурорский надзор за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина (главы 4, 5 Модельного закона СНГ «О прокуратуре» и главы 1, 2 раздела III Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации») характеризует уникальность предоставленных прокурорам полномочий, его особое место в конституционном механизме как самостоятельного вида социального контроля, апробированного многолетним опытом элемента обеспечения законности и правопорядка. Активное использование мер прокурорского реагирования позволяет достигать поставленных перед органами прокуратуры задач.

Вместе с тем, дальнейшее расширение правового сотрудничества требует теоретического осмысления прокурорско-надзорной деятельности, включая обобщение накопленного за последние десятилетия существенного нормативного правового массива, определяющего правовую основу прокурорского надзора, выявление и анализ складывающихся тенденций, типичных практик, направлений совершенствования с учетом закономерностей и специфики развития прокуратуры в каждом государстве – участнике СНГ и с использованием сравнительно-правовой методологии.

Имеющие общую историческую основу модели прокурорского надзора на пространстве СНГ показывают ряд общих признаков, а также различий, выявление и сравнительно-правовой анализ которых, являясь значимым для публично-правовых наук, в дальнейшем будет способствовать оптимизации модельного законодательства и решению вопроса о возможности взаимной рецепции правовых конструкций.

Состояние прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы в государствах – участниках СНГ.

В обзоре о состоянии законности и практики прокурорского надзора по различным направлениям деятельности в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина в государствах – участниках СНГ Научно-методический центр совместно с Секретариатом Координационного совета генеральных прокуроров СНГ пришел к выводу о том, что правозащитная деятельность органов

[1] Итоги заседания Совета глав государств СНГ (8 октября 2024 года). URL: https://eccis.org/news/28285 (дата обращения: 12.05.2025)

прокуратуры присуща каждой стране Содружества. Показательной в этой связи является сводная отчетность за 2024 год по разделу «Надзор за исполнением законов и законностью правовых актов (общий надзор)» по всем странам СНГ. Так, за десятилетний период с 2015 по 2024 гг. в государствах – участниках СНГ наблюдается снижение общего количества выявленных нарушений закона на 12,45% (с 5 519 865 в 2015 г. до 4 832 800 в 2024 г.), что отражает общий тренд на предупреждение и профилактику нарушений закона в надзорной деятельности органов прокуратуры, поскольку существенно возросла активность органов прокуратуры по реагированию на нарушения. В частности, на 38% увеличилось число внесённых представлений (с 788 284 в 2015 г. до 1 088 078 в 2024 г.), на 31% возросло количество вынесенных предостережений и предписаний (с 117 580 в 2015 г. до 154 589 в 2024 г.), на 17% – случаев привлечения к административной и дисциплинарной ответственности (с 1 064 378 в 2015 г. до 1 243 672 в 2024 г.), на 15,42% – принесенных протестов (с 422 797 в 2015 г. до 487 983 в 2024 г.). Примечательно, что число отклонённых протестов сократилось более чем на 70% (с 3 035 в 2015 г. до 859 в 2024 г.), что свидетельствует о росте обоснованности и результативности надзорной деятельности.

Однако на данный момент не отличается определенностью и полнотой именно в части анализа особенностей и закономерностей реализации прокурорского надзора за исполнением законов (общий надзор) ежегодный аналитический доклад и сводный отчет о состоянии преступности, следственной работы, прокурорской деятельности, практике исполнения международных договоров в сфере борьбы с преступностью в государствах – участниках СНГ. Содержательно данные документы сконцентрированы на вопросах борьбы с преступностью и детального исследования криминологической составляющей прокурорской деятельности. Тогда как функция по осуществлению общего надзора поставлена на первое место в прокурорской работе не только в Модельном законе СНГ «О прокуратуре», но и в конституциях большинства государств – участников СНГ. Между тем фактически наблюдается недостаточная проработка и аналитика результатов прокурорской деятельности при реализации надзора вне уголовно-правовой сферы, что, в свою очередь, выступает объективным препятствием в более тщательном и перспективном совершенствовании и сотрудничества стран – участниц Содружества по этому направлению, и собственно работы прокуроров в государствах – участниках СНГ.

На сегодняшний день в зависимости от роли и места прокурорского надзора как особого вида государственно-властной деятельности, не связанного с реализацией уголовной политики, имеющего универсальный характер элемента конституционного механизма, обеспечивающего исполнение законов, соответствие законам правовых актов, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, прокуратуры государств – участников СНГ функционируют с использованием трех моделей: основной (прокурорский надзор является ключевой отраслью: Российская Федерация, Республика Беларусь, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан); квалифицированной (прокурорский надзор провозглашен в качестве высшего: Республика Казахстан); альтернативной (прокурорский надзор не имеет нормативной регламентации: Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Молдова).

На основе компаративного анализа законодательства государств – участников СНГ выявлена тенденция конституционализации прокурорского

надзора сразу по нескольким направлениям: посредством прямого указания в Конституциях большинства стран СНГ на первостепенную или исключительную функцию прокуратуры по осуществлению надзора за исполнением законов (за исключением Республик Армении и Молдовы); посредством осуществления органами прокуратуры стран СНГ особого направления работы по надзору за соблюдением Конституции (ее защите). Более того, подчеркнем, что регламентация прокурорского надзора за исполнением законов в странах СНГ, сохранивших эту функцию органов прокуратуры, юридико-технически осуществляется именно законами, а не указами президентов или постановлениями правительств. В настоящее время (хотя так было не на всем протяжении современной истории этих государств) в Кыргызской Республике, Республике Казахстан и Республике Таджикистан законы о прокуратуре являются органическими, то есть принимаются в форме конституционных законов, что является специфичным для пространства СНГ. Правовой основой такой нормативной формы служат соответствующие конституционные предписания, в том числе ст. 105 Конституции Кыргызской Республики, ст. 83 Конституции Республики Казахстан, ст. 95 Конституции Республики Таджикистан. Заметим, что изначально Конституция Кыргызской Республики и Конституция Республики Казахстан не наделяли закон о прокуратуре конституционным статусом, которому имманентно присущ более сложный порядок принятия и изменения, отражающий повышенное значение регулируемых им общественных отношений [1, с. 52–55].

В конституционно-правовой доктрине известна позиция и о том, что конституционные законы имеют ту же юридическую силу, что и сама Конституция [2, с. 6]. Профессор С. А. Авакьян обращает внимание на то, что конституционный закон обладает наивысшей, после Конституции, юридической силой [3, с. 579]. Примечательно, что идея о конституционном характере законов о прокуратуре предлагалась достаточно давно [4, с. 8] и теперь получает свою реализацию. В этой связи справедлив тезис профессора Ю. А. Тихомирова о том, что конституционный закон «выступает как самый ближайший «мост» между Конституцией и законодательством, который необходимо использовать для всестороннего влияния основного закона на правовую систему в целом и её составные части» [5, с. 63].

Помимо этого, уникальное содержание правовой основы прокурорского надзора за исполнением законов характеризует интенсивность разноуровневой регламентации, определяемой: законодательством о прокуратуре государств – участников СНГ (первичное звено), подзаконными нормативными правовыми и организационно-распорядительными актами государств – участников СНГ, включая акты главы государства, правительства, генерального прокурора (вторичное звено), и ориентируемой международными стандартами, включая рекомендательные нормы модельного законодательства Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (наднациональное звено). В типологическом отношении есть основания для разграничения законов о прокуратуре государств – участников СНГ по критерию структурирования нормативного материала о прокурорском надзоре за исполнением законов[1] следующим образом:

– оптимизированная модель, в рамках которой положения о прокурорском надзоре не объединяются в главу или раздел, образуя лишь часть главы об отдельных направлениях прокурорской

[1] В данном случае не учитываются сведения о структуре законов о прокуратуре Республик Армении и Молдовы, поскольку действующее законодательство этих государств – участников СНГ не содержит положений о прокурорском надзоре за исполнением законов.

деятельности (Республика Казахстан[1], Азербайджанская Республика[2]);

– простая модель, в рамках которой законодатель выделяет полноценный раздел «Общий надзор» или главу «Прокурорский надзор», объединяя нормативный материал о предмете, полномочиях и актах прокурорского надзора (Российская Федерация[3], Республика Таджикистан[4]);

– усложненная модель, при которой в самостоятельный раздел выделяются не только положения о предмете надзора, полномочиях прокурора, но и об актах прокурорского надзора (Республика Беларусь[5], Кыргызская Республика[6], Республика Узбекистан[7]).

Более того, обобщение нормативного опыта стран Содружества позволяет выделить практикуемые государствами подходы в регулировании предмета прокурорского надзора за исполнением законов: универсальный подход, при котором предмет прокурорского надзора за исполнением законов фактически охватывает надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (Республика Беларусь, Республика Казахстан); специализированный подход, предусматривающий дифференциацию предмета прокурорского надзора за исполнением законов и за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (Российская Федерация, Республика Узбекистан); смешанный подход, при котором предмет прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы хотя и разделяется на две отрасли (за исполнением законов и за соблюдением прав и свобод человека и гражданина), однако такое нормативное регулирование не влечет дифференциации полномочий прокуроров, самостоятельного регулирования объектов надзора (Кыргызская Республика, Республика Таджикистан).

Говоря о прокурорском надзоре за исполнением законов, важно рассмотреть особенности предмета в его содержательном смысле. Модельный закон СНГ «О прокуратуре» в ч. 1 ст. 30 исходит из того, что прокуроры надзирают за соблюдением (исполнением) «законов, действующих на территории государства», однако национальное законодательство государств – участников СНГ по-разному развивает такую рекомендацию. Так, законодатель Республики Казахстан указывает в ст. 1 и 17 Конституционного закона о прокуратуре на то, что прокуратура осуществляет высший надзор за соблюдением законности (которую можно понимать, как «совокупность количественных и качественных показателей, отражающих реальное соблюдение требований законов в определённый промежуток времени» [6, с. 21] в различных сферах). Аналогичный подход имеет место в Кыргызской Республике, Российской Федерации, Республике Таджикистан, Республике Узбекистан. В Республике Беларусь надзор осуществляется за точным и единообразным исполнением не только законов, но и указов, а также иных

[1] О прокуратуре : Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года № 155-VII // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2022. № 21.

[2] О прокуратуре : Закон Азербайджанской Республики от 7 декабря 1999 года № 767-IQ // Сборник законодательства Азербайджанской Республики. 1999. № 12. Ст. 712.

[3] О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 : ред. от 30.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.

[4] Об органах прокуратуры Республики Таджикистан : Конституционный закон Республики Таджикистан от 25 июля 2005 года № 107 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2005. № 7. С. 398.

[5] О прокуратуре Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 года № 220-З // Народная газета. 2007. № 136-137.

[6] О прокуратуре Кыргызской Республики : Конституционный закон Кыргызской Республики от 10 сентября 2021 года № 114 // Эркин Тоо. 2021. № 97.

[7] О прокуратуре : Закон Республики Узбекистан от 9 декабря 1992 года № 746-XII // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2001. № 20. Ст. 139.

нормативных правовых актов, не ограничиваясь по субъекту их принятия. Близкая, по существу, концепция «общего надзора» воплощена и в Законе о прокуратуре Республики Туркменистан, который устанавливает, что прокурорский надзор следует осуществлять за точным и единообразным соблюдением не только законов, но и любых других актов органов государственной власти.

Исходя из этого, способ регламентации предмета прокурорского надзора за исполнением законов по содержательному наполнению может быть классифицирован на следующие варианты: прокурорский надзор за исполнением законов реализуется исключительно в отношении законодательных актов (Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан); прокурорский надзор за исполнением законов реализуется в отношении не только законов, но и иных нормативных правовых актов, в том числе подзаконного характера (Республика Беларусь, Республика Туркменистан). Заметим, что рекомендации модельного законодательства СНГ исходят из того, что прокурорский надзор за исполнением законов не распространяется на подзаконные нормативные правовые акты.

Перспективы прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы в государствах – участниках СНГ.

Анализ современных тенденций практики прокурорской деятельности государств – участников СНГ указывает на приоритезацию правозащитных направлений надзора, организационное сопровождение которых включает создание специализированных подразделений, информационных ресурсов, развитие новых форм взаимодействия с населением. Сближению подходов государств – участников СНГ с целью дальнейшего формирования единого правового пространства может способствовать дальнейшая конкретизация конституционно-правовых основ прокурорского надзора за исполнением законов, развитие международных стандартов регионального уровня (в том числе модельного законодательства, направленного на регулирование прокурорской правозащиты) и организационно-правовых аспектов сотрудничества в рамках Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников СНГ.

Примечательно, что сотрудники Секретариата КСГП и НМЦ КСГП показали, что наблюдают следующие ключевые тенденции реформирования модельного законодательства СНГ в части прокурорского надзора за исполнением законов: гармонизация законодательства государств – участников СНГ, ориентация на правовую систему Российской Федерации, цифровизация. В этой связи важно, что тренд на цифровизацию свойственен прокуратурам Содружества, где опыт Российской Федерации и Республики Казахстан является стимулом в развитии соответствующих механизмов и другими государствами – участниками. Так, заместитель Генерального прокурора Кыргызской Республики Н. У. Каимов на 34-м заседании КСГП отметил, что в рамках правительственного проекта «Цифровой Кыргызстан» были созданы и успешно функционируют электронный документооборот, онлайн-платформы для дистанционного обучения и повышения квалификации сотрудников [7, с. 19]. Примечательно и то, что Указом Президента Азербайджанской Республики от 07.05.2021 создана информационная система «Электронная прокуратура», а с марта 2023 года введена электронная регистрация документов, поступающих во все органы прокуратуры, что обеспечивает более оперативную обработку обращений граждан.

Повышению эффективности сотрудничества генеральных прокуратур государств – участников СНГ, включая

обмен опытом надзорной деятельности, с учетом минимального отражения сведений о прокурорском надзоре за исполнением законов в ежегодном аналитическом докладе и сводном отчете о состоянии преступности, следственной работы, прокурорской деятельности, практике исполнения международных договоров в сфере борьбы с преступностью в государствах – участниках СНГ с известным дисбалансом в сторону уголовно-правовой сферы, может послужить совершенствование функций НМЦ КСГП СНГ. В том числе в порядке de lege ferenda предлагается дополнить раздел IV Положения о НМЦ КСГП СНГ, утвержденного Решением КСГП государств – участников СНГ от 22.05.2003, пунктом 6 в следующей редакции: «осуществляет комплексный анализ итогов прокурорского надзора за исполнением законов на основании сведений, представляемых государствами – участниками СНГ; представляет Координационному совету научно обоснованные предложения о мерах по повышению действенности прокурорского надзора за исполнением законов на территории государств – участников СНГ».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев В. В. Правовая природа федеральных конституционных законов // Московский юридический журнал. 2017. № 4. С. 52–60.

2. Денисов С. А. Источники реального государственного права // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 2–9.

3. Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. Т. 1. Москва : Юристъ, 2014. 864 с.

4. Велиев И. В. Прокуратура в системе органов публичной власти: опыт сравнительного исследования по материалам Азербайджанской Республики, Российской Федерации и Республики Казахстан : дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2006. 399 с.

5. Конституция, закон, подзаконный акт / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. Москва : Юридическая литература, 1994. 136 с.

6. Законность в Российской Федерации : монография. Москва : Изд-во Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2008. 615 с.

7. Каимов Н. У. Опыт Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации прокурорско-следственных работников // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 6. С. 17–20.

УДК 342.734
EDN KILOCA

Халмакшинова Анна Николаевна,
аспирант кафедры конституционного и административного права
Байкальского государственного университета,
преподаватель кафедры правовых дисциплин Колледжа БГУ
ул. Ленина, 11, г. Иркутск, Россия, 664003
e-mail: a.borodko-hizard@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННАЯ НОРМА О ГАРАНТИРОВАНИИ УВАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА ТРУДА, КАК ВЕКТОР ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Конституционная норма о гарантировании уважения человека труда закреплена ст. 75.1 Конституции Российской Федерации, однако на законодательном уровне не дается определения понятия человек труда, что порождает вопрос о субъектном составе, на кого распространяет действие данная норма права и в каких реальных действиях она находит воплощение. В статье рассмотрена реализация конституционной нормы через меры, направленные на развитие потенциала трудящегося человека и гражданина, уважение к человеку труда через обеспечение условий для его благополучия и достойной жизни.

Автором в статье проанализирован Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 г.», сделан вывод о том, что основные цели развития Российской Федерации направлены на профессиональное, личностное развитие человека, его способностей, на финансовое благополучие каждого человека, независимо от его возраста и социального положения.

Предложено обратить внимание на разработку большего числа гарантий и компенсаций для лиц, работающих шесть дней в неделю, что на деле будет доказывать стремление гарантировать уважение человека труда, заботясь об условиях его труда, а соответственно, и о его благополучии.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, труд, конституционная норма, человек труда, уважение человека труда, трудовое законодательство.

Для цитирования: Халмакшинова А. Н. Конституционная норма о гарантировании уважения человека труда, как вектор для развития трудового законодательства Российской Федерации // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 89–95.

Halmakshinova Anna Nikolaevna,
Postgraduate Student of the Department of constitutional and administrative law
Baikal State University,
lecturer of the Department of Legal Disciplines
College BSU
Lenina St., 11, Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: a.borodko-hizard@mail.ru

CONSTITUTIONAL NORM ON GUARANTEEING RESPECT FOR A PERSON AT WORK AS A VECTOR FOR THE DEVELOPMENT OF LABOR LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The constitutional norm on guaranteeing respect for a person of labour is enshrined in article 75.1 of the Constitution of the Russian Federation, but the concept of a person of labour is not defined at the legislative level, which raises the question of the subject composition, to whom this norm of law applies and in what real actions it is embodied. The article considers the implementation of the constitutional norm through measures aimed at developing the potential of the working man and citizen, respect for the man of labour by providing conditions for his well-being and decent life.

The author in the article analysed the Decree of the President of the Russian Federation «On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and in the perspective up to 2036», and concluded that the main development goals of the Russian Federation are aimed at professional and personal development of a person, his abilities, financial well-being of each person, regardless of his age and social status.

It was suggested that attention should be paid to the development of more guarantees and compensations for persons working six days a week, which would in fact prove the desire to guarantee respect for the man of labour by taking care of his working conditions and, consequently, his well-being.

Key words: The Constitution of the Russian Federation, labour, the constitutional norm, man of labour, of respect for the citizen of labour, labour legislation.

For citation: Khalmakshinova A. N. Constitutional Norm on Guaranteeing Respect for a Person at Work as a Vector for the Development of Labor Legislation of the Russian Federation // The Art of Law. 2025. № 3. С. 89–95.

Конституция России является не только фундаментом правовой системы всего государства, но и парадигмой основных демократических достижений народа нашей страны. Главной целью исследования конституционных прав человека и гражданина является совершенствование законодательства Российской Федерации (далее – РФ), прогнозирование его развития с учетом происходящих в стране экономических и политических событий, международной риторики.

Обратим внимание на конституционные права в сфере труда, осознавая, что правовое регулирование трудовых отношений отражает уровень социального, политического развития, экономического состояния государства.

Частью 1статьи 37 Конституции РФ установлено, что труд в РФ свободен и каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Часть 2 этой же статьи запрещает принудительный труд[1].

В редакции Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 №1–ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» часть 5 статьи 75 Конституции РФ была

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

дополнена нормой об уважении труда граждан и обеспечении защиты их прав. В статье 75.1 говорится о том, что в РФ гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда.

Изложенные конституционные нормы сформулированы четко и однозначно. Однако, возникает вопрос в понимании используемых терминов, таких как: человек труда, уважение человека труда, которые имеют существенное значение для уяснения сути конституционной нормы, круга субъектов, на которых эта норма распространяется и в каких конкретных действиях она выражается. Человек труда – это тот человек, который трудится или же человек, который состоит в трудовых отношениях или же занимает определенные должности, а может быть смысл этого понятия и вовсе иной. Ни Конституция РФ, ни трудовое законодательство, ни иные правовые акты РФ не знакомят нас с определениями понятий человек труда, уважение человека труда, поэтому необходимо проанализировать их смысл и содержание.

Огромный вклад в продвижение идей человека труда внес американский экономист Т. Шульц. По его мнению, человек труда, прежде всего, является одной из разновидностей человеческого капитала, потому что он – источник будущих заработков или будущих потребностей. «Он человеческий, потому что является составной частью человека» [1, p. 328].

В числе первых в отечественной науке дал определение понятию человек труда экономист М. М. Критский. По его мнению, в основе понятия человек труда лежит движение экономического субъекта как новой силы общественного прогресса и интеллектуальной деятельности. Он считает, что такое явление выступает как всеобще конкретная форма жизнедеятельности, которая ассимилирует предшествующие формы, адекватные эпохе присваивающего и производящего хозяйства. Исследуя понятие человек труда, М. М. Критский затрагивает и понятие «человеческий капитал», и приходит к выводу, что «человеческий капитал» есть самообогащение жизнедеятельности людей [2, с. 17].

Экономисты А. Н. Добрынин, С. А. Дятлов и С. А. Цыренова рассматривают человека труда как важный элемент человеческого капитала, т. е. «сформированного в результате инвестиций и накопленного человеком определенного запаса здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в процессе труда, содействуя росту его производительности и заработка» [3].

Учитывая мнения экономистов, можно сделать вывод о том, что они подходят к понятию человек труда с точки зрения инвестиций человека в самого себя, свою жизнедеятельность. Он обогащает свою жизнь здоровьем, образованием, опытом работы и другими навыками и умениями, благодаря которым становится способным к высокой производительности труда, что дает ему возможность заработка. И чем больше он инвестирует в себя, тем большей производительностью и доходами от своего труда он обладает.

12 июня 2020 г. на церемонии награждения Героев труда Президент РФ В. В. Путин пояснил, что он считает, что именно человек труда является неким символом процветания, и именно благодаря таким людям наша страна и развивается. Президент акцентировал внимание на том, что понятие человека труда с годами меняется, и сейчас им может быть, как обычный заводской работяга, так и офисный служащий. По сути человек труда, это человек, который трудится, работает, занимается неким полезным делом. По большому счету к этой прослойке населения и относится большая часть нашей страны.

Сотрудники Сибур – ПЭТФ, принимая участие в интернет-акции «Человек труда», организованной Молодежным Советом Федерации

Тверских профсоюзов и проведенной 08.05.2024 г., высказались о человеке труда следующим образом: «Люди труда – это основа любого общества, его костяк и двигатель. Именно они обеспечивают его экономически рост, стабильность и процветание.

Люди труда – это те, кто обрабатывает землю, строит дома, производит товары и услуги, создает новые технологии и добывает полезные ископаемые. Без них не было бы ни еды на столе, ни одежды на теле, ни техники и транспорта, необходимых для нашего комфорта.

Люди труда – самые честные и порядочные, они не ждут наград, но благодаря им жизнь становится интереснее, красивее и достойнее»[1] .

Для более полного представления о том, кто же такой человек труда сегодняшнего дня обратимся к понятию труд. Начнем с рассмотрения словарного толкования термина труд. В толковом словаре В. И. Даля труд определяется, как работа, занятие, упражненье, дело; все, что требует усилий, старанья и заботы; всякое напряженье телесных или умственных сил; все, что утомляет [4]. Из толкового словаря С. И. Ожегова следует, что труд – это физическая или умственная деятельность, направленная на достижение определенной цели, создание материальных или духовных ценностей [5]. В экономическом словаре, труд определяется, как «осознанная, энергозатратная, общепризнанная целесообразной деятельность человека, людей, требующая приложения усилий, осуществления работы; один из четырех основных факторов производства» [6].

Обратимся к трактовке термина труд в различных отраслях права. Так, труд в трудовом праве РФ – это осознанная, целенаправленная деятельность человека, реализующего его физические и умственные способности для получения определенных материальных или духовных благ. В гражданском праве труд рассматривается как деятельность на основании договора подряда или авторского договора. Предметом отношений, связанных с трудом, является овеществленный результат труда, как построенный дом, отремонтированная квартира или написанная книга. В административном праве труд, регулируется контрактом о прохождении службы. Примером может служить труд военнослужащих или сотрудников МВД.

По мнению А. М. Хурматуллина, труд определяется в качестве социокультурной и нравственной ценности, который является объектом нормативного закрепления и относится к высшим конституционным ценностям. При этом она понимает труд именно как часть свободы труда с обязательным запрещением принудительного труда [7, с. 23].

Анализ понятия труд дает нам четкое представление, что человек труда – это не только субъект трудового права, имеющий заключенный трудовой договор между ним и работодателем; это еще и человек и гражданин, осуществляющий деятельность на основании договора гражданско-правового характера, служебного контракта, контракта на военную службу, предприниматель, самозанятый, то есть тот, кто реализует свои способности осознанно, при этом получает за свою деятельность определенные блага, в большинстве случаев такими благами выступают денежные средства.

Внеся ясность в круг субъектов, кого можно и нужно считать человеком труда, проанализируем конституционную норму об уважении человека труда. Из толкового словаря Ушакова следует, что глагол уважать в отношении человека используется в значении «высоко ценить за что-нибудь, относиться с почтением» [8]. В общепринятом смысле понятие слова «уважение» является скорее социальным и

[1] Человек труда // СИБУР Профсоюз. URL: https://tu-sibur.ru/news/10471/ (дата обращения: 11.02.2025).

носит этический характер: под ним понимается соблюдение общепринятых правил общения и социальных норм, а также почтительное отношение к чувствам и потребностям других людей, признание ценности их прав и мнений, достоинства, выбора и принятых решений.

По мнению М. Н. Мамедова, «уважение прав человека – объективная закономерность функционирования демократического общества. Без осознания этой закономерности, ее реального воплощения в правовой жизни вряд ли можно вести речь о наличии правовой государственности. Это своеобразный «проводник», «мостик» между субъективным правом и его обладателем – индивидом как элементом социума, с одной стороны, а с другой – важное связующее звено между государством, его механизмом и гражданином в процессе регулятивного воздействия государственно-волевых установок на сознание личности» [9].

Т. В. Соколова считает принцип уважения человека труда одним из важнейших принципов, заложенных в Конституцию РФ, а развитие государства и быстрый экономический рост связывает с повышением качества человеческих ресурсов. По мнению автора, этот конституционный принцип, нуждается в детализации и конкретизации отраслевым законодательством. А понятие человек труда рассматривается через право гражданина свободно распоряжаться способностями к труду. Вывод Т. В. Соколовой, заключается в том, что принцип уважения человека труда находит свое выражение в нормах, гарантирующих право работников на справедливые условия труда, в том числе на установление здоровых и безопасных условий труда, режима труда и времени отдыха [10].

По нашему мнению, уважение к человеку труда должно выражаться в признании вклада и стараний каждого трудящегося. Конституционная норма о гарантировании уважения человека труда подразумевает внимательное, заботливое, почтительное отношение представителей власти, государственных органов к правам и свободам трудящихся, выражающееся в принятии реальных мер для улучшения жизни и безопасности их труда. Не стоит забывать и о непосредственных работодателях, которые должны обеспечить своим работникам соблюдение их прав и гарантий, связанных с трудом; должны принимать на себя обязательства по росту благосостояния своих работников.

Какие же конкретные действия государственных органов, должностных лиц на практике говорят о реализации данной конституционной нормы? На наш взгляд, в правовой сфере данная норма получила поддержку и развитие в Указе Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Согласно Указу, национальной целью развития РФ является, прежде всего, сохранение населения РФ, укрепление его здоровья, реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, повышение общего благополучия граждан, поддержка российских семей. Установлены целевые показатели, выполнение которых будет свидетельствовать о достижении национальной цели, такие как: обеспечение повышения опережающими темпами минимального размера оплаты труда, в том числе его рост к 2030 году более чем в два раза по сравнению с суммой, установленной на 2023 год, с достижением его величины не менее чем 35 тыс. рублей в месяц; утверждение в 2026 г. новых систем оплаты труда работников государственных и муниципальных организаций и внедрение таких систем с 2027 года в целях обеспечения роста доходов работников бюджетного сектора экономики; увеличение к 2030 году доли молодых людей, участвующих в проектах и программах, направленных на профессиональное, личностное развитие и патриотическое воспитание, не менее чем до 75%; обеспечение к 2030 г.

функционирования эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов детей и молодежи, основанной на принципах ответственности, справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию 100% обучающихся; обеспечение устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже уровня инфляции[1]. Как мы видим, большая часть национальных целей развития РФ направлена на человека, развитие его потенциала, на его благополучие, в том числе и финансовое, что подтверждает стремление Президента РФ на деле демонстрировать уважение к трудящемуся гражданину страны.

В России с 2022 г. запущен Федеральный проект «Профессионалитет», главной целью которого является перезагрузка системы профессионального образования, в задачи проекта входит подготовка специалистов среднего звена и рабочих по востребованным на сегодняшний день специальностям. В рамках Национального проекта «Кадры» планируется к 2029 г. обновить в РФ сеть службы занятости путем открытия кадровых центров «Работа России», которые позволят более эффективно управлять рынком труда с помощью портала «Работа России».

Нами была затронута лишь часть самых ярких и жизнеспособных проектов России, направленных на развитие потенциала человека, на заинтересованность молодежи в освоении рабочих профессий, по которым на сегодняшний день имеется существенная нехватка кадров, что подтверждается статистикой и аналитикой сервисов по подбору персонала. Сервис SuperJob в октябре 2024 года опубликовал топ по самым востребованным позициям рынка труда, рассмотрим тройку лидеров: 1. в сфере промышленности и производства более всего был спрос на квалифицированных рабочих, мастеров цехов, участков работ ИТР; 2. в строительстве, проектировании, недвижимости имелся спрос на квалифицированных рабочих, водителей и машинистов спецтехники ИТР; 3. в ритейле нуждались в продавцах-консультантах, кассирах, администраторах магазинов[2].

С целью укрепления веры в реальность действия конституционной нормы о гарантированности уважения человека труда необходимы практические решения в сфере трудового законодательства. В первую очередь, необходимо проанализировать в достаточной ли мере трудовым законодательством РФ гарантированы равные права всем трудящимся. По нашему мнению, на сегодняшний день особо остро стоят вопросы об отдыхе лиц, работающих шесть дней в неделю, с большим количеством сверхурочной работы. На практике такая категория работников имеет существенно меньше выходных дней и дней отдыха в праздничные дни, что должно компенсироваться повышенной оплатой труда, дополнительными днями отдыха к ежегодному основному оплачиваемому отпуску, а может и иными преференциями для работников.

Резюмируя сделанные выводы, находим конституционную норму об уважении человека труда вектором для развития трудового законодательства РФ, направленным на удовлетворение потребностей трудящихся в обеспечении условий для достойной жизни, безопасного и справедливо оплачиваемого труда.

[1]О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента Российской Федерации // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542/print (дата обращения: 10.02.2025)

[2]Топ-15 наиболее востребованных профессий на рынке труда : обзор Иркутск // SuperJob. URL: https://irkutsk.superjob.ru/pro/5964/ (дата обращения 10.02.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1.Schultz T. Resources for Higher Education: an Economist View // The Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76, № 3. P. 328.

2. Критский М. М. Человеческий капитал. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. С. 17.

3. Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. Санкт-Петербург : Наука, 1999. 309 с.

4. Толковый словарь Даля. URL: https://gufo.me/dict/dal/труд (дата обращения 10.02.2025).

5. Толковый словарь Ожегова. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=32398 (дата обращения 12.02.2025).

6. Gufo.me словари и энциклопеции. URL: https://gufo.me/search?term=труд (дата обращения 12.02.2025).

7. Хурматуллина А. М. Право на труд как конституционная ценность и его обеспечение в субъектах Российской Федерации : монография. Москва, 2016. С. 23.

8. Толковый словарь Д. Н. Ушакова. URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=78987 (дата обращения 11.02.2025).

9. Мамедов М. Н. Уважение прав человека как принцип правового государства: механизм юридического обеспечения // Современное право. 2011. № 10. С. 43–47.

10. Соколова Т. В. Обеспечение права работников на справедливые условия труда, как гарантия уважения человека труда // Образование и право. 2022. № 11. С. 68–71.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

УДК 347.672.5
EDN **LNPYCV**

Яворский Сергей Анатольевич,
магистр права,
юрист ООО «ИТ АЛЬЯНС»
ул. Климашкина, д. 21, пом. 3/П
вн.тер.г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, 123557
e-mail: 491899@mail.ru
ORCID: 0009-0009-2734-9708

СОВМЕСТНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ КАК ИСТОЧНИК ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

Аннотация. В статье рассматривается правовая природа совместного завещания супругов, акцент сделан на его двойственной сущности, сочетающей признаки обязательственного и вещного права, что в условиях нормативной неопределённости порождает значительные риски для гражданского оборота. Автором проведён системный анализ действующего законодательства, судебной практики и доктринальных подходов, выявлены противоречия между формальной свободой завещания и **императивами вещного права**. Установлено, что включение в завещание имущества, не принадлежащего завещателю, равно как и сохранение завещательных распоряжений после расторжения брака, подрывает стабильность правопорядка. Аргументировано, что совместное завещание не может подменять брачный договор и использоваться для модификации правового режима совместной собственности супругов. Обоснована невозможность наследования объектов без надлежащего титула и предложено законодательно установить автоматическое прекращение действия совместного завещания в случае развода. Сделан вывод о необходимости обеспечения единообразия судебной практики и комплексной модернизации положений о завещании с учётом баланса интересов обязательных наследников, пережившего супруга и принципа публичной достоверности вещных прав.

Ключевые слова: совместное завещание, наследственная масса, обязательная доля, переживший супруг, свобода завещания.

Для цитирования: Яворский С. А. Совместное завещание как источник правовой неопределённости в гражданском обороте // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 96–104.

Yavorsky Sergey Anatolyevich,
Lawyer, Master of Law
Limited Liability Company «IT ALLIANCE»
21, Klimashkina St., premises. 3/P
Presnensky Municipal District, 123557, Moscow
e-mail: 491899@mail.ru
ORCID: 0009-0009-2734-9708

JOINT WILL AS A SOURCE OF LEGAL UNCERTAINTY IN CIVIL CIRCULATION

Annotation. The article examines the legal nature of joint wills of spouses, emphasizing their dual nature, combining features of contractual and property rights, which, in conditions of regulatory uncertainty, creates significant risks for civil transactions. The author conducts a systematic analysis of current legislation, judicial practice, and doctrinal approaches, identifying contradictions between the formal freedom of wills and the imperatives of property law. It has been established that the inclusion in a will of property that does not belong to the testator, as well as the preservation of testamentary dispositions after divorce, undermines the stability of the legal order. It is argued that a joint will cannot replace a marriage contract and be used to modify the legal regime of joint property of spouses. The impossibility of inheriting objects without proper title is justified, and it is proposed to legislate the automatic termination of a joint will in the event of divorce. The conclusion is made on the need to ensure uniformity of judicial practice and comprehensive modernization of the provisions on wills, taking into account the balance of interests of compulsory heirs, the surviving spouse, and the principle of public authenticity of property rights.

Key words: joint will, probate, probate estate, compulsory share, surviving spouse, freedom of will.

For citation: Yavorsky S. A. Joint Will as a Source of Legal Uncertainty in Civil Circulation // The Art of Law. 2025. № 3. С. 96–104.

Совместное завещание супругов как институт наследственного права представляет собой уникальное правовое образование, интегрирующее в себе начала наследственного, семейного и вещного права. В условиях отсутствия нормативной конкретизации пределов завещательной свободы возникают споры о допустимости распоряжения в завещании имуществом второго супруга, что порождает правовую неопределённость и создаёт угрозу нарушений при распределении наследственной массы. Целями настоящего исследования являются: выявление доктринальных границ совместного завещания, анализ юридической природы правомочий завещателя и формулирование критериев недопустимости вещно-правового эффекта завещания. В работе обосновывается необходимость нормативного различия между вещной трансформацией имущественных прав и их переходом по наследству, что обеспечивает соблюдение принципов частного права и стабильность гражданского оборота.

Анализ правовой природы совместного завещания позволяет отвергнуть представление о нём как о механизме трансформации правового режима собственности между супругами. Такая квалификация противоречит базовым положениям гражданского и семейного законодательства, поскольку совместное завещание, в отличие от брачного договора или соглашения о разделе имущества, вступает в силу исключительно *post mortem*, не являясь вещно-правовым инструментом в контексте действующего права.

Подтверждением тому служит правовая позиция, согласно которой данная форма распоряжения «носит отложенный правовой эффект и должно произойти только в случае смерти одного из супругов» [1, с. 61], тем самым исключая возможность прижизненного перераспределения имущественных прав. В связи с этим смешение понятий *inter vivos* сделок и распоряжений на случай смерти влечёт подмену правовых конструкций и игнорирует требования ст. 38 СК РФ, допускающей изменение режима собственности только посредством брачного договора либо судебного акта. Положения ст. ст. 1118, 1119 и 1124 ГК РФ допускают распоряжение исключительно имуществом, принадлежащим завещателю, и не позволяют включать в завещание

объекты, право собственности на которые принадлежит другому супругу. Допущение включения имущества покойного супруга в «имущественную массу другого супруга» либо в «наследственную массу другого супруга» [1, с. 62] нарушает пределы допустимого распоряжения в рамках совместного завещания и фактически игнорирует императивный характер ст. 1131 ГК РФ. Подобные правовые конструкции, встречающиеся в литературе, могут создавать правовую иллюзию автоматического перехода права собственности без предусмотренных законом оснований, хотя в соответствии со ст. 218 ГК РФ право собственности требует правомерного механизма его возникновения — наследования либо прижизненного отчуждения, а не формального указания в тексте завещания. Таким образом, попытка распоряжения в совместном завещании имуществом, которое является личной собственностью другого супруга, представляет собой превышение пределов завещательной правоспособности. Решением в подобных ситуациях может стать признание недействительной лишь той части завещания, которая нарушает имущественные права другого супруга без утраты юридической силы всего документа.

На фоне закреплённого в судебных актах запрета на включение в наследственную массу имущества, не принадлежащего наследодателю, утверждение о правомерности учёта «имущества, которое будет входить в наследственную массу другого супруга» [1, с. 63] при расчёте обязательной доли создаёт риск правовой неопределённости и может привести к судебным ошибкам в вопросах имущественного перераспределения.

Положения ст. 1149 ГК РФ требуют учитывать всё имущество, входящее в наследственную массу умершего; имущество же, отнесённое к наследственной массе пережившего супруга, не принадлежало умершему и не включается в расчёт. Норма ст. 34 СК РФ также определяет, что переданное пережившему супругу имущество является его собственностью и поэтому не подлежит учёту при определении обязательной доли. Таким образом, можно сделать вывод, что подобные позиции учёных ошибочно расширяют понятие правовых границ наследственной массы. Обязательная доля при этом может быть рассчитана только из имущества, принадлежавшего умершему супругу на момент смерти. Имущество, переданное пережившему супругу, не должно включаться в расчёт, следовательно, данный тезис противоречит положениям ст. 1149 ГК РФ. Обязательная доля должна определяться исходя из наследственной массы умершего, а не пережившего супруга.

После рассмотрения ошибочного подхода к содержанию завещания логично подвергнуть сомнению и тезис В. А. Улыбина о том, что супруг «получает в свою личную собственность имущество, имевшее ранее режим общей совместной собственности» [2, с. 112], так как такое понимание может повлечь подмену правовых оснований наследования и привести к нарушениям в распределении прав на имущество в судебной практике.

Действующее законодательство (ст. 218, ст. 1110 ГК РФ) определяет, что переход имущества после смерти возможен посредством наследования или дарения. Отметим, что последнее запрещено на случай смерти – п. 3 ст. 572 ГК РФ. Семейное право (ст. 34 СК РФ) устанавливает, что общее имущество супругов сохраняет свой режим до момента его раздела, а изменение долей супругов возможно посредством брачного договора (ст. 42 СК РФ) или соглашения о разделе имущества (ст. 38 СК РФ), но не при помощи завещания.

Юридическая сущность завещания (п. 5 ст. 1118 ГК РФ) предопределяет невозможность установления вещных прав прижизненно, поскольку его действие

генерируется исключительно событием смерти (*mortis causa*) на основании абз. 2 ст. 1110 ГК РФ.

Исследователи последовательно предупреждают о рисках смешения прижизненных и посмертных правовых механизмов, что особенно актуально в контексте ответственности по обязательствам: «наследование является разновидностью универсального правопреемства» [3, с. 35], однако попытки подмены его прижизненными механизмами ведут к правовой неопределённости. Попытки модификации правового режима имущества через завещательные распоряжения вступают в противоречие с установленным в российском праве императивным разграничением оснований возникновения права собственности, поскольку завещание применяется исключительно в рамках наследования в силу положений ст. 218 ГК РФ, тогда как прижизненные сделки, включая договоры и распоряжения текущего характера, регулируются иными принципами, закреплёнными в ст. 209 ГК РФ. Следовательно, включение в завещание положений, изменяющих доли в общей собственности супругов, ничтожно в силу ст. 168 ГК РФ как нарушение базовых принципов вещного права.

Очевидные разночтения в толковании правовой природы совместного завещания, от подмены договорных конструкций до запрета его отмены одним из супругов, указывают на настоятельную необходимость законодательного закрепления пределов свободы завещательной воли. К примеру, Е. А. Рыбалка резюмирует, что при отмене совместного завещания пережившим супругом воля умершего супруга будет проигнорирована, так как он при жизни распорядился личным и совместным имуществом «способом, который отличен от установленного законом порядка наследования» [4, с. 44].

Отметим, что положения ст. 1119 ГК РФ дают право завещателю в любое время отменить или изменить своё завещание, а п. 6 ст. 1118 ГК РФ позволяет пережившему супругу отменить совместное завещание после смерти другого. В связи с этим совместное завещание является двойным односторонним волеизъявлением, которое не связывает завещателей обязательством, как это позволяет наследственный договор на основании ст. 1140.1 ГК РФ.

Можно предположить, что данный тезис автора основан на искажённом понимании относительно «двустороннего» характера совместного завещания. Напомним, что даже в форме единого документа завещание имеет статус односторонней сделки каждого из супругов согласно п. 5 ст. 1118 ГК РФ. Волеизъявление умершего супруга становится неизменным, а воля пережившего может быть реализована, изменена или отменена в рамках гарантированного права на свободу завещания.

Таким образом, волю умершего супруга нельзя «переписать», как это предлагает автор тезиса. Тем не менее, она реализуется в рамках наследственной массы, а переживший супруг обладает правом по-своему распорядиться только личной частью имущества, не затрагивая волю покойного.

Пробелы в нормативной регламентации совместного завещания, выявленные в теории, закономерно обостряются и в судебной практике, где отсутствие единых критериев приводит к противоречивому правоприменению и подрывает правовую предсказуемость института. Сравнение правовых подходов в делах, рассмотренных Брянским и Ачинским судами, позволяет выявить устойчивые противоречия в применении п. 4 ст. 1118, ст. 1149 и 1150 ГК РФ.

В рамках гражданского дела № 2-2254/2023[1] истец Л. (дочь наследодателя

[1] Апелляционное определение Брянского областного суда от 25.06.2024 № 33-1701/2024. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ФИО) оспаривала действительность завещания, составленного её отцом ФИО в пользу его бывшей супруги М.Е.АА. (ответчик). ФИО и М.Е.АА. заключили брак, после чего М.Е.АА. составила завещание в пользу ФИО, но позднее его отменила. Затем ФИО завещал всё имущество М.Е.АА. Брак расторгнут, а ФИО умер.

Истец Л. утверждала, что два завещания супругов, несмотря на оформление отдельными документами, по сути являлись совместным завещанием (п. 4 ст. 1118 ГК РФ), которое утрачивает силу при разводе.

Однако суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении иска, установив, что каждое из завещаний было составлено индивидуально без признаков общего волеизъявления и без соблюдения процессуальных требований к совместному завещанию. Кроме того, на момент составления завещаний (до 2019 г.) институт совместного завещания в российском праве отсутствовал, а документы не соответствуют требованиям ст. 1125 ГК РФ и «Методических рекомендаций ФНП» от 2021 года[1], что исключает возможность ретроактивного признания завещаний совместными. Суд пришёл к выводу, что завещание ФИО8 является действующим, а расторжение брака не влечёт его недействительность, поскольку оно не содержит отменительного условия в виде сохранения супружеского статуса.

Апелляционное определение Брянского областного суда от 25.06.2024 г. иллюстрирует формально-документальный подход к совместным завещательным распоряжениям, вступающий в противоречие с доктринальной позицией статьи о пределах завещательной свободы. Суд, отказывая в признании завещания ФИО8 утратившим силу после развода с М.Е.АА., ограничился формалистским применением п. 4 ст. 1118 ГК РФ, проигнорировав характер согласованной воли супругов. Несмотря на идентичность условий завещаний и подтверждённый факт брачного статуса на момент их составления, суд не дал оценки единой правовой природе завещаний, нарушив принцип установления подлинного намерения завещателя, предусмотренный ст. 1132 ГК РФ. Вопреки смыслу института совместного завещания как системы взаимных обязательств, суд абсолютизировал текстуальное толкование без учёта семейно-правового контекста.

Допущенная судом правовая конструкция, согласно которой завещание продолжает действовать после расторжения брака, и при этом сохраняется возможность перехода имущества к бывшему супругу (М.Е.АА.), приводит к искажению принципов наследственного права. Это особенно критично в контексте ст. 1149 ГК РФ, поскольку искусственное сохранение завещания угрожает имущественным интересам обязательных наследников, придавая юридическую силу волеизъявлению, утратившему правовое основание. Судебная логика вступает в противоречие с семейно-правовыми императивами: согласно ст. 42 СК РФ брачный договор прекращается с расторжением брака, что делает сохранение завещания, основанного на тех же отношениях, методологически несостоятельным.

Игнорирование судами взаимосвязи между прекращением брака и утратой действия взаимных завещательных распоряжений отражает отказ от телеологического толкования ст. 1118 и 1119 ГК РФ. В результате создаётся правовой дисбаланс: сохранение действия завещания допускается даже тогда, когда утрачен контекст его возникновения – супружеский союз. Такая позиция порождает системные риски: завещание начинает функционировать вне логики правопреемства и служит механизмом перераспределения имущества в обход

[1] См. п. 8.3: Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров : утв. решением Правления ФНП от 02.03.2021, протокол № 03/21. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

интересов иных наследников, включая обязательных. Устранение данной коллизии требует закрепления в ст. 1130 ГК РФ основания отмены завещания в случае расторжения брака, что обеспечит согласованность между семейным и наследственным правом и предотвратит произвольное сохранение утраченного по своей сути волеизъявления.

Иной ракурс наблюдается в судебном деле, рассмотренном Ачинским городским судом Красноярского края 6 октября 2020 года (дело № 2-3135/2020)[1], по иску гражданки М.Т. к Администрации города о признании права собственности на гаражный бокс в гаражном обществе АГК в порядке наследования. Основанием иска послужило следующее: в 1979 году отец истицы, М.П.С., построил гараж на основании разрешения исполкома Ачинского совета депутатов, но не зарегистрировал право собственности. После смерти М.П.С. его супруга М.А. (мать истицы) фактически приняла наследство, включая гараж, но также не оформила документы. Последующая цепочка наследования выглядит следующим образом: после смерти М.А. наследниками стали её дочери М.Т. и К.Л., а также внук М.С.В. При этом имелось совместное завещание М.П.С. и М.А., завещавшее имущество М.Т. и сыну Ж. (супругу К.Л.), однако оно было признано недействительным решением того же суда из-за нарушения п. 4 ст. 1118 ГК РФ. Наследство М.А. разделено между М.Т. и Ж. После смерти Ж. наследство приняла его мать К.Л., а после её смерти – сестра М.Т. Спорный гараж ни разу не включался в наследственную массу из-за отсутствия правоустанавливающих документов, хотя все наследники (М.А., М.Т., К.Л.) фактически владели им и несли бремя содержания. Истица М.Т. как конечный наследник просила признать за ней право собственности на гараж, ссылаясь на фактическое принятие наследства и непрерывное владение.

Решение Ачинского городского суда, формально отвечающее требованиям процессуального законодательства, демонстрирует системное расхождение с базовыми началами наследственного и вещного права, освещёнными в исследовании. Признавая право собственности М.Т. на гараж на основании цепочки наследования, суд проигнорировал ключевое условие, закреплённое в ст. 1112 ГК РФ, согласно которому в состав наследства включается лишь то имущество, которое на день открытия наследства принадлежало наследодателю. Поскольку гараж, формально относящийся к имуществу М.П.С., не был зарегистрирован, он не мог считаться его собственностью и, следовательно, не подлежал правопреемству. Ссылка суда на доказательства «фактического владения» как на замену правоустанавливающих документов противоречит позиции Верховного Суда РФ (п. 8 Постановления Пленума № 9), чётко различающей факт пользования и юридически признанное право собственности.

Судебное решение нивелирует нормативно значимую грань между фактическим принятием наследства, допускаемым по ст. 1153 ГК РФ, и возникновением вещных прав, которое, как следует из ст. 218 ГК РФ, возможно исключительно в результате государственной регистрации, сделки или надлежаще оформленного наследования, обладающих юридической способностью к установлению титула собственности. Легализация перехода права на объект, не зарегистрированный надлежащим образом, нарушает режим обязательной государственной регистрации вещных прав (ст. 131 ГК РФ), а также подрывает запрет на возникновение вещно-правовых последствий завещания при жизни

[1] Решение Ачинского городского суда Красноярского края от 06.10.2020 № 2-3135/2020. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

наследодателя, зафиксированный в п. 5 ст. 1118 ГК РФ.

Особое внимание заслуживает логическое противоречие, проявившееся в том, что суд, признав совместное завещание М.П.С. и М.А. ничтожным по основаниям ст. 1118 ГК РФ, одновременно фактически реализовал содержавшуюся в нём волю, признав наследниками Ж. и К.Л., что недопустимо в силу императива ст. 1131 ГК РФ. При этом распределение долей между наследниками осуществлено без ссылок на правовые основания в виде брачного контракта или соглашения о разделе, что нарушает диспозитивный режим общей собственности супругов, установленный ст. 38 СК РФ и ст. 256 ГК РФ. В итоге решение создаёт опасный прецедент:

1) Легализируется «наследование» незарегистрированного имущества вопреки ст. 1112, 218 ГК РФ;

2) Подменяются вещно-правовые основания (регистрация права) фактическим владением;

3) Происходит неявное признание последствий ничтожного завещания, что подрывает принципы ст. 168 ГК РФ;

4) Игнорируется императив семейного права о неизменности режима собственности без брачного договора или судебного решения (ст. 38, ст. 42 СК РФ).

В ситуации отсутствия чётких границ завещательной свободы (ст. 1119 ГК РФ) суд, стремясь восстановить фактическую справедливость, допустил перераспределение имущества, не принадлежавшего завещателю, что противоречит как букве закона, так и устоявшимся научным подходам. Обозначенный кейс подтверждает тезис исследования о необходимости нормативной конкретизации пределов завещания, особенно в части совместных завещаний, во избежание их использования для трансформации вещных прав и режима собственности супругов в обход действующего законодательства.

Анализ конкретных дел, рассмотренных Ачинским городским и Брянским областным судами, репрезентативно иллюстрирует тенденцию к формалистскому толкованию института совместного завещания, порождающую противоречия между его правовой природой и поверхностным подходом к форме. В обоих случаях судебные акты демонстрируют превалирование формально-структурного анализа завещательных распоряжений над сущностным, что повлекло за собой спорные правовые выводы относительно их действительности и пределов распоряжения имуществом супругов. Общим для решений является игнорирование значения государственной регистрации вещных прав (ст. 131 ГК РФ). Правовая позиция Брянского суда основана на сохранении силы завещания в пользу бывшего супруга, а подход Ачинского суда — на приравнивании фактического владения к вещному титулу, что расходится с императивами ст. 218 ГК РФ и принципом обязательной регистрации.

Выявленные нарушения подтверждают тезис статьи о необходимости законодательного закрепления зависимости завещательной свободы от вещных прав и семейного статуса. Отсутствие нормативных ограничений по ст. 1119 ГК РФ провоцирует подмену правового основания регистрации фактическими обстоятельствами, смешение наследования с изменением имущественных режимов и утрату связи между семейным статусом и действием завещания. Оба кейса свидетельствуют о системной недостаточности текущего регулирования, требующей реформирования норм ГК РФ. Предлагается законодательно закрепить:

а) запрет включения в завещание имущества, не принадлежащего завещателю;

б) автоматическую утрату силы завещательных распоряжений (ст. 1130

ГК РФ) в пользу супруга при расторжении брака (по аналогии со ст. 42 СК РФ);

в) исключение возможности наследования незарегистрированной недвижимости без установления титула наследодателя.

Рассмотренные дела демонстрируют концептуальную нестабильность института совместного завещания в российском праве: в одном случае завещательная свобода неоправданно сужается, в другом – используется для обхода вещного режима. Эти разнонаправленные ошибки подрывают баланс между свободой завещания (ст. 1119 ГК РФ), принципом охраны собственности (ст. 209, 218 ГК РФ) и основами оборота. Требуется конкретизация механизма реализации нормы п. 4 ст. 1118 ГК РФ об утрате силы совместного завещания при разводе, а также законодательное запрещение завещательных конструкций, маскирующих прижизненные сделки.

Настоящее исследование впервые в российской доктрине установило принципиальную невозможность вещно-правовой трансформации имущественных режимов посредством совместного завещания, доказав его исключительно наследственную природу (*mortis causa*), что опровергает ошибочные попытки квалификации его как аналога брачного договора. Научная новизна заключается в выявлении доктринального противоречия между формальной свободой завещательной воли (ст. 1119 ГК РФ) и императивами вещного права (ст. 209, 218 ГК РФ), требующего законодательной имплементации трёх системообразующих принципов:

1) безусловного запрета на распоряжение в завещании имуществом без подтвержденного титула собственности;

2) автоматической утраты силы завещательных распоряжений в пользу супруга при расторжении брака (по аналогии со ст. 42 СК РФ);

3) недопустимости перехода прав на незарегистрированную недвижимость через наследование.

Анализ противоречивой судебной практики подтвердил риски эрозии правовых режимов из-за подмены телеологического толкования норм (ст. 1118, 1132 ГК РФ) формализмом и легитимацией «фактического владения». Для гармонизации необходима синхронная корректировка наследственного, семейного и вещного законодательства с имплементацией в ст. 1130 ГК РФ специального основания прекращения совместного завещания при разводе, доктринальным закреплением приоритета брачного договора над завещательными распоряжениями и исключения из наследственной массы имущества, не принадлежавшего наследодателю на момент смерти.

Для сохранения семейного бизнеса и предотвращения коллизий между отраслями права целесообразно использовать специальные договорные механизмы. Например, А. Н. Лёвушкин убеждён, что наиболее эффективной правовой конструкцией в рамках «наследственного планирования на сегодняшний день признается брачный договор» [5, с. 131]. Кроме того, авторская рекомендация отказаться от совместного завещания в пользу классических инструментов подтверждает выводы о необходимости приоритета брачного договора: «мы считаем более разумным применить при жизни обоих супругов брачный договор или соглашение о разделе имущества» [6, с. 429].

Для унификации практики необходимо дополнить постановление Пленума ВС РФ № 9 в редакции от 2020 года положениями о недопустимости включения в наследственную массу личного имущества пережившего супруга и обязательного учёта ст. 256 ГК РФ при разделе общего имущества. Одновременно требуется обучение судейских составов, направленное на преодоление формализма

в трактовке завещаний, что снизит количество оспариваемых решений и сократит сроки наследственных споров. Только такой подход обеспечит баланс интересов обязательных наследников, пережившего супруга и стабильности гражданского оборота, исключив использование завещания как инструмента обхода императивов вещного права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Путинцева Е. П. Изменение режима имущества супругов в совместном завещании // Нотаріальный вѣстникъ. 2024. № 6. С. 60–64.

2. Улыбин В. А. Наследование общего имущества супругов по совместному завещанию и наследственному договору // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 11(87). С. 108–114.

3. Емелина Л. А., Яворский С. А. Актуальные проблемы пределов ответственности наследника по долгам наследодателя // Наследственное право. 2024. № 3. С. 35–37.

4. Рыбалка Е. А. совместное завещание супругов // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 2(105). С. 40–45.

5. Левушкин А. Н. Наследование доли как бизнес-актива пережившим супругом в рамках модели семейного предпринимательства // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 126–132.

6. Емелина Л. А., Яворский С. А. Совместное завещание: правовые коллизии и наследственная неопределенность // Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы : сборник докладов XXIV Международной научно-практической конференции, Москва, 21–24 ноября 2023 года. В 4-х частях. Москва : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. С. 426–429.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ)

УДК 343.7
EDN **NEWKUU**

Кафарова Регина Джавидиновна,
соискатель Казанского (Приволжского) федерального университета
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, Россия, 420008
e-mail: reginaprok080@gmail.com
ORCID 0009-0003-7371-3060

МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В связи с увеличением случаев мошенничества, осуществляемого с помощью информационных и телекоммуникационных технологий, данная проблема приобретает особую актуальность. Распространение цифровых технологий и телекоммуникационных сетей создаёт благоприятную среду для развития подобных преступлений, усложняя их выявление, расследование и предотвращение. В связи с этим, изучение данного вида мошенничества и противодействие ему представляет значительный интерес как для исследователей, так и для правоохранительных органов.

Ключевые слова: мошенничество, кибербезопасность, информационно-телекоммуникационные технологии, защита.

Для цитирования: Кафарова Р. Д. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 105–112.

Kafarova Regina Dzhavidinovna,
Applicant Kazan (Volga region) Federal University
st. Kremlevskaya, 18, Kazan, Russia, 420008
e-mail: reginaprok080@gmail.com
ORCID 0009-0003-7371-3060

FRAUD USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Abstract. The increasing prevalence of fraud committed using information and telecommunication technologies makes this problem extremely urgent. The proliferation of digital technologies and telecommunication networks creates a favorable environment for the development of such crimes, complicating their detection, investigation and prevention. In this regard, the study and countering of this type of fraud is of considerable interest to both researchers and law enforcement agencies.

Key words: fraud, cybersecurity, information and telecommunication technologies, protection.

For citation: Kafarova R. D. Fraud Using Information and Telecommunications Technologies // The Art of Law. 2025. № 3. С. 105–112.

В наше время технологии цифрового типа развиваются стремительными темпами. В свою очередь, сети информации и коммуникации распространяются предельно активно. Вместе с тем, имеет место быть крайне негативная тенденция в

виде серьезного роста мошеннических схем, которые и задействуются в рамках подобных систем. Данная проблема сегодня считается максимально актуальной и касается не просто финансовых интересов потенциальных жертв, но и подрыва доверия к цифровому миру в общей сложности.

С 90-х годов прошлого столетия стартовала массовая и масштабная эволюция интернета, именно тогда ему удалось пережить определенную трансформацию и стать уже не просто профильным пространством коммуникации, а глобальной сетью. По мере развития коммерции на просторах сети она превратилась в основополагающий компонент экономики, что привело к наращиванию киберпреступности, фишингу, кардингу, и все эти операции нацеливались преимущественно на транзакции в пределах банка.

С 2010 года популярными стали становиться мобильные телефоны, и мошеннические акты перекочевали в СМС-сегмент. Если говорить непосредственно об этапе современности, не составит труда заметить, что ему свойственно максимально интенсивное мошенничество на просторах сети Интернет, и оно подразумевает обширное распространение сайтов-подделок, а также информационных фейков.

Кибермошенничество выступает в роли наиболее серьезных проблем современности. Оно совершается удаленно и подразумевает использование анонимных средств и инструментов взаимодействия между преступниками и жертвами, например, почту электронного типа, IP-телефонию и предельно активное распространение тех или иных уловок при помощи масс медиа.

Говоря об актуальных трендах в пределах данного направления, сюда можно отнести применение даркнета в качестве площадки для реализации и приобретения персональных данных, что является крайне серьезной угрозой и затрагивает самые разные сферы и сегменты в пределах рассматриваемого направления.

Также в последнее время сравнительно активно задействуется искусственный интеллект, особенно при формировании дипфейков и имитации голоса, что обычно актуально в плане применения в рамках реализации схем мошенничества с целью обзаведения чужими денежными средствами.

А. В. Шпетная в рамках своих многочисленных трудов в данном направлении отмечает, что мошенничество на просторах сети Интернет представляет собой не только преступное действие против определенного человека, но и выступает в роли угрозы системного типа для государственной экономической машины [1].

Сегодня имеет место быть комплексный и повсеместный доступ к сотовой связи и сети Интернет, а также ко всевозможным цифровым площадкам. Все это формирует оптимальную среду, за счет которой мошенники обзаводятся возможностью разработки и задействования качественно новых путей обмана, а также совершения преступлений.

Зачастую ими применяются непростые схемы и манипуляции психологического характера. Базовые средства и методы определения, расследования и профилактики подобных преступных действий недостаточно результативны, и все это имеет прямую и непосредственную связь с международным характером манипуляций такого плана, а также с тем, что преступники традиционно задействуют анонимные средства и инструменты связи.

По всем этим соображениям углубленное исследование феномена кибермошенничества, определение его причин и разработка результативных стратегий противодействия выступают в роли ключевых задач. Требуется проведение полноценных исследований в

сегменте анализа особенностей психологии жертв, исследование нюансов психики мошенников и их технологий, а также разработка качественно новых методик выявления и профилактики преступных действий.

Рассматриваемая нами тематика актуальна в связи с важностью и значимостью защиты прав и интересов граждан, а также по причине необходимости поддержания стабильности и безопасности в пределах цифровой экономики. Именно эти аспекты делают нашу тематику объектом всестороннего и комплексного внимания со стороны научного сообщества и представителей правоохранительных структур, а также нуждается в результативном взаимодействии между такими сторонами, как государство, бизнес и социум.

Мошенничество на просторах сети Интернет представляет собой крайне опасное преступное действие, и его основная цель состоит в нанесении пользователю материального ущерба. Недоброжелатели применяют самые разные способы обзаведения доступом к конфиденциальным данным, например, в виде номеров карт и счетов банков, личных паспортных данных, подтверждающих кодов и паролей от самых разных учетных записей. Впоследствии все эти сведения задействуются в целях осуществления несанкционированного доступа к ресурсам финансового характера, хищения личных сведений или для совершения других преступных действий [2].

Гарантирование безопасности граждан представляет собой приоритетную цель государства, именно по этим соображениям преступления в данном сегменте обычно преследуются в пределах закона.

Говоря конкретнее, уголовная ответственность предполагается за незаконные деяния в области поддельных карт для платежей и средств электронного формата, применяемых непосредственно для обмана. Сюда традиционно входит не просто создание и применение повсеместно таких средств, но также обзаведение ими, хранение, перевозка и задействование для неправомерного приема, выдачи либо перевода финансовых ресурсов.

В рамках ст. 159.6 УК РФ предполагается несение уголовной ответственности за мошеннические действия в сегменте компьютерной информации, то есть лишение человека его же имущества либо обретение права на него посредством ввода, удаления либо блокировки, а также модификации информации компьютерного типа либо ИКТ.

Говоря о конкретных актах нормативного правового характера, которые регламентируют данный тип мошенничества, к ним можно отнести следующие законы.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025). В частности, статья 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации».

2. Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», именно в его рамках в законодательную базу внедрена статья 159.6 УК РФ. В 2012 году этот закон разделил мошеннические схемы и действия на различные категории в соответствии со степенью вредности и областями экономики, несущими потери, что открыло возможность результативной защиты прав и интересов жертв.

3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Данная норма может выступать в роли базового нормативного правового акта, призванного регламентировать аспекты, связанные с обработкой, распространением и защитой сведений в пределах цифрового пространства. Данный закон призван регулировать обработку данных и

обеспечивать доступ к совокупным сведениям. Именно в его рамках стоит определенная классификация, а также определяются базовые требования относительно каждой категории.

Одним из основополагающих документов в рамках борьбы с киберпресутплениями является стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021 «О Стратегии национальной безопасности». Именно в пределах рассматриваемой нормы закона безопасность цифрового плана принято выделять в области приоритетов безопасности национального уровня. Обновленная Стратегия как раз считается определяющей для цифровой безопасности, и есть версия, что это основной приоритет нашей страны на нынешнем шаге ее развития.

Сюда традиционно относятся ключевые положения в плане кибербезопасности, нацеленные на защиту суверенитета цифрового плана, а также критической инфраструктуры информационного характера. Немаловажную роль играет противодействие угрозам и деструктивным аспектам.

Стратегия ставит главной целью создание надёжной защиты для персональных данных и конфиденциальной информации, обеспечивая безопасное применение цифровых технологий в жизни общества. Для этого будет совершенствоваться законодательство и делаться ставка на отечественные разработки в сфере кибербезопасности. Ключевое внимание уделяется подготовке кадров и обеспечению бесперебойной работы информационной инфраструктуры.

Координация между МВД, ФСБ и Роскомнадзором будет усилена. При этом международное сотрудничество в противодействии киберугрозам не рассматривается как одна из первостепенных задач. Эти меры демонстрируют осознание серьёзности угроз в цифровой сфере и необходимость выстраивания мощной национальной системы защиты.

Тем не менее, в контексте трансграничного мошенничества, актуальность международного сотрудничества сохраняется. Многие исследователи, в частности Т. Семенихина, подчеркивают необходимость создания единой базы данных по киберпреступности, аналогичной EC3 Europol, для повышения продуктивности расследований [3].

Существует ряд распространенных схем мошенничества, реализуемых посредством информационно-телекоммуникационных технологий.

К наиболее актуальным относятся:

Звонки и сообщения с угрозой кражи средств. Мошенники связываются с жертвами по телефону или через мессенджеры (Telegram, WhatsApp, Viber), представляясь сотрудниками правоохранительных органов. Они сообщают о якобы зафиксированной попытке несанкционированного списания денежных средств с банковского счёта и убеждают срочно перевести деньги на «безопасный» счёт для их защиты.

Взлом личного кабинета на Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций) (далее – Госуслуги). Злоумышленники, выдавая себя за сотрудников портала Госуслуги, сообщают о подозрительной активности в личном кабинете пользователя. Предлагая «помощь» в восстановлении доступа, они выманивают коды подтверждения из SMS-сообщений. Получив эти коды, мошенники получают доступ к личному кабинету и могут оформить кредит на свои банковские карты.

Фишинговые атаки. Мошенники создают копии популярных интернет-ресурсов, таких как интернет-магазины, торговые площадки, сайты объявлений и сайты с контентом для взрослых. Цель – обманом заставить пользователей ввести

свои личные данные (логины, пароли, данные банковских карт) для последующего несанкционированного доступа к их аккаунтам и интернет-банкингу [4].

В современном цифровом мире кибермошенничество становится всё более изощрённым, поэтому крайне важно соблюдать меры предосторожности для защиты своих данных и финансов. Для этого необходимо проявлять осторожность с цифровой корреспонденцией: не открывать подозрительных писем и ссылок от неизвестных отправителей, особенно содержащих грамматические ошибки или запрашивающих личную информацию.

Ключевым элементом защиты является надёжная защита онлайн-аккаунтов: использование сложных и уникальных паролей, содержащие буквы разного регистра, цифры и специальные символы. Не сообщать личную информацию (номер карты, PIN-код, пароли, данные паспорта) незнакомым людям или организациям, особенно если запрос кажется слишком выгодным или создаёт ощущение срочности.

Для защиты от вредоносного программного обеспечения необходимо использование надёжного антивируса. При совершении онлайн-транзакций необходимо убедиться в наличии безопасного соединения с замком в адресной строке. Необходимо регулярно проверять выписки по счетам.

В Российской Федерации в современном мире ответственность административного типа в плане нарушения принципов задействования ИКТ устанавливается в пределах ст. 13.12 КоАП РФ по поводу соответствующих нарушений, и в этом документе охвачен обширный перечень правонарушений в области ненадлежащего информационного обеспечения и гарантирования соответствующей безопасности.

В частности, статья 13.12 КоАП РФ предусматривает ответственность за широкий спектр направлений, и первостепенно сюда входит игнорирование принципов защиты данных, что может состоять из игнорирования требований в плане обеспечения защиты и отсутствие требуемых мер по профилактике утечки данных.

Помимо прочего, ответственность назначается также в сегменте незаконной работы в сегменте защиты сведений, например, сюда не составит труда отнести несанкционированный доступ к данным, формирование или распространение вредоносного ПО, игнорирование установленных процессов обработки данных и их хранения.

Помимо прочего, законом также карается разглашение данных с ограниченным доступом, что включает в себя преимущественно передачу конфиденциальных данных, доступ к которым предполагает ограничение в рамках закона.

Наказание за нарушение статьи 13.12 КоАП РФ может варьироваться от административного штрафа до дисквалификации (лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью) для должностных лиц и юридических лиц. Размер штрафа зависит от характера и тяжести совершенного правонарушения, а также от статуса правонарушителя: физическое лицо, должностное лицо или юридическое лицо.

Мошеннические действия, которые совершены с задействованием ИКТ, считаются преступными, и ответственность за них устанавливается в пределах ст. 159 УК РФ. Рассматриваемый акт предполагает охват внушительного перечня преступлений в области незаконного завладения чьим-то имуществом или обретения прав на него при помощи активного применения схем компьютерного характера и сети Интернет [5].

Основной смысл преступного деяния в рассматриваемой ситуации состоит непосредственно в хищении

финансовых ресурсов либо иного имущества повышенной ценности. Также сюда принято относить обретение прав на собственность через совершение противоправных действий с информацией компьютерного типа, и действия такого плана могут быть представлены так:

– несанкционированный ввод, или задействование в пределах компьютерных сетей неверных или неточных данных для обзаведения выгодой;

– удаление либо блокировка;

– модификация;

– фактическое вмешательство в работу.

Ст. 159.6 УК РФ предполагает существование и практическое применение различных форматов наказаний в соответствии с уровнем и степенью тяжести совершенного преступного действия, признаков его квалификации в виде размера ущерба, задействования положения по службе либо совершения преступления со стороны группы лиц на основании заблаговременного сговора.

Наказание здесь состоит из штрафных санкций, работ исправительного характера, ограничения или лишения свободы до 5 или 10 лет. В Таблице 1 можно четкое проследить, что мошенничество в киберсреде считается со стороны государства опасным действием.

Таблица № 1

Наказание за мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Квалификация преступной деятельности	Статья УК РФ	Используемые меры	Экспертные оценки
Базовый состав, размер ущерба до 250.000 руб.	Статья 159.6 часть 1	Штраф до 120.000 руб., лишение свободы до 2 лет или исправительные работы	Для сдерживания рецидивов, по мнению Н. Д. Литвинова, недостаточно использовать только имеющиеся меры
Совершенным группой лиц	Статья 159.6 часть 2	Принудительные работы до 5 лет или лишение свободы до 5 лет, штраф до 300.000 руб.	В. Сальников говорит о том, что цифровые активы также должны конфисковаться
С использованием служебного положения	Статья 159.6 часть 3	Штрафы до миллиона рублей и лишение свободы до 6 лет, а также запрещение на должность	Как говорит А. С. Ширшиков, для госслужащих наказания и меры воздействия должны ужесточаться
Особо крупный ущерб, более миллиона руб.	Статья 159.6 часть 4	Длительность лишения свободы до 10 лет и штрафы до 1,5 млн руб.	Криптовалютные схемы не учитываются

Как показывает практика, сложившаяся в последнее время, мошенники сравнительно часто задействуют сложнейшие механизмы обмана, которые включают в себя самые разные методики психологического влияния и злоупотребление технологиями. Наибольшее распространение получила схема, когда мошенник просит перевести ему деньги на цифровой кошелек, а также задействует демонстрацию монитора, чтобы похитить персональные пользовательские данные.

А. Майтесян в рамках своего труда отмечает, что фишинг, а также инженерия социального типа представляют собой на практике базовые элементы инструментов мошенничества. Логично предположить, что в современном мире результативные средства и инструменты защиты должны

состоять из AI-фильтрации относительно подозрительных вариантов. Нередко оптимально обнаружение мошенников на первых шагах их действий, вместе с последующей блокировкой [5].

Данный тезис легко подтверждается на практике. В качестве примера можно рассмотреть недавний инцидент с одной москвичкой. Её обманули, действуя по отработанному сценарию: сначала, представившись сотрудниками связи, злоумышленники выведали у нее код подтверждения из SMS и заблокировали учетную запись на «Госуслугах». Затем, имитировав сообщение поддержки, они вступили с ней в диалог и переадресовали звонок своему сообщнику, который играл роль «борца с мошенничеством». Под этим прикрытием он уговорил женщину перевести деньги на криптокошелек, якобы для их безопасности. Кульминацией аферы стала манипуляция с включенной трансляцией экрана телефона, благодаря которой преступники смогли украсть сид-фразу, мастер-ключ от её цифровых активов.

Чтобы уметь рационально противодействовать угрозе такого плана, нужно интегрировать мероприятия всех примененных структур, что предполагает включение таких компонентов.

1. Актуализация относительно основ законодательства, требуется адаптация его к новейшим типам и способам виртуального мошенничества, а также гарантирование базы права для результативного расследования.

2. Изменение в лучшую и большую сторону грамотности населения в цифровом плане, активное сообщение согражданам по поводу популярных мошеннических схем, их обучение безопасному поведению в сети и вариантам защиты данных персонального характера.

3. Усиление взаимодействия непосредственно между государственной стороной и обществом [3].

Инновационные решения в сегменте киберпреступности в цифровом пространстве требуют поддержания и развития качественно новых технологий, например, в виде механизмов обнаружения вторжений, антивирусных решений и средств трафика от сети, чтобы имелась возможность защиты систем информации и сведений от угроз, которые меняются на постоянной основе.

На сегодняшний день основная проблема такого плана состоит в недостаточной степени цифровой грамотности населения. В соответствии с данными МВД, львиная доля жертв представлена именно гражданами преклонных лет, у которых не имеется достаточного объема знаний в сегменте цифровой безопасности.

Таким образом, внедрение в сложившуюся практику качественно новых систем верификации операций цифрового типа, которые базируются на блокчейн-техниках и биометрии, предполагает постановку вопросов по поводу соблюдения приватности, а также пользовательской свободы, однако их прикладная роль в плане гарантирования безопасности переводов цифрового типа не может быть переоценена.

Задействование технологий такого плана и формата способствует однозначному сокращению числа мошеннических случаев и профилактики неправомерных вариантов перевода финансов. Перспективы заключаются в новых методиках распознавания схем мошенничества. В связи с этим, наряду с мерами профилактики, требуется совершенствование законодательной базы и более активное внедрение технологий, направленных на противодействие кибермошенничеству.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шпетная А. В. Новые меры противодействия дистанционным мошенничествам // Молодой ученый. 2022. № 51 (446). С.139–145.

2. Ширшиков А. С. Мошенничество как вид цифровой преступности // Молодой ученый. 2022. № 51 (446). С. 591–594.

3. Семенихина Т. Н. Порядок проверки факта дистанционного мошенничества, совершенного с использованием сети «Интернет» // Вестник ВИ МВД России. 2021. № 2. С. 346–350

4. Евтушенко И. И., Венедиктов А. А. Дистанционные хищения: понятие и признаки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12-2. С. 65–67.

5. Майтесян А. М. Мошенничество в сети интернет и способы защиты от него // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 5-4.

УДК 355.2
EDN **PTNGBU**

Куковякин Александр Евгеньевич,
доцент кафедры уголовного права
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук
пр-т Комарова, 5, г. Омск, Россия, 644092
e-mail: aekukovyakin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2400-2348

Забавко Роман Алексеевич,
доцент кафедры уголовного права
Юридического института
Иркутского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
ул. К. Маркса, 1, г. Иркутск, Россия, 664003
e-mail: zrairk@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1613-9317

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ПРОХОЖДЕНИЕМ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ, В ПЕРИОД ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИЛИ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ В СООТВЕТСТВИИ СО СТ. 80.2 УК РФ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы применения ст. 80.2 УК РФ, введенной в условиях специальной военной операции. Анализируется юридическая природа нормы, условия и критерии ее применения, а также выявлены ключевые проблемы правоприменения. Особое внимание уделено практическим аспектам реализации положений статьи в деятельности правоохранительных органов и судов. Установлено, что в настоящее время не имеют единообразного подхода такие условия применения, предусмотренного ст. 80.2 УК РФ основания освобождения от наказания как добросовестное исполнение обязанностей. Предложены конкретные рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики, включая методику оценки добросовестности действий военнослужащих в условиях боевых действий.

Ключевые слова: освобождение от наказания, ст. 80.2 УК РФ, военнослужащий, добросовестное исполнение обязанностей, мобилизация, специальная военная операция, правоприменение, правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Куковякин А. Е., Забавко Р. А. Проблемные вопросы освобождения от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время в соответствии со ст. 80.2 УК РФ // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 113–120.

Alexander E. Kukovyakin,
Associate Professor of the Criminal Law,
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Legal Sciences
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation
e-mail: aekukovyakin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2400-2348

Roman A. Zabavko,
Associate Professor of the Criminal Law,
Institute of Law Irkutsk State University
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation
e-mail: zrairk@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1613-9317

PROBLEMATIC ISSUES OF EXEMPTION FROM PUNISHMENT IN CONNECTION WITH MILITARY SERVICE DURING THE PERIOD OF MOBILIZATION, DURING MARTIAL LAW OR IN WARTIME IN ACCORDANCE WITH ART. 80.2 OF THE CRIMINAL CODE

Annotation. The article examines the application of Article 80.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, introduced during the special military operation. It analyzes the legal nature of the provision, the conditions and criteria for its application, and identifies key challenges in enforcement. Special attention is given to the practical aspects of implementing the article's provisions in the work of law enforcement agencies and courts.

The study revealed that certain requirements for exemption from punishment under Article 80.2 of the Criminal Code – such as conscientious performance of duties and the mandatory procedure for documenting participation in combat operations – currently lack uniform application. The authors provided specific recommendations for improving enforcement practices, including a methodology for assessing the conscientiousness of military personnel's actions and a standardized procedure for verifying combat participation.

Key words: release from punishment; Article 80.2 of the Russian Criminal Code; military personnel; conscientious performance of duties; mobilization; special military operation; law enforcement practice; law enforcement activities.

For citation: Kukovyakin A. E., Zabavko R. A. Problematic Issues of Exemption from Punishment in connection with military service during the period of mobilization, during martial law or in wartime in accordance with Art. 80.2 of the Criminal Code // The Art of Law. 2025. № 3. С. 113–120.

Внесение в уголовное законодательство новой статьи – ст. 80.2 УК РФ[1] обусловлено необходимостью обеспечения баланса между интересами правосудия и государственной политикой в условиях специальной военной операции.

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23 марта 2024 № 64-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Эта норма позволяет суду освободить от наказания военнослужащего, добросовестно исполняющего обязанности военной службы в условиях мобилизации, военного положения или в военное время.

Данная норма отражает стремление законодателя учесть особенности военной службы в условиях военных действий, что является важным шагом для обеспечения справедливости и защиты прав военнослужащих. Это также способствует поддержанию боевого духа и морального состояния военнослужащих, что особенно актуально в условиях специальной военной операции. Однако на практике применение этой статьи сталкивается с рядом трудностей. Отсутствие четких критериев добросовестности, неопределенность в оценке обстоятельств и отсутствие единообразной правоприменительной практики приводят к несогласованным решениям судов [1, с. 55]. Это порождает не только правовые, но и этические вопросы. Как обеспечить беспристрастный контроль со стороны командования воинской части (учреждения)? Как оценить добросовестное исполнение долга в условиях реальных боевых действий? Какие критерии должны лежать в основе окончательного освобождения от наказания?

Проблемы в применении ст. 80.2 УК РФ связаны с неоднозначностью оценки действий военнослужащих, что может привести к несправедливым решениям. Это создает риск нарушения принципов справедливости и законности, а также ставит под сомнение эффективность правоприменительной практики.

В этих условиях особенно важно не только понимать правовую природу нормы, но и современные реалии правоприменения в условиях специальной военной операции. Только системный подход позволит выработать единые подходы к квалификации деяний военнослужащих и обеспечить баланс между интересами государства и правами человека, определить более эффективные и справедливые механизмы освобождения от наказания. Это также способствует обеспечению правовой определенности и единообразия в правоприменении.

Социальное назначение данной статьи, предопределяющее ее правовую природу, заключается в том, что она направлена на реализацию публично-правовых интересов, что подчеркивает ее значение в контексте государственной политики, позволяя при этом решать некоторые задачи, связанные с организацией военной службы граждан и обороны государства.

Действие указанной нормы напрямую ограничено временем, на которое она введена – периодом мобилизации. Следует напомнить, что с 21 сентября 2022 г. в Российской Федерации объявлена частичная мобилизация в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» № 647. Как правильно отметил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» от 18 мая 2023 г. № 11, периоды мобилизации (общей и частичной) начинаются с даты и времени начала действия мобилизации, которые устанавливаются указом Президента Российской Федерации об объявлении мобилизации, и заканчиваются датой и временем отмены мобилизации. Поскольку Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 не отменен, период мобилизации в Российской Федерации продолжается, поэтому все положения ст. 78.1, 80.2, ч. 3.1 ст. 86 УК РФ, подп. «а» и «б» п. 5.1 ст. 34

Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», разд. V Федерального закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» должны применяться на практике в полном объеме [2, с. 45].

Также отметим, что до принятия Федерального закона от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ осужденный, досрочно освобожденный от отбывания наказания в установленном законом порядке, по-прежнему считался судимым, а срок погашения судимости исчислялся исходя из фактически отбытого срока наказания с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказаний. Это правило сохранило свое значение, но с исключением, предусмотренным названным Законом, отраженным теперь в ч. 3.1 ст. 86 УК. В отношении лиц, на которых распространяется действие ст. 80.2 УК, ч. 4 этой статьи не действует: в отношении лиц, освобожденных от отбывания наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, с наступлением обстоятельств, указанных в пп. «а», «б» ч. 2 ст. 80.2 УК, предусмотрено правило о досрочном погашении судимости. Эта мера впервые была предусмотрена Федеральным законом от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ. Однако на тот момент она не нашла своего отражения в ст. 86 УК, сегодня – это полноценное положение уголовного законодательства. Отсюда оговорка о наступлении последствий, предусмотренных ч. 4 ст. 86 УК, в сослагательном наклонении не случайна [3, с. 43].

Таким образом, ст. 80.2 УК РФ является важным инструментом для реализации публично-правовых интересов, позволяющая суду учитывать особые обстоятельства при освобождении военнослужащих от наказания.

Введение данной нормы стало логичным шагом в развитии института освобождения от наказания в условиях мобилизации, военного положения или в военное время. Данный шаг является ответом на современные вызовы в условиях специальной военной операции. Это подчеркивает актуальность и своевременность данной нормы для обеспечения справедливости и защиты прав военнослужащих.

В качестве условий применения ст. 80.2 УК РФ, указанных в законе и вытекающих из его содержания, предполагается наличие следующих факторов:

– наличие мобилизации, военного положения или военного времени;

– добросовестное исполнение обязанностей военной службы;

– отсутствие признаков умысла на причинение вреда [4, с. 60].

Добросовестность исполнения обязанностей военной службы как условие освобождения от наказания вытекает из положений пп. «а», «б» ч. 2 ст. 80.2 УК РФ, в которых говорится о награждении государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы (что является следствием личного и группового героизма, самоотверженности и образцового несения службы), а также об основаниях прекращения прохождения службы, не связанных с нарушениями:

– по возрасту – по достижении предельного возраста пребывания на военной службе;

– по состоянию здоровья – в связи с признанием его военно-врачебной комиссией негодным к военной службе, за исключением военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, указанного в пункте 2.1 статьи 36 настоящего Федерального закона,

изъявившего желание продолжить военную службу на воинской должности, которая может замещаться указанным военнослужащим;

– в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени – для граждан (иностранных граждан, лиц без гражданства).

При этом важно подчеркнуть, что рассматриваемая норма не отменяет общественную опасность и противоправность деяния, но учитывает социально полезное постпреступное поведение виновного [5, с. 113]. Это означает, что сам факт совершения преступления не аннулируется, а лишь смягчается с учетом специфики службы в особых условиях, при которых общество меняет свое отношение к лицу. Кроме того, возможность судом учесть специфику военной службы при вынесении решения об освобождении от наказания подчеркивает баланс между социальной справедливостью, необходимостью пополнения личным составом воинских подразделений и поддержания дисциплины в армии.

Однако уже на начальном этапе применения нормы выявлены существенные правовые и практические трудности. Как уже было сказано выше, одной из ключевых проблем является отсутствие четкого законодательного определения понятия «добросовестное исполнение обязанностей». Следователи и суды сталкиваются с неопределенностью при оценке мотивов поведения, характера приказа и обстановки, в которой действовал военнослужащий.

Отсутствие четкого законодательного определения «добросовестного исполнения обязанностей» является, на наш взгляд, ключевой проблемой в применении ст. 80.2 УК РФ, что требует уточнения нормы.

В юридической литературе отмечается, что правоприменители зачастую применяют норму формально, без глубокого анализа обстоятельств дела [6, с. 76 ; 7, с. 111], в связи с чем отсутствует однообразная практика ее реализации. В отдельных случаях суды применяют норму, ссылаясь на тяжесть содеянного, что противоречит целям закона. Это, в свою очередь, создает риски несправедливого применения нормы. *Так, в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу гр. Д., осужденного по ч. 2 ст. 264.1 УК РФ приговор был изменен, осужденный освобожден от назначенного наказания на основании п. «а» ч. 1 ст. 78.1 УК РФ, исключено указание о назначении ему наказания по ст. 70 и ч. 5 ст. 69 УК РФ. Суд апелляционной инстанции оставил без внимания факт заключения осужденным контракта о прохождении службы в зоне специальной военной операции и награждения государственной наградой, хотя с учетом этих сведений подлежал разрешению вопрос о приостановлении производства по уголовному делу, либо о применении к нему пункта «а» ч. 2 ст. 80.2 УК РФ, что и было отражено в кассационной жалобе, вследствие чего, по мнению автору жалобы, суд допустил неправильное применение уголовного закона.*

Определено, что ссылки в судебных решениях судов апелляционной и кассационной инстанций на отсутствие оснований для применения к гр. Д. положений ст. 80.2 УК РФ являются ошибочными, так как она регулирует освобождение от наказания осужденного, в отношении которого приговор вступил в законную силу. В отношении же гр. Д.

основания для освобождения от уголовной ответственности возникли до рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции, следовательно, к нему должны быть применены последствия награждения государственной наградой, предусмотренные части 1 ст. 78.1 УК РФ[1].

Приведем иную ситуацию, при которой своевременно учитывается ст. 80.2 УК РФ. *Так, в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в отношении гр. С., осужденного по ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «д», «е» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 139, ч. 2 ст. 167 УК РФ применено освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации. Определением ВС РФ судебные акты оставлены без изменения. В настоящее время гр. С. освобожден из мест лишения свободы на основании ст. 80.2 УК РФ условно в связи с заключением контракта о прохождении воинской службы и Судебная коллегия ВС РФ не нашла оснований для удовлетворения жалобы заявителей об усилении наказания*[2].

В этой связи возникает необходимость в разработке четких рекомендаций по применению статьи, в том числе с учетом зарубежного опыта. Так, в ряде стран (США, Германия, Израиль) предусмотрены аналогичные механизмы освобождения от ответственности военнослужащих, при этом в указанных странах разработаны четкие критерии добросовестности и оценки приказов [8, с. 221 ; 9, с. 55].

С учетом анализа, в том числе, международного опыта добросовестность исполнения обязанностей должна оцениваться с учетом множества факторов, включая:

– мотивы поведения военнослужащего;

– характер полученного приказа;

– обстановку, в которой он исполнялся;

– наличие или отсутствие возможности отказаться от выполнения приказа.

Данные критерии отчасти нашли свое отражение в отечественном законодательстве[3]. Вместе с тем, оценка добросовестности исполнения обязанностей должна учитывать множество факторов, так как поведение лица в период мобилизации, военного положения или в военное время, во-первых, характеризует его как личность, что учитывается при определении возможности реализации уголовной ответственности без назначения наказания, во-вторых, указывает на реальную полезность освобождаемого от наказания лица для боевых подразделений в условиях военного конфликта. В свою очередь, это способствует обеспечению справедливости и адекватности судебных решений.

В противном случае государство рискует нарушить чашу весов правосудия, несправедливо применяя послабления в отношении лиц, которые, совершив преступление, не искупают свою вину, а лишь приспособленчески используют формальную возможность избежать лишения свободы или другого наказания. Фактически, прохождение военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время является

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.06.2025 № 56-УДП25-10-К9. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2024 № 80-УД24-4-А4. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] См. ст. 37: О воинской обязанности и военной службе : Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ : ред. от 07 июля 2025 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

условием для освобождения от наказания, которое наступает со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы или со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному подпунктом "а", "в" или "о" пункта 1 статьи 51 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ "О воинской обязанности и военной службе". Соответственно, государственная награда следует за безупречным исполнением воинского долга, самоотверженным поведением, совершением подвига, находчивость в бою, преодоление невзгод и опасностей и т. д. Лицо, относящееся к военной службе недобросовестно, будет лишено возможности увольнения со службы по основаниям в соответствии с вышеуказанным федеральным законом, и по представлению командира будет направлено для продолжения рассмотрения его дела и последующего назначения наказания.

Современная правоприменительная практика выявляет необходимость доработки ст. 80.2 УК РФ для обеспечения единообразия и справедливости. Внесение изменений в УК РФ, уточнение понятия «добросовестное исполнение обязанностей» позволит повысить эффективность применения нормы.

Кроме указанных проблем, имеется также некоторая неопределенность в учете оснований, препятствующих применению данной нормы, например, сдача в плен, самовольное оставление позиций, грубое нарушение положений воинских уставов и приказов начальника, неуставные отношения с сослуживцами и т. д. Следует также окончательно разрешить вопросы учета сроков давности обвинительного приговора суда [10, с. 95].

Разработка методических указаний, утверждение критериев оценки добросовестности, подготовка обучающих программ, внесение изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ, разработка ведомственных инструкций, учитывающих вышеуказанные условия, а также создание специализированных комиссий по рассмотрению дел военнослужащих являются важными шагами для улучшения правоприменительной практики. Это позволит обеспечить единообразие и справедливость в применении ст. 80.2 УК РФ.

Дальнейшее развитие ст. 80.2 УК РФ в правоприменительной и законодательной плоскостях необходимо для обеспечения справедливости, законности и единства судебной практики. Это позволит сформировать четкие правовые рамки для оценки действий военнослужащих в особых условиях службы, что повысит ее эффективность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабаян С. Л. Актуальные проблемы досрочного освобождения от отбывания наказания осужденных по ст. 80.2 УК РФ // Юридические науки. 2025. Том 19, № 1 (69). С. 48–55.

2. Ермолович Я. Н. Совершенствование уголовно-правовых средств реализации уголовной ответственности военнослужащих (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ) // Право в Вооруженных силах. 2024. № 6. С. 45–53.

3. Звечаровский И. Э., Яралиев Н. Т. Новый вид условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Законность. 2024. № 11. С. 42–43.

4. Савельев Д. В. Основания и условия освобождения от уголовной ответственности и наказания : учебник для

вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2025. 180 с.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Д. Н. Кожухарика. Москва : Проспект, 2021. 1520 с.

6. Карпов К. Н. Отмена условного освобождения от наказания военнослужащих (ст. 80.2 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2024. № 3 (106). С. 75–80. DOI 10.26516/2071-8136.2024.3.75.

7. Гончаров Д. Ю., Гончарова С. Г. Освобождение от уголовной ответственности и наказания в связи с поступлением на военную службу: последствия для потерпевших от преступлений // Виктимология. 2024. Т. 11, № 1. С. 103–113.

8. Лобанов С. А. Международная уголовная ответственность за военные преступления : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.10. Москва, 2018, 495 с.

9. Кудашкин А. В., Мельник Н. Н. Международное уголовное право и военные преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации: теория права и сравнительный анализ для квалификации преступлений // Право в Вооруженных Силах. 2023. № 6. С. 46–56.

10. Пархоменко С. В., Романова Е. Р. Правовая природа института истечения срока давности в уголовном праве // Сибирский юридический вестник. 2023. № 4 (103). С. 90–95. DOI 10.26516/2071-8136.2023.4.90.

УДК 355.4
EDN **RECRAH**

Манапова Анна Федоровна,
аспирант кафедры прокурорского надзора и
организации правоохранительной деятельности
Челябинского государственного университета,
помощник судьи Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда
ул. Братьев Кашириных 129, г. Челябинск, Россия, 454001
ул. Ленина 83, г. Челябинск, Россия, 454080
e-mail: anna961512@mail.ru
ORCID-ID 0009-0004-3601-708X

ОХРАНА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация. В научной статье анализируется законодательство на международном уровне, направленное на защиту и охрану культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Автор акцентирует внимание на важности сохранения культурного достояния не только нападающей страны, но и защищающейся. С помощью методов анализа и синтеза рассмотрены практические примеры посягательств на исторические объекты, в частности на памятники и здания истории и культуры, церковные здания и объекты наследия, связанные с Великой Отечественной войной и предложены возможные уголовно—правовые меры в области охраны культурных ценностей и отмечена важность поддержки мирового сообщества по выявлению и расследованию преступлений в исследуемой области в условиях специальной военной операции.

Ключевые слова: культурные ценности, вооруженной конфликт, специальная военная операция, международные организации, международное сообщество, памятники истории и культуры, военные действия.

Для цитирования: Манапова А. Ф. Охрана культурных ценностей народов в условиях специальной военной операции // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 121–127.

Manapova Anna Fedorovna,
Postgraduate Student at the Department
of Prosecutorial Supervision and Organization of Law
Enforcement at Chelyabinsk State University,
Assistant Judge of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal
st. Bratiev Kashirinih 129 Chelyabinsk, Russia, 454001
st. Lenina 83, Chelyabinsk, Russia, 454080
e-mail: anna961512@mail.ru
ORCID-ID 0009-0004-3601-708X

PROTECTION OF CULTURAL VALUES OF PEOPLES IN THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Annotation. The scientific article analyzes legislation at the international level aimed at protecting and protecting cultural values in the event of an armed conflict. The author focuses on the importance of preserving the cultural heritage of not only the attacking country, but also the defending one. Using methods of analysis and synthesis, practical examples of encroachments on historical sites,

in particular on monuments and buildings of history and culture, church buildings and heritage sites related to the Great Patriotic War, are considered and possible criminal legal measures in the field of protection of cultural values are proposed and the importance of the support of the world community for the identification and investigation of crimes in the studied area is noted. regions in the conditions of a special military operation.

***Key words*:** cultural values, armed conflict, special military operation, international organizations, international community, historical and cultural monuments, military operations.

For citation: Manapova A. F. Protection of Cultural Values of Peoples in the Context of the Special Military Operation // The Art of Law. 2025. № 3. С. 121–127.

Введение

Культурные ценности - это уникальные объекты, которые имеют историческое, научное, художественное и иное значение. Они являются неотъемлемой частью культурного наследия человечества и подлежат особой охране со стороны государства.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью обеспечения сохранности культурного наследия в условиях Специальной военной операции, введенной обращением Президента Российской Федерации от 24.02.2022[1]. За время проведения СВО по настоящее время объекты культурного наследия остаются под угрозой разрушения, именно поэтому необходимо обеспечить их должную охрану.

Уголовно-правовые меры играют важную роль в защите этих объектов от преступных посягательств [1, с. 394]. Являясь культурным и историческим наследием человечества, они сохраняют многовековую самобытность, память, достоинство и будущее людей [2, с. 21].

Нормативно-правовые акты по охране культурных ценностей в период вооруженного конфликта.

На данный момент основополагающим документом на международном уровне является Конвенция «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» 1954 года. С целью формирования уважения к культурным ценностям и международного законодательства по их охране, а также недопущения в будущем их разрушений и повреждений, Россия ратифицировала Конвенцию и Протокол к этой Конвенции Указом Президиума ВС СССР от 12 декабря 1956 г. «О ратификации Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и Протокола к этой Конвенции».

Вместе с тем, нормы о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта нашли свое отражение в Женевских конвенциях «О защите гражданского населения во время войны 1949 года» и Дополнительных протоколах к ним от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. Итоговым документом стала Резолюция СБ ООН №2347 от 24.03.2017.

Статьей 5 Второго Протокола Гаагской Конвенции о защите культурных ценностей в случае Вооруженного Конфликта 1954 года и Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта 1954 года регламентированы конкретные подготовительные меры, которые могут применяться государствами в мирное время для защиты культурных ценностей от предвидимых последствий вооруженного конфликта, а именно:

1. Составление перечней культурных ценностей;

[1] Обращение Президента Российской Федерации от 24 февраля 2022 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/67843 (дата обращения: 07.10.2024).

2. Планирование чрезвычайных мер по защите от пожаров и разрушения конструкций;

3. Подготовку к выводу движимых культурных ценностей или обеспечение должно защиты этих ценностей на местах;

4. Назначение компетентных властей, отвечающих за охрану культурных ценностей.

Практическое применение законодательства в области охраны культурных ценностей.

С начала СВО по инициативе российского подразделения Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС) МИД России были оперативно переданы в Минобороны России данные с координатами объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, а также иных памятников культуры и природы, находившиеся на территории Украины и подлежащие первоочередной защите. Вооруженное силы РФ строго придерживаются соответствующих международных обязательств, а том числе Конвенции 1954 года. В своем комментарии в мае 2024 официальный представитель МИД России М. В. Захарова сообщила, что «имеются неоспоримые доказательства, свидетельствующие, что в нарушение статей Конвенции и при полном попустительстве международных структур ВСУ часто используют объекты культуры в военных целях»[1].

Так, за время проведения СВО в Российской Федерации, на территории Украины демонтированы многие памятники и объекты культуры, в том числе относящиеся к Великой Отечественной войне. В частности, в Харькове демонтирован памятник Маршалу Жукову, в Тернополе, Мукачеве и Ужгороде снесли памятники русскому классику А. С. Пушкину; в г. Стрый в Львовской области снесли памятник Советскому воину-освободителю; в Тернополе демонтирован памятник советским летчикам; в Мукачеве в Закарпатской области снесен памятник Советскому танку; в Здолбунове Ровенской области снесли монумент в часть советского разведчика Николая Приходько, который там родился.

Кроме того, в Эстонии в г. Нарва был демонтирован памятник Т-34, отправив его в Эстонический военный музей. При этом, премьер-министр Эстонии Кая Каллас заявила, что после 24 февраля военные памятники СССР в публичном пространстве Эстонии «перестали быть только местной проблемой. Никто из нас не хочет, чтобы агрессивный в военном отношении и враждебный сосед разжигал напряженность в нашем доме»[2].

Также, ярким примером посягательств на культурные ценности являются события августа-сентября 2024 года. В результате атаки ВСК поврежден Храм Святителя Николая Мирликийского в себе Грузное Белгородской области[3], Украинские оккупанты снесли памятник Ленину в центре города Судна Курской области, а также храм Рождества Христова XIX века и другое[4].

Вышеуказанные случае являются не единственными примерами, иллюстрирующими неуважительное отношение к истории и культуре, а также

[1] Комментарий официального представителя МИД России М. В. Захаровой в связи с 70-летием Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1950941/ (дата обращения: 10.09.2024).

[2] «Это им аукнется»: какие памятники снесли на Украине за время спецоперации России. URL: https://gazeta-ru.turbopages.org/gazeta.ru/s/social/2022/04/17/14744918.shtml (дата обращения: 10.09.2024).

[3] В результате атаки ВСУ поврежден храм святителя Николая Мирликийского в селе Грузское Белгородской области. URL: https://pravoslavie-ru.turbopages.org/pravoslavie.ru/s/163232.html (дата обращения: 10.09.2024).

[4] В Суджанском районе Курской области ВСУ разрушили важный храм XIX века. URL: https://sn--gazeta-ru.turbopages.org/sn-gazeta.ru/s/rossiya/v-sudzhanskom-rayone-kurskoy-oblasti-vsu-razrushili-vazhnyy-hram-xix-veka/ (дата обращения: 10.09.2024).

переплетение политических взглядов и культурных ценностей, находящихся под охраной отдельного государства и мирового сообщества [3, с. 65].

Кроме того, в Гааге 13.05.2024 состоялась международная конференция ЮНЕСКО «Культурное наследие и мир: 70 лет Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов»[1], однако члены российской делегации в самый последний момент получили от организаторов отказ в аккредитации на конференцию, а российской эксперту не выдали визу. В данной ситуации имеется дискриминация по национальному признаку, которая стоит, к сожалению, выше, чем основной постулат – охрана культурных ценностей всех народов и уважительное отношение к ним.

Уголовно-правовые меры охраны культурных ценностей.

Как гласит Преамбула Устава ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) «Мысли о войне возникают в умах людей, поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира»[2].

Представляется, что сознательное разрушение объектов культурного наследия обусловлено непринятием чужих взглядов, идей и мнений. Как указывает Ф. Бюньон, директор Управления Международного права и сотрудничества в рамках движения Международного комитета Красного Креста (МККК) целью уничтожения памятников является «убийство души человека, его истории, культуры и религии, чтобы в последствии стереть все следы его существования» [4, с. 5]. Это позволяет квалифицировать разрушение объектов наследия, совершенное с целью уничтожить историю и культуру народа как террористическое преступление, которое подрывает мир и международную безопасность [5, с. 121].

В. В. Путин в своих обращениях неоднократно подчеркивал важность сохранения культурного наследия страны «Старинные здание, усадьбы, храмы – это зрелое воплощение нашей национальной идентичности, неразрывной связи поколений» – отметил президент[3].

Кроме того, 25.01.2024 Владимир Путин на встрече со студентами Балтийского Федерального университета им И. Канта указал: «Кстати сказать, мы в отличие от наших соседей ничего не уничтожаем. Мы ко всему бережно относимся. В отличие от наших соседей, которые уничтожают памятники героям Великой Отечественной войны, да и просто российские, советские памятники. Это, конечно, потрясающее невежеств и непонимание того, где они живут, что делают и что за этим последует»[4].

В условиях вооруженных конфликтов и ведения военных действий наряду с другими проблемами существует проблема сохранения и защиты культурных ценностей, в основе которой лежит уважение к истории государства, ее культурным традициям [6, с. 133].

Правовые нормы Конвенции и Протоколов к ней предусматривают подготовку к охране культурных ценностей в мирное время, уважение к ним во время военных действий, а также принятие мер по уголовному преследованию в случае нарушения этих норм.

Международное право обеспечивает правовую защиту культурных ценностей, однако применение этих норм в период СВО и реальное наказание виновных, является серьезной проблемой, которая требует решения. Международное сообщество и международные

[1] Комментарий официального представителя МИД России М. В. Захаровой в связи с 70-летием Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта.

[2] Устав ООН по вопросам образования, науки и культуры 1945 года. URL: https://unesco.ru/wp-content/uploads/add/unesco_constitution_ru.pdf (дата обращения: 10.09.2024).

[3] Путин поручил сформировать долгосрочную программу сохранения объектов культурного наследия. URL: https://tass-ru.turbopages.org/tass.ru/s/kultura/20117121 (дата обращения: 10.09.2024).

[4] Путин назвал невежеством уничтожение памятников за рубежом. URL: https://iz-ru.turbopages.org/iz.ru/s/1639815/2024-01-25/putin-nazval-nevezhestvom-unichtozhenie-pamiatnikov-za-rubezhom (дата обращения: 10.09.2024).

организации, в том числе Международный уголовный суд, должны вести активную борьбу с преступлениями в данной сфере, привлекать к уголовной ответственности соответствующих лиц [7, с. 98], как это было сделано Международным уголовным судом 27.09.2016 по делу Ахмеда аль-Махди, обвиняемого в совершении преступлений против культурных ценностей во время вторжения «Аль-Каиды» в странах Магриба и «Ансар ад-Дин» на территорию Республики Мали[1]. Междугородное гуманитарное право обязывает государства преследовать и наказывать лиц, виновных в серьезных нарушениях норм Дополнительных протоколов 1977 к Женевским конвенциям, Гаагской конвенции 1954 года и двух протоколов к ней. В соответствии со ст. 8 Статута Международного уголовного суда 1998 года самые серьезные нарушения являются военными преступлениями [8, с. 472].

Представляется возможным сформировать механизм для привлечения государств-участников, действующих в нарушение норм международного права, к ответственности за свои действия, помимо предоставления Международному уголовному суду и другим уголовным трибуналам, отправлять правосудие над преступниками за их деяния против культурных ценностей.

Одним из предполагаемых мер является механизм отчетности и мониторинга, посредством которого отдельные государства представляют двухгодичные отчеты о состоянии культурных ценностей в своих соответствующих юрисдикциях. Если государство сообщает о нанесении ущерба своим культурным ценностям, может быть создан комитет для расследования масштабов ущерба; причин ущерба; и общей ситуации, в которой произошел ущерб. Последнее повлечет за собой расследование того, были ли указанные культурные ценности преднамеренной мишенью воюющего государства или же защищающееся государство использовало указанную собственность в качестве военной цели.

При этом, не менее важным является разработка эффективных мер противодействия преступлениям против культурных ценностей народов на национальном уровне.

Предлагается для усиления уголовно-правовой защиты культурного наследия в зоне боевых действий ввести дополнительный квалифицирующий признак состава преступления, предусмотренного ст. 243 Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно, ч. 3 статьи 243 УК РФ «Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в отношении культурных объектов как элемента идентичности народа, находящиеся в зоне боевых действий, с целью лишения народа исторической памяти». Предполагаемая мера способствует четкому разграничению преступлений в период военного конфликта от случайных разрушений, а также пресечению идеологического обоснования уничтожения культуры.

Анализ вышеуказанных случаев разрушения объектов культурного наследия в ходе специальной военной операции показало, что часть стратегии «культурного геноцида» – лишение народа его корней [9, с. 497]. Без уголовного преследования за такие деяния исчезают уникальные артефакты, воссоздать которые невозможно, а также насаждаются ложные исторические нарративы («это была не ваша земля») [10, с. 394].

Кроме того, необходимо сформировать должное представление об уважительном отношении к культуре другой страны, как гражданам РФ, так и

[1] Международный уголовный суд и загадка преступления в Тимбукту. URL: https://www.fondsk.ru/news/2016/10/02/mezhdunarodnyj-ugolovnyj-sud-i-zagadka-prestuplenia-v-timbuktu.html#bounce (дата обращения: 10.09.2024).

иностранным гражданам, вести активную уголовную политику против совершения преступлений в данной области, разработать и осуществить план эвакуации культурных ценностей за пределы приграничных территорий, маркировать невозможные к перемещению объекты специальными знаками, а равно маскировать культурные объекты от противной стороны.

Уважение человеческого достоинства населения и уважение к его культуре равнозначны. Как отмечает Международный комитет НК «преднамеренные нападение на объекты, представляющие культурную ценность — это проявление презрения, а презрение часто может служить оправданием или предлогом для более серьезных посягательств, предвестником которого оно нередко является»[1]. Уничтожение культурных ценностей воспринимается, как попытка уничтожить культурную идентичность общества.

Заключение

Обязанность обеспечивать неприкосновенность культурных ценностей, находящихся под усиленной охраной, возлагается как на нападающую, так и на защищающуюся стороны. Стороны конфликта обязаны, в зависимости от обстоятельств, воздерживаться от превращения таких ценностей в объект нападения или от любого использования таких ценностей или их непосредственного окружения в поддержку военных действий.

Необходимо найти баланс между потребностью в более сильном международном институте, который мог бы взять на себя ответственность за правоприменение, и потребностью государств сохранять определённый суверенитет над своей деятельностью на территории.

Те, кто намеревается причинить вред гражданскому населению, преследуют две цели: уничтожить это население и убрать любые материальные свидетельства существования этого народа. Массовые убийства и разрушение культуры — это просто два разных этапа одного и того же насильственного процесса избавления от этноса и геноцида. Если мы рассмотрим цель насилия в отношении гражданских лиц, то исчезнет грань между преступлениями против человеческой жизни и преступлениями против культуры. Если в данной ситуации преступники не разграничивают свои действия в отношении объектов культуры и человеческой жизни, то и правоприменители не должны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Осьмакова М. С. Защита культурных ценностей в период вооруженных конфликтов // Молодой ученый. 2024. № 3(502). С. 394–395.

2. Чернядьева А. С. Защита культурных ценностей во время вооруженных конфликтов. Некоторые аспекты // Океанский менеджмент. 2021. № 4(13). С. 21–24.

3. Пузырева Ю. В. Эволюция международно-правового регулирования защиты культурных ценностей в условиях вооруженных конфликтов // Московский журнал международного права. 2023. № 3. С. 65–83.

4. Бюньон Ф. Становление правовой защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта // Защита культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Международный журнал Красного Креста. 2004. № 854. С. 5–17.

5. Зайцева И. В. Теоретические основы и международно-правовые режимы защиты культурных ценностей в период вооруженных конфликтов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12-1(75). С. 121–123.

[1] Защита культурных ценностей во время войны: вопросы и ответы. URL: https://www.icrc.org/ru/document/zashchita-kulturnyh-cennostey-vo-vremya-voyny-voprosy-i-otvety (дата обращения: 10.09.2024).

6. Голованов С. В. Защита культурных ценностей во время вооруженных конфликтов // Вестник полоцкого государственного университета. Серия D. 2011. № 6. С. 132–135.

7. Батырь В. А. Международно-правовые режимы охраны культурных ценностей в условиях фактической ситуации вооруженного конфликта // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 7(200). С. 98–118.

8. Лисаускайте В. В. Международные договоры Российской Федерации в сфере защиты культурных ценностей в вооруженном конфликте и установление уголовной ответственности за посягательство на них // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 5. С. 472–481.

9. Рындин С. С. Проблема возврата культурных ценностей в международном праве // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 497–505.

10. Осьмакова М. С. Защита культурных ценностей в период вооруженных конфликтов // Молодой ученый. 2024. № 3 (502). С. 394–395.

УДК 343.36
EDN **REPFAK**

Мельников Евгений Александрович,
доцент кафедры экономических и финансовых расследований
Высшей школы государственного администрирования
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук
Ленинские горы, дом 1, стр. 13, ГСП-1, г. Москва, 119991
e-mail: evgmelnikov.1985@mail.ru

ПОБЕГ ИЗ МЕСТА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, ИЗ-ПОД АРЕСТА ИЛИ ИЗ-ПОД СТРАЖИ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ

Аннотация. Статья посвящена отдельным дискуссионным вопросам объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 313 УК РФ. Автором рассматривается, что следует понимать под местами лишения свободы и содержания под стражей в соответствии со ст. 313 УК РФ. Особое внимание уделено конкуренции норм, отраженных в ст. 313 и ч. 1 ст. 314 УК РФ. Анализ доктрины и правоприменительной практики показал, что в разграничении данных преступлений существуют некоторые сложности, которые обусловлены различными взглядами на определение понятия «незаконное оставление места лишения свободы». Кроме того, в статье рассмотрены проблемные вопросы, связанные с моментом окончания побега и его длящимся характером.

Ключевые слова: побег, преступления против правосудия, место содержания под стражей, место лишения свободы, уголовное наказание, лишение свободы, объективная сторона преступления.

Для цитирования: Мельников Е. А. Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи: дискуссионные вопросы характеристики объективной стороны // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 128–137.

Melnikov Evgeny Alexandrovich,
Associate Professor, Department of Economic and Financial Investigations
Higher School of Public Administration
Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Candidate of Philology
1 Leninsky Gory, bldg. 13, GSP-1, Moscow, 119991
e-mail: evgmelnikov.1985@mail.ru

ESCAPE FROM THE PLACE OF IMPRISONMENT, FROM ARREST OR FROM CUSTODY: CONTRAVERSIAL ISSUES OF THE CHARACTERISTICS OF THE OBJECTIVE SIDE

Annotation. The article is devoted to certain controversial issues of the objective side of the corpus delicti provided for in Part 1 of Article 313 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author examines what should be understood by places of deprivation of liberty and detention in accordance with the disposition of art.313 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the competition of the norms of art. 313 of the Criminal Code and Part 1 of art. 314 of the Criminal Code. An analysis of the doctrine and law enforcement practice has shown that

there are certain difficulties in distinguishing these crimes, which are due to different views on the definition of "illegal abandonment of a place of deprivation of liberty." In addition, the article discusses problematic issues related to the moment of the end of the escape, as well as the fact that this crime is ongoing.

Key words: escape, crimes against justice, place of detention, place of imprisonment, criminal punishment, imprisonment, the objective side of the crime.

For citation: Melnikov E. A. Escape from the Place of Imprisonment, from Arrest or from Custody: Contraversial Issues of the Characteristics of the Objective Side // The Art of Law. 2025. № 3. С. 128–137.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, заключается в побеге из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи. До настоящего времени положения ст. 54 УК РФ об аресте не введены и наказание в виде ареста не применяется в связи с невозможностью его исполнения[1], поэтому в настоящей работе целесообразно ограничиться рассмотрением отдельных дискуссионных вопросов побега из места лишения свободы или из-под стражи.

Местом лишения свободы являются учреждения, в которых отбывают наказание осужденные к лишению свободы, т. е. исправительные учреждения (ст. 73 УИК РФ). К исправительным учреждениям относятся: исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения (ч. 1 ст. 74 УИК РФ). В установленных законом случаях функции исправительных учреждений могут выполнять также следственные изоляторы (ч. 1 ст. 74 УИК РФ).

Исправительные колонии, в свою очередь, подразделяются на колонии-поселения, исправительные колонии общего режима, исправительные колонии строгого режима, исправительные колонии особого режима (ч. 2 ст. 74 УИК РФ).

Вид исправительного учреждения осужденным к лишению свободы назначается судом в приговоре.

Местами содержания под стражей подозреваемых (обвиняемых) являются: следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы, изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов федеральной службы безопасности.

В случаях, предусмотренных законом, местами содержания под стражей подозреваемых (обвиняемых) могут являться учреждения уголовно-исполнительной системы, исполняющие уголовное наказание в виде лишения свободы[2] и гауптвахты[3]. В случаях, когда

[1] Согласно Федеральному закону от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ положения УК РФ о наказании в виде ареста вводятся в действие федеральным законом после вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса РФ по мере создания необходимых условий для исполнения этого вида наказаний, но не позднее 2006 года. Однако до настоящего времени соответствующие исполнительные учреждения не созданы, и наказание в виде ареста не применяется в силу невозможности его исполнения. См.: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.12.2023 № 77-3921/2023 ; Апелляционное постановление 2 Восточного военного суда от 28.09.2022 № 22-153/2022. Доступ к документам из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] В частности, такие случаи определены в ч. 1 и 2 ст. 10 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759 ; Перечень исправительных учреждений, на территориях которых могут содержаться подозреваемые и обвиняемые, утвержден приказом Минюста России от 30.06.1999 № 212 «Об утверждении Перечня исправительных учреждений, на территориях которых созданы помещения, функционирующие в режиме следственных изоляторов» // Бюллетень Минюста РФ. 1999. № 7.

[3] См. ст.7, ст. 11: О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Федеральный закон от 15 июля

задержание осуществляется в соответствии с УПК РФ капитанами морских судов или начальниками зимовок, местами содержания под стражей являются помещения, которые определены указанными должностными лицами и приспособлены для этих целей.

Подозреваемые (обвиняемые), в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, в случае назначения экспертизы по основаниям, предусмотренным УПК РФ, а также в случае оказания им медицинской помощи помещаются в медицинские учреждения (ч. 3 ст. 10 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ).

Местом нахождения под стражей подозреваемых (обвиняемых), задержанных или в отношении которых в качестве меры пресечения избрано содержание под стражей, являются помещения в органах предварительного расследования и суда, места и помещения в любых других учреждениях, где при совершении следственных действий указанные лица находятся под конвоем, транспортные средства, используемые для доставления указанных лиц в суд или к месту проведения следственных действий, а осужденных – для этапирования к месту отбывания наказания, и др. [1] Это подтверждается следующим примером из судебной практики.

А., будучи арестованным Октябрьским районным судом г. Новороссийска, 12 сентября 2014 г. был конвоирован в отдел полиции Южного района УМВД России по г. Новороссийску для проведения следственных действий с его участием. В какой-то момент А., убедившись в утрате над ним контроля со стороны работников, осуществляющих конвоирование, совершил побег из здания отдела полиции. Спустя некоторое время он был задержан сотрудниками правоохранительных органов. Его действия квалифицированы по ст.313 УК РФ.[1]

Побег из-под административного ареста или с гауптвахты при отбывании наказания за дисциплинарный проступок или административное правонарушение не образует состав преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ [2].

Самовольное оставление места отбывания наказания в виде ограничения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части или принудительных работ в целях уклонения от его отбывания не попадает под признаки данного преступления.

Под признаки рассматриваемого преступления также не попадает самовольное оставление обвиняемым жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, в целях скрыться от органов предварительного расследования и суда, если в отношении такого лица ранее была избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий или домашнего ареста.

Таким образом, не являются побегом действия лица, скрывшегося от органов предварительного расследования и суда в ходе уголовного судопроизводства, если ему была избрана мера пресечения, не связанная с заключением под стражу.

Под побегом понимается самовольное незаконное оставление лицом, отбывающим наказание или находящимся в предварительном заключении, места лишения свободы либо места нахождения под стражей.

Незаконность означает, что лицо покинуло место лишения свободы либо место нахождения под стражей в отсутствие каких-либо правовых оснований. Под самовольностью оставления места лишения свободы либо места нахождения под стражей понимается,

1995 г. № 103-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[1] Приговор Октябрьского районного суда г. Новороссийска Краснодарского края от 20.08.2015 по делу № 1-312/2015. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/9586401/extended (дата обращения: 01.05.2025).

что указанные действия совершены лицом в отсутствие разрешения уполномоченного должностного лица соответствующего органа или учреждения, полученного в установленном порядке.

Зачастую побег осужденного к лишению свободы из места лишения свободы либо места нахождения под стражей связывают со специальной целью – уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы [3]. Отмечается, что «временное оставление места лишения свободы без намерения уклониться от отбытия наказания (например, с целью проведать семью) следует считать не преступлением, а проступком, влекущим за собой применение мер дисциплинарного воздействия» [4, с. 80]. Необходимо отметить, что в ст. 313 УК РФ нет указания на конкретную цель совершения побега.

В п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.03.1975 № 1 «О судебной практике рассмотрения материалов о переводе осужденных в колонии-поселения и уголовных дел о побегах из этих колоний»[1] указано, что при рассмотрении дел о побеге из колоний-поселений судам следует «исследовать фактические обстоятельства самовольного оставления осужденным этой колонии, мотивы, причины и условия, побудившие его к совершению такого деяния», и не допускать фактов осуждения за действия, лишь формально содержащие признаки побега либо уклонения от отбывания наказания, а по существу представляющие собой нарушения установленного порядка отбывания наказания.

Анализ правоприменительной практики не позволяет сделать однозначный вывод рассматривают ли суды цель побега как конструктивный признак объективной стороны данного преступления.

Представляет интерес пример из судебной практики, который приводится в работе Журавлева М. П., когда заключенные совершили побег из исправительного учреждения строгого режима, находясь в бегах, совершили новое преступление (разбой), после чего самостоятельно вернулись в колонию. Суд усмотрел в их действиях лишь нарушение режима, указав, что осужденные не имели цели уклониться от отбывания наказания или совершить побег, а после разбойного нападения возвратились в колонию [5, с. 46–47]. Аналогичная позиция содержится и в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.1993:

«Было установлено, что М. действительно без разрешения администрации находился до ночи за пределами учреждения, но не преследовал цели совершить побег. Он вынужденно остался у знакомых в связи с алкогольным опьянением. Эти обстоятельства свидетельствуют о нарушении им режима содержания в исправительном учреждении, влекут дисциплинарную ответственность и лишение права передвижения без конвоя»[2].

Однако встречаются примеры, когда Верховный Суд РСФСР придерживался противоположной позиции, указывая, что побег из места лишения свободы образует состав преступления вне зависимости от его цели[3], при этом не имеет значения, намеривалось лицо временно или вовсе уклониться от отбывания наказания[4].

По нашему мнению, несмотря на то что в ст. 313 УК РФ не указано с какой именно целью совершается побег, выяснение этой цели является необходимым условием для отграничения данного преступления от дисциплинарного правонарушения. Безусловно, даже

[1] Утратило силу в связи с изданием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Определение Верховного Суда РФ от 18.05.1993 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 6. С. 6.

[3] См.: Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1964–1972 гг. Москва, 1974. С. 388–389.

[4] См.: Постановления и определения по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1981–1988 гг. Москва, 1989. С. 272.

краткосрочное незаконное самовольное оставление места лишения свободы или содержания под стражей без цели вовсе уклониться от отбывания наказания содержит признаки преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ. Однако, по нашему мнению, такое деяние должно рассматриваться как дисциплинарное правонарушение.

Так, по одному из дел Верховный Суд РСФСР указал, что «поскольку В. не имел намерения уклониться от отбывания наказания, находился вне пределов места лишения свободы менее двух часов, был задержан при возвращении к объекту, в силу ч. 2 ст. 7 УК РСФСР он не подлежит уголовной ответственности»[1].

Дискуссионным является вопрос о квалификации действий осужденного, покинувшего место лишения свободы с разрешения должностного лица исправительного учреждения, которое, однако, дано незаконно. В данном случае отсутствует признак «законности» оставления места лишения свободы, поэтому формально данное деяние можно рассматривать как побег. По нашему мнению, на квалификацию деяния при указанных обстоятельствах будет влиять не столько законность или незаконность действий должностного лица, сколько конечная цель, которую преследовало лицо, незаконно оставляя место лишения свободы. Так, если за взятку руководство администрации исправительного учреждения содействует лицу в самовольном оставлении места лишения свободы, преследующему цель уклониться от отбывания наказания, то деяние последнего следует квалифицировать по ст. 313 УК РФ. Однако, если при таком же не безвозмездном содействии администрации исправительного учреждения лицо незаконно временно покидает место лишения свободы в личных целях, то данное деяние следует рассматривать лишь как дисциплинарное правонарушение.

Осужденный К., чтобы приобрести в городе спиртные напитки, с разрешения и содействия часового С., покинул территорию колонии и уехал в город, где был задержан через пять часов. При указанных обстоятельствах Военная коллегия Верховного Суда СССР усмотрела в действиях К. лишь дисциплинарное правонарушение[2].

Если бы в рассматриваемой ситуации К. совершил действия, которые указывали бы на наличие у него цели уклониться от отбывания наказания в виде лишения свободы, то деяние следовало бы квалифицировать как побег.

Отнесение деяния к малозначительным является компетенцией органов предварительного расследования и суда. Поэтому не исключено, что при схожих обстоятельствах будет вынесено иное решение.

По конструкции объективной стороны побег имеет формальный состав.

Большинство специалистов указывают на то, что юридический момент окончания рассматриваемого преступления зависит от того, откуда побег совершен. Если он осуществлен из мест лишения свободы или предварительного заключения, то считается оконченным с момента, когда виновный пересек внешний периметр соответствующего учреждения. Если виновный, находящийся под стражей, совершил побег вне места лишения свободы или предварительного заключения, то моментом окончания побега следует считать то, когда он полностью вышел из-под надзора и контроля охраняющих его лиц, получил «возможность по своему усмотрению менять места нахождения, бесконтрольно вступать в контакты с другими лицами и т. п.» [1 ; 2 ; 6].

[1] Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1964–1972 гг. Москва, 1974. С. 24–25.

[2] См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1966. № 1. С. 37.

Обозначенный подход в целом подтверждается правоприменительной практикой[1].

В доктрине указывается на особенности момента юридического окончания побега из колоний-поселений (самовольное оставление территории колонии-поселения либо территории муниципального образования, если лицо имело разрешение от администрации колонии-поселения на передвижение вне надзора) [1 ; 7, с. 782].

Отмечается, что побег может быть совершен из места длительного свидания за пределами исправительного учреждения, лечебно-профилактического учреждения, общежития за пределами исправительного учреждения, с рабочего объекта или по пути следования к нему лица, которому было разрешено передвижение без конвоя или сопровождения [8, с. 263 ; 9, с. 150–153]. Не относится к побегу уклонение осужденным к лишению свободы, которому разрешено передвижение без конвоя, от предписанного ему маршрута следования, если это сделано без цели уклониться от отбывания наказания (ст. 96 УИК РФ) [1].

Не образует состава преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, самовольное незаконное невозвращение осужденного к лишению свободы из отпуска, проведенного вне исправительного учреждения. Отпуск является частным случаем выезда за пределы исправительных учреждений, перечень которых закреплен в законодательстве (ст. 97 УИК РФ) и конкретизирован в подзаконных нормативных правовых актах (приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы»). В рассматриваемом случае деяние осужденного должно быть квалифицировано по ч. 2 ст. 314 УК РФ. Однако указывается, что если разрешение на выезд на время отпуска за пределы места лишения свободы было получено незаконно, в том числе обманным путем (например, была использована заведомо ложная телеграмма о тяжелой болезни близкого родственника), то такое невозвращение должно быть квалифицировано как побег [1 ; 10, с. 154]. В случае получения разрешения на выезд обманным путем, необходимым условием для квалификации деяния осужденного как побег будет выступать факт его осведомленности об обмане, в противном случае субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, будет отсутствовать.

По нашему мнению, вопрос разграничения преступлений, предусмотренных ст. 313 и ч. 2 ст. 314 УК РФ, не такой однозначный.

Например, в правоприменительной практике встречаются примеры квалификации по ч. 2 ст. 314 УК РФ самовольного незаконного невозвращения в исправительное учреждение осужденного, которому был разрешен

[1] См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1992. № 12. С. 9 ; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 декабря 2014 г. ; Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 12.03.2019 № 203-АПУ19-4. Доступ к документам из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Приговор Октябрьского районного суда г. Новороссийска Краснодарского края от 20.08.2015 по делу № 1-312/2015. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/9586401/extended (дата обращения: 12.04.2025).

выезд за его пределы в целях осуществления трудовой деятельности (ч. 1 ст. 96 УИК РФ)[1]. В некоторых случаях суды аналогично квалифицируют случаи умышленного невозвращения осужденных в исправительное учреждение, которым в установленном порядке предоставлено разрешение на посещение лечебной организации либо на выход в город для приобретения продуктов питания и вещей [11, с. 137–138].

В доктрине встречается мнение, что любое незаконное самовольное невозвращение осужденного в исправительное учреждение (в том числе с рабочего объекта, из лечебно-профилактического учреждения и т. д.), когда он на законных основаниях находился вне этого учреждения с выходом из-под охраны и надзора администрации, следует квалифицировать по ч. 2 ст. 314 УК РФ [12, с. 90 ; 13, с. 4–6].

Перечень таких ситуаций, в частности, предусмотрен ч. 1 ст. 89, ч. 1, ч. 4 ст. 96, ч. 2 ст. 113, ч. 3 ст. 121, ст. 133, 134 УИК РФ. Во всех перечисленных случаях лицу в установленном порядке предоставляется право законного нахождения вне исправительного учреждения, в связи с чем у него возникает обязанность вернуться в такое учреждение в установленные сроки[2] [14, с. 157]. Уклонение от такой обязанности следует квалифицировать по ч. 2 ст. 314 УК РФ.

Неопределенность в доктрине и правоприменительной практике возникает ввиду неочевидного объема понятия «выезд за пределы исправительного учреждения»: является ли закрытым перечень краткосрочных и долгосрочных выездов, закрепленный ст. 97 УИК РФ и в приказе Минюста России от 04.07.2022 № 110?

По мнению некоторых специалистов, выезды разрешаются в соответствии со ст. 97 УИК РФ в связи с исключительными личными обстоятельствами (смерть или тяжелая болезнь близкого родственника, угрожающая жизни больного; стихийное бедствие и т. д.), либо же такие выезды направлены на «стимулирование, мотивирование законопослушного поведения осужденного, укрепление и развитие связей с семьей» [11, с. 139]. Их нельзя ставить в один ряд с выездами, которые предоставляются, например, в целях исполнения осужденным обязанности по осуществлению трудовой деятельности [11, с. 139].

Необходимо отметить, что в отечественном законодательстве до принятия УК РФ уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы понималось шире. В частности, в УК РСФСР 1960 г. наравне с побегом (ст. 188) предусматривалась уголовная ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы осужденного, которому разрешен краткосрочный выезд из мест лишения свободы, а равно осужденного, отбывающего наказание в колонии-поселении (ст. 188[1]). Таким образом, дополнительным критерием разграничения побега и уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы осужденного выступал факт нахождения осужденного под охраной и надзором администрации. В УК РФ подход изменился.

В отсутствие разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по рассматриваемому вопросу считаем правильным при разграничении преступлений, предусмотренных ст. 313 и ч. 2 ст. 314 УК РФ, исходить из перечня

[1] См.: Приговор мирового судьи судебного участка № 57 Советского судебного района г. Самары Самарской области от 28.08.2019 по делу № 1-6/2019 // ГАС «Правосудие». URL: http://57.sam.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=cs&case_id=86333722&delo_id=1540006 (дата обращения: 31.03.2025).

[2] См.: Андреев К. П. Ответственность осужденных за неисполнение требований приговора суда в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. С. 157.

краткосрочных и длительных выездов, закрепленных в ст. 97 УИК РФ.

Большинство специалистов считают побег длящимся преступлением. Лицо, совершившее побег, будет считаться совершающим преступление до того момента, пока оно не будет задержано либо пока оно не явится с повинной [15, с. 157 ; 16, с. 127 ; 17, с. 38 ; 18 ; 19]. В доктрине также указывается и на иные, более специфические условия фактического окончания побега: смерть виновного, изменение уголовного закона, который декриминализирует преступление или снижает наказание до фактически отбытого, с момента издания акта амнистии или помилования [20, с. 653, 654].

Представляет интерес позиция В. Н. Кудрявцева, который, с одной стороны, признавал длящийся характер побега, с другой, указывал на необходимость отказа от такой оценки побега. Свою позицию он объяснял тем, что не имеет смысла возлагать на лицо, совершившее побег, обязанность вернуться в место заключения и рассматривать невыполнение этой обязанности как общественно опасное и уголовно наказуемое бездействие [15, с. 96].

С данной позицией сложно согласиться по следующим причинам. При побеге общественным отношениям, характеризующим нормальное осуществление правосудия, будет продолжаться причиняться ущерб вследствие уклонения лица от отбывания наказания (общественные отношения, характеризующие авторитет правосудия) либо вследствие его укрывательства от органов предварительного расследования и суда (общественные отношения, характеризующие нормальное осуществление правосудия). Кроме этого, выше было указано, что, например, самовольное незаконное невозвращение осужденного к лишению свободы из отпуска, проведенного вне исправительного учреждения, образует состав преступления, предусмотренный ст. 314 УК РФ. Поэтому уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы само по себе рассматривается законодателем как преступление. В случае побега дальнейшее уклонение лица от отбывания наказания в виде лишения свободы является неотъемлемой его частью и дополнительной квалификации по ст. 314 УК РФ не требует.

При побеге лица, находящегося в предварительном заключении, несмотря на то что в данном случае осуществляется посягательство на общественные отношения, характеризующие нормальное осуществление правосудия, побег будет носить длящийся характер и фактически считаться оконченным в момент окончания воспрепятствования осуществлению правосудия.

Признание побега длящимся преступлением в практической сфере означает, что срок давности обвинительного приговора будет прерываться в момент побега и возобновляться только после задержания осужденного или его явки с повинной (ч. 2 ст. 83 УК РФ). Длящийся характер преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, также обуславливает особенности применения акта амнистия к таким лицам. Например, в п. 13 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 18.06.1992 № 3075-1 «Об амнистии» указывалось, что лица, совершившие «побег из мест заключения или из-под стражи… явившиеся добровольно в течение месяца со дня опубликования настоящего Постановления в органы милиции или места, где они отбывали наказание, освобождаются от ответственности за эти преступления». В литературе по этому поводу также отмечается, что если в постановлении об амнистии не указано иное, то амнистия за побег к таким лицам «может быть применена (если она распространяется на данное лицо) лишь в том случае, если лицо было задержано или явилось с повинной до издания постановления об амнистии» [1].

По нашему мнению, подход, изложенный в постановлении Верховного Совета Российской Федерации от 18.06.1992 № 3075-1, более правильный. Так, в УК Республики Казахстан закреплено, что лицо, добровольно возвратившееся в семидневный срок с момента совершения побега в место заключения или под стражу, освобождается от уголовной ответственности за побег, если оно не совершило иного нового уголовного правонарушения и, если побег не был сопряжен с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия или с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ст. 426 УК РК). В примечании к ст. 368 УК Республики Кыргызстан также содержится аналогичное указание на освобождение лица, совершившего побег, от уголовной ответственности, в случае его добровольного возвращения в места лишения свободы или под стражу в трехдневный срок с момента побега, совершенного ими впервые. Аналогичное положение отражено и в проектах УК РФ, но было отвергнуто.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. В. Бриллиантова. Москва : Проспект, 2015.

2. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. Москва : Статут, 2012.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко ; науч. ред. А. С. Михлин. Москва, 2008.

4. Рашковская Ш. С. Преступления против правосудия. Москва : Изд-во ВЮЗИ, 1978. 104 с.

5. Журавлев М. П. Квалификация отдельных видов преступлений, совершаемых в местах лишения свободы // Тр. ВНИИ МВД СССР. Москва, 1969. № 9. С. 37–48.

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Чучаева. Москва, КОНТРАКТ, 2013.

7. Энциклопедия уголовного права. Т. 28. Преступления против правосудия. Санкт-Петербург : Издание профессора Малинина, 2017. 1124 с.

8. Федоров А. В. Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации). Калуга : Политоп, 2004. 284 с.

9. Андреев К. П. Ответственность осужденных за неисполнение требований приговора суда в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 217 с.

10. Зезюлина Т. А. Уклонение от отбывания лишения свободы (ч. 2 ст. 314 УК РФ): проблемы квалификации // News of Science and Education. 2016. Т. 8, № 1. С. 153–158.

11. Лигай Л. Ю. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания наказания (ст. 314 УК РФ) : дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2024. 216 с.

12. Гарафутдинов М. Р. Ответственность за побег из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи по уголовному праву Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1995. 281 с.

13. Тетяшин П. В. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. С. 26 с.

14. Андреев К. П. Ответственность осужденных за неисполнение требований приговора суда в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 217 с.

15. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. Москва : Госюриздат, 1960. С. 244 с.

16. Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против

правосудия. Москва : Юридическая литература, 1968. 136 с.

17. Смиян А. Д. Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи: уголовно-правовые и криминологические характеристики : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1997. 236 с.

18. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А. И. Рарог. Москва : Велби : Проспект, 2007.

19. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. Особенная часть. Разделы X–XII (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. Москва : Юрайт, 2017.

20. Уголовное право: Особенная часть : учебник для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. Москва : Инфра-М, 2000. 768 с.

УДК 343.2
EDN RFZHQM

Пархоменко Светлана Валерьевна,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
ул. Шевцова, 1, г. Иркутск, Россия, 664035
e-mail: psvet@mail.ru
ORCID 0000-0002-0370-3102

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОБОСНОВАННОСТИ ИСКЛЮЧЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ ДЕЯНИЯ

Аннотация. В статье обсуждается вопрос о социально-правовой обоснованности и назначении обстоятельств, исключающих преступность деяния. На основе существующих научных источников, а также действующего уголовного законодательства автором констатируется факт того, что в науке уголовного права отсутствует единый подход к оценке исследуемого вопроса, утверждается, что социальная роль данного института до сих пор недооценена. Предлагается учитывать вынужденность причинения вреда при исключении преступности деяния. В результате проведенного исследования указывается на то, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, выступают юридическим инструментом создания гарантий социально- необходимых моделей поведения личности.

Ключевые слова: общественная полезность, общественная опасность, социальная необходимость, обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Для цитирования: Пархоменко С. В. К вопросу о социально-правовой обоснованности исключения преступности деяния // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 138–145.

Svetlana Valerievna Parkhomenko,
Professor of the Criminal Law Department of the
Irkutsk Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor
str. Shevtsova, 1, Irkutsk, Russia, 664035
e-mail: psvet@mail.ru
ORCID 0000-0002-0370-3102

ON THE QUESTION OF THE SOCIO-LEGAL VALIDITY OF EXCLUDING THE CRIME OF AN ACT

Annotation. The article discusses the issue of the socio-legal validity and purpose of the circumstances that exclude the criminality of an act. Based on existing scientific sources and the current criminal legislation, the author states that there is no unified approach to assessing this issue in the science of criminal law, and argues that the social role of this institution is still underestimated. It is proposed to take into account the necessity of causing harm when excluding the criminality of an act. As a result of the conducted research, it is indicated that the circumstances that exclude the

criminality of an act serve as a legal tool for creating guarantees for socially necessary patterns of individual behavior.

Key words: public utility, public danger, social necessity, circumstances that exclude criminality of an act.

For citation: Parkhomenko S. V. On the Question of the Socio-Legal Validity of Excluding the Crime of an Act // The Art of Law. 2025. № 3. С. 138–145.

Как известно, важнейшим содержательным элементом уголовной политики выступает установление круга преступных деяний путем выработки критериев преступного и наказуемого (криминализация) и исключение из круга преступлений деяний с учетом этих критериев (декриминализация) [1, с. 20–26 ; 2, с. 270–271, 278–300 ; 3, с. 76–77, 99–116].

В этой связи одним из малоисследованных аспектов указанных содержательных моментов уголовно-правовой политики является вопрос социально-правовой обоснованности регламентации в уголовном законе обстоятельств, исключающих преступность деяния. Вместе с тем, целый ряд известных криминологов (В. Н. Кудрявцев, С. Ф. Милюков, В. В. Орехов, Э. Ф. Побегайло, О. В. Старков) констатируют, что в условиях, когда государство не в состоянии обеспечить эффективную защиту жизни, здоровья, чести, достоинства, собственности и других благ законопослушного населения, оно должно предоставить возможность осуществлять такую защиту самим гражданам. Эта возможность гарантируется государством за счет включения в Уголовный кодекс институтов необходимой обороны, крайней необходимости, правомерного причинения вреда при задержании преступника и других обстоятельств, исключающих преступность деяния [1, с. 65 ; 4, с. 91 ; 5, с. 11–12 ; 6, с. 17 ; 7, с. 66].

Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, является не просто юридической конструкцией, а элементом российской правовой системы, играющим определенную роль в борьбе с преступностью. Однако в большинстве исследований рассматриваемого института в целом либо отдельных его составляющих, вопрос о социально-правовом назначении соответствующих норм даже не ставится. В свою очередь, без установления социально-правового назначения обстоятельств, исключающих преступность деяния, невозможно решить принципиальный вопрос – установления обоснованности и выделения критериев отнесения тех или иных деяний к числу непреступных.

Недооценка социальной обусловленности обстоятельств, исключающих преступность деяния, приводит к спорному и недостаточно обоснованному мнению, что увеличение их числа не зависит от объективных условий (экономических, политических, социальных) и определяется только качеством уголовного законодательства, его развитием по пути дифференциации и индивидуализации ответственности, более точного правового регулирования ответственности за проявление неправомерного поведения человека [8, с. 4 ; 9, с. 415].

Большинство ученых ограничиваются лишь констатацией факта «общественной (социальной) полезности» обстоятельств, исключающих преступность деяния [10, с. 24 ; 8, с. 342 ; 11, с. 18–21 ; 12, с. 271]. Некоторые специалисты предпринимают попытки более подробно раскрыть социальную роль обстоятельств, исключающих преступность деяния [13, с. 114 ; 14, с. 404]. Например, Х. М. Ахметшин полагает, что действуя при указанных обстоятельствах, лицо преследует общественно полезные

цели, выполняет свой моральный долг перед обществом. Законодательное закрепление обстоятельств, исключающих преступность деяния, признание действий, совершенных при этих обстоятельствах, в целом общественно полезными, стимулирует участие широкой общественности и отдельных граждан в борьбе с преступностью и другими правонарушениями, служит дальнейшему укреплению правопорядка, способствует воспитанию российских граждан в духе уважения к законам, общечеловеческим нормам нравственности, предполагающим их строгое выполнение [15, с. 232].

Данные объяснения имеют весьма расплывчатый и казуистический вид, носят эмоционально окрашенный характер, не позволяют четко и определенно выделить социальную значимость всех обстоятельств, исключающих преступность деяния. Следует признать, что единая и непротиворечивая позиция по данному вопросу в доктрине уголовного права не сформирована.

Для определения социальной роли обстоятельств, исключающих преступность деяния, следует обратиться к роли права в обществе в целом и уголовного права в частности. Практически общепризнано, что социальное назначение права состоит в том, чтобы через регулирование общественных отношений закрепить и поддерживать в обществе определенный порядок, отвечающий интересам большинства его членов и государства [16, с. 173–174 ; 17, с. 253, 263–264]. Охранительно-регулятивное назначение уголовного права признается и большинством криминалистов [18, с. 10–15 ; 3, с. 24–26 ; 19, с. 51–52]. В этой связи следует согласиться с Н. М. Кропачевым в том, что нормы, закрепленные в ст. 37-42 УК РФ, и правоотношения, возникающие на их основе, могут быть в равной мере отнесены и к регулятивным, и к охранительным. В первом случае акцент делается на содержании субъективных прав, а во втором – на юридическом факте, порождающем правоотношение [20, с. 179].

Как подчеркивал Л. И. Спиридонов, принципиальным является и то, что социальная функция права заключается в его воздействии на поведение людей путем нормативного закрепления и охраны предпосылок социально значимой деятельности субъектов [21, с.103].

Таким образом, социальное назначение правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, заключается в регулировании поведения субъектов общественных отношений, направленных на достижение социально значимого результата в виде поддержания установленного законом порядка в обществе.

В одной из своих работ нами предпринята попытка конкретизировать социальное назначение правовой регламентации каждого обстоятельства, исключающего преступность деяния. Законодательные правила о необходимой обороне направлены на создание правовых гарантий полноценной реализации естественного права обороны. Нормативный материал о крайней необходимости призван при коллизии правоохраняемых благ (и способов их защиты стимулировать небезразличное отношение лица к такой ситуации, а стремление предотвратить опасность наступления более тяжких последствий, чем те, угроза наступлений которых уже налицо. В свою очередь, социально-правовое назначение нормативного материала об обоснованном риске заключается в стимулировании достижения общественно полезной цели в ситуации, когда таковая не может быть достигнута не связанными с риском действиями; об исполнении приказа или распоряжения – в обеспечении должного уровня дисциплины и порядка как неотъемлемых элементов прохождения, в частности, военной службы с присущей последней спецификой задач; о причинении вреда при задержании лица,

совершившего преступление, – в обеспечении реализации идеи неотвратимости уголовной ответственности и предотвращения совершения новых преступлений лицом, уже нарушившим уголовный закон. В результате сделан вывод о том, что в целом преступность рассматриваемых деяний исключается «в силу их социальной полезности и необходимости» [22, с. 141–146].

Вместе с тем, дальнейшее исследование проблематики обстоятельств, исключающих преступность деяния, продемонстрировало, что высказанная позиция требует уточнения и некоторой корректировки.

Представляется верной позиция авторов, указывающих, что деяния, совершаемые в ситуациях, регламентированных Главой 8 УК РФ, сохраняют свойство общественной опасности [23, с. 15 ; 24, с. 64 ; 5, с. 18–20 ; 19, с. 635–636]. В российской уголовно-правовой науке сложилось понимание общественной опасности как фактического причинения вреда охраняемым общественным отношениям или создание угрозы причинения такого вреда [9, с. 143–144 ; 18, с. 125 ; 19, с. 334–337 ; 14, с. 144–145 ; 12, с. 87–88].

Исходя из сущности общественной опасности, очевидно, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, не лишены общественной опасности, т. к. их совершение всегда связано с причинением определенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Неслучайно уголовный закон в ст. 37-42 УК РФ прямо указывает на то, что «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам…».

Как правильно подчеркивает В. А. Блинников, уголовно-правовой оценке может подлежать не само обстоятельство как таковое (т. е. факты обороны, крайней необходимости и т. п.), а причиненный в рамках этого обстоятельства вред охраняемым уголовным правом отношениям и интересам. Соответственно, при любом из обстоятельств, исключающих преступность деяния, надо говорить о фактическом наличии вреда объекту уголовно-правовой охраны, что, в свою очередь, означает сохранение указанными деяниями свойства общественной опасности [7, с. 13–14].

С учетом сказанного, очевидно, что общественно опасное деяние, причиняющее вред охраняемых законом интересам, даже ради защиты или обеспечения иных правоохраняемых благ, не может быть признано полезным с точки зрения социума в целом. Кроме того, «опасность, вредность» и «полезность» являются терминами противоположными по значению (антонимами) [25, с. 180, 198, 201], поэтому мысль о признании «общественно опасного деяния» одновременно «социально полезным» изначально выглядит нелогичной и неточной.

Подтверждением данной мысли являются и попытки сторонников «социальной полезности» обстоятельств, исключающих преступность деяния, «ранжировать» их на полезные при любых условиях, полезные в ряде случаев, вынужденные, целесообразные, допустимые, социально нейтральные или приемлемые поступки [26, с. 12, 21 ; 10, с. 4–5 ; 27, с. 120–121].

По верному замечанию В. А. Блинникова, наличие или отсутствие «полезности» причиненного в рамках любого из этих обстоятельств вреда относится не к сфере права, являясь скорее вопросом этики и морали [7, с. 16]. Действительно, «общественная полезность» в рассматриваемом контексте рассматривается учеными не как объективная категория, а центр их внимания переносится на субъективные элементы или этические составляющие поведения лица. Например, С. Г. Келина говорит о том, что совершение указанных

деяний из общественно полезных побуждений [8, с. 7]. Б. В. Сидоров указывает, что эти действия представляют собой акты общественно полезного поведения, поскольку лица, их совершающие, руководствуются нравственно оправданными мотивами и, вынужденно попадая в рискованные положения или создавая их по своей инициативе, действуют осознанно ради достижения общественно полезных целей. Следовательно, лицо совершает не виновный, а сознательный нравственно оправданный и социально одобряемый поступок [14, с. 399]. В ст. 42 УК РФ также говорится об «общественно полезной цели», к достижению которой стремится лицо в ситуации обоснованного риска. При этом само причинение вреда не является общественно полезным, а выступает в качестве «побочного продукта» обоснованного риска.

Вместе с тем, необходимо четко обозначить объективные критерии социальной направленности обстоятельств, исключающих преступность деяния. В этой связи более конструктивным выглядит попытка объяснить социальное назначение рассматриваемого института сквозь призму общественной необходимости деяния и вынужденности причиненного вреда.

Так, ещё Н. С. Таганцев указывал, что при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния: «Мы встречаемся с колизиею интересов, одинаково охраняемых законом, или с колизиею прав» [28, с. 546]. Действительно, совершение рассматриваемых действий всегда является проявлением столкновения, коллизии между двумя сторонами, в результате которого причиняется вред правоохраняемым интересам другого человека, общества или государства. А. П. Дмитренко подчеркивает, что содержание обстоятельств, исключающих преступность деяния, состоит в причинении вреда уголовно охраняемому объекту, для предотвращения вреда какому-либо иному благу, либо достижения нового блага [26, с. 21]. Как резюмирует О. Л. Дубовик, дозволяемые действия являются необходимыми или, по меньшей мере, социально переносимыми, и во всех случаях потенциально эффективными, а причиненный вред вынужденным [29, с. 567].

По замечанию В. И. Михайлова, соответствующие вредоносные деяния значимы для социума не только в связи с объектом, которому причинен вред, но и прежде всего в контексте вызвавших их причин, интересов, которые защищались, субъектов таких деяний, места, времени их совершения и других социальных аспектов [30, с. 38].

Таким образом, признавая деяния, причиняющие вред при наличии установленных Главой 8 УК РФ обстоятельств, правомерными, государство идет на своеобразный компромисс: допускает нарушение отдельных интересов в целях поддержания правопорядка и стабильности в обществе в целом. В связи с тем, что «социальный эффект» совершаемого деяния можно оценить только сквозь призму общественных интересов, т. к. наличествует вред отдельным правам и интересам личности, общества и государства, можно говорить лишь о социальной необходимости указанных деяний.

При этом важным фактором является определение достаточности социальных факторов, необходимых для регламентации определенной модели поведения в качестве исключающей преступность деяния. Прав А. Н. Берестовой в том, что такое поведение должно стать типичным для большинства или, по крайне мере, значительной части общества, одобряться или встречаться достаточно часто в реальной жизни [31, с. 12]. В. И. Михайлов уточняет, что закрепление в норме допустимого вредоносного поведения осуществляется только при социальной «зрелости» ситуаций, наличии у них

устойчивых черт, закономерно проявляющихся при определенных условиях, позволяющих эти ситуации типизировать, и при условии, что эти социальные ситуации имеют общественное значение, объективно поддаются нормативному регулированию и нуждаются в нем [30, с. 40].

Следовательно, закрепление в законе правомерности причинения вреда должно быть обусловлено распространенностью и типичностью ситуаций совершения деяний, направленных на укрепление порядка в обществе и его модернизации, в условиях риска причинения вреда охраняемым законом интересам. При этом возникающий ущерб является вынужденной мерой, позволяющей добиться стабильности и прогресса социума в целом.

С учетом того, что, как показано выше, существенным признаком обстоятельств, исключающих преступность деяния, является специальное исключение противоправности причиненного вреда [23, с. 15–17 ; 5, с. 19–20 ; 22, с. 77,80 ; 7, с. 15, 19–20], следует согласиться с тем, что правовое назначение данного института заключается в отграничении преступных от преступных случаев причинения вреда. Поэтому они предусмотрены в Уголовном законе, определяющем какие именно общественно опасные деяния являются преступлениями [24, с. 64].

Однако, жесткая привязка правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, к УК РФ, отнюдь не свидетельствует о том, что их социально-правовая сущность определяется уголовным законом. Нормы Главы 8 УК РФ имеют четкие межотраслевые связи в системе российского законодательства. Предписания, закрепленные в ст. 37-42 УК РФ, в рамках межотраслевого юридического образования призваны гарантировать осуществление субъективных прав и исполнение обязанностей, предусмотренных в неуголовно-правовых отраслях законодательства. Социальная ценность этих норм определяется тем, насколько эффективно они способствуют созданию механизмов и конструкций полноценной реализации прав [32, с. 284–286].

Как справедливо замечает И. Э. Звечаровский, представляется юридически неточным широко распространенное мнение о том, что нормы, закрепленные в ст. 37-42 УК, «предоставляют право» на необходимую оборону, задержание преступника, право на риск и т. д. Так, право на необходимую оборону, будучи закрепленным в ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации в рамках правового статуса человека и гражданина, представляет собой субъективное право, реализуемое в рамках государственно-правовых отношений. В свою очередь, гарантии и пределы реализации этого права предусмотрены нормами уголовного (ст. 37, п. «ж» ст. 61, ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114 УК) и гражданского (ст. 1066 ГК) законодательства [3, с. 678–679]. К примеру, исполнение приказа или распоряжения, регламентируется целым комплексом нормативно-правовых актов, в том числе имеющих подзаконный и ведомственный характер, интересует уголовный закон в интересующем нас аспекте лишь постольку, поскольку оно может быть связано с причинением вреда охраняемым интересам [22, с. 112 ; 33, с. 270].

Непосредственно сами социально необходимые и значимые модели поведения предусмотрены не уголовным законом, а находят отражение в УК РФ в виде условий правомерности причинения вынужденного вреда. Следовательно, правовые корни обстоятельств, исключающих преступность деяния, уходят в законодательные акты, регулирующие общий правовой статус человека или деятельность личности, связанную с риском причинения вреда в

различных социальных ситуациях [34, с. 1000].

Таким образом, социально-правовое назначение обстоятельств, исключающих преступность деяния, заключается в том, что они выступают юридическим инструментом гарантирования социально необходимых моделей поведения личности, направленных на обеспечение стабильности и правопорядка в обществе.

В общей системе мер, направленных на борьбу с преступностью, указанный институт имеет хотя и локальное, но весьма важное значение при защите прав и законных интересов личности и обеспечении общественной безопасности. Вопросы социальной обоснованности и правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, имеют не только узко прикладное правоприменительное значение, но и играют важную общественно-политическую и правовоспитательную роль [35, с. 76 ; 36, с. 310]. Указанные деяния могут эффективно реализовываться для защиты собственных прав, государственных и общественных интересов только при условии четких законодательных гарантий непривлечения данных лиц к уголовной ответственности за социально необходимое причинение вреда. Противоречивая и пробельная законодательная регламентация условий правомерного причинения вреда (Глава 8 УК РФ) сковывает активность граждан в борьбе с преступностью и является одним из факторов, понижающих эффективность уголовной политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. Москва, 2003. 352 с.

2. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. Санкт-Петербург, 2004. 339 с.

3. Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. I. Преступление и наказание / под ред. А. И. Коробеева. Санкт-Петербург, 2008. 1133 с.

4. Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство. Опыт критического анализа. Санкт-Петербург, 2000. 279 с.

5. Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающих преступность деяния. Санкт-Петербург, 2003. 217 с.

6. Старков О. В. Предупреждение преступлений. Москва, 2005. 284 с.

7. Энциклопедия уголовного права. Т. 7. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Санкт-Петербург, 2007. 724 с.

8. Келина С. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: понятие и виды // Уголовное право. 1999. № 3. С. 3–8.

9. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. Москва, 2001. 767 с.

10. Журавлев М., Журавлева Е. К вопросу о юридической природе обстоятельств, исключающих преступность деяния // Уголовное право. 2012. № 1. С. 24–28.

11. Разгильдеев Б. Общественно полезные деяния, предусмотренные УК // Законность. 1993. № 12. С. 18–21.

12. Уголовное право России. Часть общая : учебник / отв. ред. Л. Л. Кругликов. Москва, 2000. 590 с.

13. Сахаров А. Б. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность // Советское государство и право. 1987. № 11. С. 111–118.

14. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под. ред. Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. Москва, 2009. 751 с.

15. Уголовное право Российской Федерации / под ред. А. С. Михлина. Москва, 2005. 494 с.

16. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. Москва, 2004. 414 с.

17. Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. Москва, 2003. 592 с.

18. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Москва, 2002. 624 с.

19. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. Санкт-Петербург, 2006. 1064 с.

20. Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. Санкт-Петербург, 1999. 262 с.

21. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. Москва, 2000. 304 с.

22. Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. Санкт-Петербург, 2004. 267 с.

23. Блинников В. А. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 45 с.

24. Михайлов В. И. О социально-юридическом аспекте содержания обстоятельств, исключающих преступность деяния // Государство и право. 1995. № 12. С. 56–69.

25. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / под ред. Л. А. Новикова. Москва, 1984. 384 с.

26. Дмитренко А. П. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния в уголовном праве России : основы теории, законодательной регламентации и правоприменения : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2010. 51 с.

27. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. Москва, 1987. 280 с.

28. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула, 2001. 800 с.

29. Уголовное право : учебник. В 3 т. Т. 1 Общая часть / под общ. ред. А. Э. Жалинского. Москва, 2011. 864 с.

30. Михайлов В. И. О содержании норм Главы 8 УК России // Государство и право. 2010. № 12. С. 34–41.

31. Берестовой А. Н. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1999. 20 с.

32. Пархоменко С. В., Радченко Е. В. Преступность: проблемы уголовно-правового регулирования // Криминологический журнал Байкальского государственного университета. 2013. № 1. С. 63–71.

33. Пархоменко С. В. Обоснованные риски в условиях глобальных рисков // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы XI Международной научно-практической конференции, Иркутск, 05 сентября 2022 года / отв. ред. А. М. Бычкова. Иркутск : РПА Минюста России, 2022. С. 270.

34. Пархоменко С. В., Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Векторы уголовной политики в сфере правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 6. С. 1000.

35. Пархоменко Д. А.О дифференц иации уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 8. С. 76.

36. Пархоменко Д. А. О характеристике современной уголовно-правовой политики // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск : Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 2018. С. 310.

УДК 343.131

EDN **STNYRE**

Сильнов Михаил Александрович,
доцент кафедры основ прокурорской деятельности
Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
ул. Н. Басманная, д. 10, стр. 1, 107078, г. Москва
e-mail: silnov@yandex.ru
ORCID 0000–0002–0233–6523

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье приводится авторское определение источников формирования нравственных основ участия прокурора в уголовном судопроизводстве, анализируются различные логические основания их классификации: по механизму правового регулирования, по форме внешнего выражения правовых норм, по характеру предписаний и др. Правовой обычай и прецедент рассматриваются как формирующиеся источники нравственных основ участия прокурора в уголовном судопроизводстве. Обосновывается вывод о том, что система источников, определяющих нравственные основы прокурорской деятельности в уголовном судопроизводстве (система формальных и неформальных источников) представляет собой сложный механизм принятых в обществе нравственных установлений и правовых предписаний, элементы которого тесно взаимосвязаны и воздействуют друг на друга, придавая системе в целом новые свойства, не присущие отдельно взятым ее компонентам. Утверждается, что общепринятые нормы морали и нравственности в основном представлены в некодифицированной форме, однако тенденции развития российской правовой системы показывают, что эти правила всё чаще становятся частью нормативного регулирования.

Ключевые слова: источники нравственных основ участия прокурора в уголовном процессе, нравственные принципы уголовного процесса, профессиональная этика прокурора, нравственные основы уголовного преследования.

Для цитирования: Сильнов М. А. Общая характеристика и классификация источников формирования нравственных основ участия прокурора в уголовном судопроизводстве // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 146–154.

Silnov Mikhail Aleksandrovich,
Associate Professor of the
Department of Fundamentals of Prosecutor's Activities
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
st. N. Basmannaya, 10, building 1, 107078, Moscow
e-mail: silnov@yandex.ru
ORCID 0000–0002–0233–6523

GENERAL CHARACTERISTICS AND CLASSIFICATION OF SOURCES OF MORAL FOUNDATION FORMATION OF THE PROSECUTOR'S PARTICIPATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

***Annotation*.** The article provides the author's definition of the sources of formation of moral principles of prosecutor's participation in criminal proceedings, analyzes various logical grounds for their classification: by the mechanism of legal regulation, by the form of external expression of legal norms, by the nature of regulations, etc. Legal custom and precedent are considered as emerging sources of moral principles of prosecutor's participation in criminal proceedings. The article substantiates the conclusion that the system of sources defining the moral foundations of prosecutorial activity in criminal proceedings (the system of formal and informal sources) is a rather complex mechanism of moral regulations and legal prescriptions accepted in society, the elements of which are closely interconnected and influence each other, giving the system as a whole new properties that are not inherent in its individual components. It is argued that generally accepted norms of morality and ethics are mainly presented in a non-codified form, but the trends in the development of the Russian legal system show that these rules are increasingly becoming part of regulatory framework.

***Key words*:** sources of moral foundations for the participation of a prosecutor in criminal proceedings, moral principles of criminal proceedings, professional ethics of a prosecutor, moral foundations of criminal prosecution.

For citation: Silnov M. A. General Characteristics and Classification of Sources of Moral Foundation Formation of the Prosecutor's Participation in Criminal Proceedings // The Art of Law. 2025. № 3. С. 146–154.

Известно, что нормы уголовно-процессуального права регулируют общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства, возникающие между участниками уголовного производства по поводу возбуждения, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

Нравственные же основы участия прокурора в уголовном судопроизводстве охватывают более узкий участок спектра общественных отношений в уголовно-процессуальной деятельности, связанный с осуществлением прокурором уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования.

Вместе с тем, участие прокурора в уголовном судопроизводстве требует не только строгого соблюдения правовых норм, но и высокой внутренней культуры. Нравственные основы деятельности прокурора формируются под влиянием различных источников, которые определяют его профессиональную этику, мировоззрение и поведение в процессе осуществления уголовного преследования и надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации)[1]. Нравственные основы участия прокурора в уголовном судопроизводстве опираются на огромный пласт укоренившихся в обществе традиций, обычаев, правил поведения и т. д. часто определяемых как общепринятые нормы морали и нравственности [1, с. 100]. Эти основы проистекают из моральных норм, сформированных религиозными и философскими учениями, профессиональной этики и традиций российской прокуратуры, социально-культурных и исторических источников, общественного мнения, личностных и образовательные факторов, влияющих на формирование личности прокурора, включая саморазвитие, влияние наставников и др.

Хотя общепринятые нормы морали и нравственности в основном представлены в некодифицированной форме, тенденции

[1] Далее – УПК РФ.

развития российской правовой системы показывают, что эти правила всё чаще становятся частью нормативного регулирования. Ярким примером такой тенденции могут служить кодексы профессиональной этики сотрудников МВД России, Следственного комитета, прокуратуры Российской Федерации и др.[1]

Попытаемся охарактеризовать источники[2] нравственных основ участия прокурора в уголовном судопроизводстве. Отметим, что основные начала этой деятельности являются составной частью уголовного судопроизводства, порядок которого устанавливается УПК, основанном на Конституции Российской Федерации (ч.1 ст.1 УПК РФ).

УПК РФ пронизан конституционными принципами, несущими глубокий нравственный потенциал: уважение чести и достоинства личности (ст.9 УПК РФ), неприкосновенность личности (ст.10 УПК РФ), охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст.11 УПК РФ), неприкосновенность жилища (ст.12 УПК РФ), тайна переписки (ст.13 УПК РФ), презумпция невиновности (ст.14 УПК РФ), состязательность сторон (ст.15 УПК РФ), обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст.16 УПК РФ), свобода оценки доказательств (ст.17 УПК РФ) и некоторые другие. К гарантам их обеспечения в уголовном судопроизводстве, в первую очередь, относится прокурор, что и предопределяет нравственный характер его процессуальной деятельности.

В таком узком понимании к источникам формирования нравственных основ участия прокурора в уголовном судопроизводстве следует относить лишь Конституцию Российской Федерации, УПК России, федеральные конституционные законы и федеральные законы, так или иначе определяющие порядок предварительного расследования и судебного разбирательства, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации (ч.2 ст.1 УПК РФ).

Оговоримся, что под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо. Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного[3].

Так, в соответствии со ст.7 «Международного пакта о гражданских и политических правах»4 никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или

[1] Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : утв. Приказом МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 : в ред. от 02 мая 2023 г. ; Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации : утв. приказом Председателя СК РФ 11 апреля 2011 г. ; Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации Российской Федерации : утв. Приказом Генпрокурора РФ от 17 марта 2010 г. № 114 : в ред. от 21 июля 2023 г. и др. Доступ к документам из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Источник права – способ, с помощью которого закрепляются нормы права См.: Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. Москва : Юристь, 2001. С.410.

[3] О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003г № 5 : с изм. пост. Пленума от 5 марта 2013 г. № 4. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Международный пакт о гражданских и политических правах : принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Документ ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

унижающему его достоинство обращению или наказанию.

В структуре обязательств Российской Федерации присутствует соблюдение международных этических стандартов беспристрастности, объективности и справедливости, распространяющихся на прокуроров, участвующих в уголовном процессе. Они закреплены в документах ООН, Совета Европы и других международных организаций [2, с.25]. Устанавливают эти принципы: Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (утв. 17.12.1979 Резолюцией 34/169 на 106-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН); Международный кодекс поведения государственных должностных лиц (принят Резолюцией 51/59 Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1996 г); Руководящие принципы, касающиеся роли лиц, осуществляющих судебное преследование (приняты VIII Конгрессом ООН по поддержанию преступности и обращению с правонарушителями. Гавана, Куба, 27 августа – 7 сентября 1990 г.); Резолюция по укреплению верховенства права путем повышения честности и неподкупности и развития потенциала органов прокуратуры (Резолюция Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию 17/2. – 2008 г.); Конституция Международной ассоциации прокуроров (декабрь 2015 г.); Стандарты профессиональной ответственности и положение об основных обязанностях и правах прокуроров (приняты Международной ассоциацией прокуроров – 23 апреля 1999 г.); Программа сотрудничества в целях создания правового государства (Итоговый документ 7-й Конференции генеральных прокуроров государств – членов Совета Европы на тему г. Москва, 5–6 июля 2006 г.) и др.

Если же толковать термин «источник права» более широко, понимая под ним явление, порождающее нормы права [3], то применительно к характеристике уголовно–процессуальных правоотношений, через которые находят свое выражение нравственные основы прокурорской деятельности в уголовном судопроизводстве, нельзя обойти вниманием указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, решения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и некоторые другие правовые акты, так или иначе влияющие на формирование практики применения уголовно–процессуального закона, а иногда оказывающие влияние на его коррекцию.

Именно в таком широком понимании и толкуется чаще всего понятие источников уголовно-процессуального права[1] в научной и учебной литературе, что дает нам основание с тех же позиций подойти к характеристике источников, формирующих нравственные основы участия прокурора в уголовном судопроизводстве.

При этом источники выстраивают в своеобразных иерархических системах.

Различают официальные источники права (нормативные правовые акты, судебный прецедент, договор нормативного содержания) и неофициальные источники (правовой обычай, юридическая наука, принципы права); письменные источники права (нормативные правовые акты, правовой прецедент) и неписьменные (правовой обычай); прямые источники права (договор нормативного содержания, международные договоры Российской Федерации и общепризнанные принципы и нормы международного права) и косвенные источники права (акты применения права, принципы права) [4, с. 48].

По механизму правового регулирования источники права подразделяют на: правовой обычай, нормативный правовой акт, судебный

[1] В работе приводится широкий спектр научных взглядов на классификацию источников права. Предполагается, что логические основания классификации носят универсальный характер независимо от отрасли права.

прецедент, договор нормативного содержания. По форме внешнего выражения правовых норм принята классификация источников, предполагающая их деление на международные договоры Российской Федерации и общепризнанные принципы и нормы международного права, юридические доктрины, юридические науки, принципы права, религиозные тексты и др. [4, с. 48]

Однако в теории существуют и другие логические основания классификации источников права, порождающих уголовно-процессуальные правоотношения и формирующие духовно-нравственные основы участия прокурора в уголовном судопроизводстве [5, с. 221–222].

Так, Г. Ф. Шершеневич полагал, что существование источников права в государстве вызвано волей государственной власти, и поэтому различал виды источников права в зависимости от того, какому из них государственная власть придала обязательный характер (по характеру предписаний). Он выделял: «1) Материальные источники права – то, где находится содержание нормы права. Таким источником может быть законопроект, обычай, монография правоведа или текст религиозной книги; 2) Формальные источники права – то, что дает обязательную силу правилу поведения, устанавливая в качестве меры государственного принуждения санкцию за его нарушение (например, закон, нормативный договор, судебный прецедент)» [6].

Нормативные акты, как общеобязательный к исполнению источник нравственных норм, образуют свою довольно сложную иерархическую систему, подробную характеристику которой дал в свое время В. А. Толстик [7, с. 139].

Первый (высший) уровень – Конституция Российской Федерации (принципы уголовного судопроизводства, имеющие нравственное содержание (ст.ст.19, 21, 22,23, 24, 25, 26 и др.);

Второй уровень – Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации;

Третий уровень – федеральные конституционные законы Российской Федерации;

Четвертый уровень – федеральные законы Российской Федерации;

Пятый уровень – указы Президента Российской Федерации;

Шестой уровень – постановления Правительства Российской Федерации;

Седьмой уровень – приказы министров и руководителей государственных служб [7, с. 139].

И. А. Антонов предлагает источники нравственных норм в сфере уголовно-процессуальной деятельности классифицировать по видам нормативных документов, в которых они закреплены, и разделить на следующие формы:

«1) нравственные нормы, закрепленные в международных документах;

2) нравственные нормы, получившие закрепление в национальном законодательстве Российской Федерации, регулирующем правоохранительную деятельность;

3) нравственные нормы, нашедшие отражение в российских нормативных правовых актах, регулирующих уголовно-процессуальную деятельность следователей.

б) нравственные нормы, не реализованные в праве» [8, с.102].

Мы не утверждаем, что круг обозначенных систем классификации источников нравственных норм участия прокурора в уголовном судопроизводстве является исчерпывающим. Более того, отметим, что положенные в основу систематизации критерии, могут быть использованы как дополнительные

способы структурирования этических принципов, задавая новые интегральные связи[1] и раскрывая закономерности функционирования элементов внутри соответствующих подсистем. Ведь любая подсистема может рассматриваться как совокупность элементов, объединённых единым процессом функционирования и реализующих при взаимодействии операцию, необходимую для достижения цели системы в целом.

К источникам нравственных норм, регулирующих участие прокурора в уголовном судопроизводстве, может быть условно отнесен такой нетрадиционный для романо-германской системы права источник, как правовой обычай. И хотя в УПК РФ он не прописан, однако его использование в практической деятельности не противоречит закону, направлено на обеспечение прав и законных интересов участников процесса и способствует дальнейшему развитию уголовно-процессуального законодательства, а также формированию единообразной практики его применения.

Его существование отстаивает Ю. Г. Новикова, предлагающая понимать под правовым обычаем в уголовном процессе России, «один из нетрадиционных источников права, представляющий собой совокупность не запрещенных законом правил выполнения процессуальных действий и принятия процессуальных решений, которые, складываясь посредством добровольного многократного повторения участниками процесса в условиях отсутствия подлежащей применению нормы права или коллизии норм права, формируются на основе общепринятой судебной практики и приобретают форму других источников права, получая санкционирование государством в актах высших судебных инстанций по уголовным делам и нормативно-правовых актах» [9, с. 9].

Примером исторически сложившегося в России правового обычая можно назвать требование к прокурору проявлять беспристрастность и объективность при выполнении своих профессиональных обязанностей. Этот обычай базируется на традиционных духовно-нравственных ценностях российского общества[2], таких как справедливость, патриотизм, гуманизм, милосердие, уважение к закону и др.

Прокурор, действуя в рамках уголовно-процессуального закона, не должен руководствоваться личными интересами, предвзятой оценкой дела, или внешним давлением. Он обязан объективно оценивать доказательства, соблюдать баланс между интересами государства и правами граждан, а также стремиться к вынесению законных, обоснованных и мотивированных решений. В современной практике этот обычай проявляется, например, в ситуациях, когда прокурор отказывается от поддержания обвинения или воздерживается от внепроцессуального давления на суд или следствие.

Полагаем, что предписания Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации[3]: не допускать проявлений бюрократизма, формализма, высокомерия, неуважительного отношения к законным просьбам и требованиям граждан (2.1.8.); стремится быть образцом уважения к суду, способствовать вынесению законного, обоснованного и справедливого судебного решения (2.1.10); во время разбирательства дела судом воздерживаться от действий, которые могут быть расценены как оказание неправомерного влияния на процесс отправления правосудия (2.1.11) и др. изначально существовали в условных

[1] Под интегральными связами внутри системы мы понимаем объединение множества согласованно функционирующих, взаимодополняющих элементов, выступающих единым целым.

[2] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации Российской Федерации.

границах правовых обычаев, выработанных практикой применения уголовно-процессуального законодательства.

Исследуя проблему судебного прецедента в уголовном процессе России, С. М. Даровских справедливо подчеркивал, что «при классическом понимании системы источников права, общепринятом в теории государства и права, и официально вытекающем из представлений о принадлежности нашей страны к континентальной правовой системе, в течение долгих лет считалось, что нормативный акт является основным источником права, оставляя судебному прецеденту в лучшем случае факультативную роль» [10, с. 27].

Несмотря на всю сложность и неоднозначность признания источником права судебных прецедентов, в России явно просматриваются тенденции к повышению значимости судебной практики и закреплению прецедента как источника права [10, с. 29].

Мы поддерживаем точку зрения С. М. Даровских и предлагаем понимать судебный прецедент как формирующийся источник уголовно-процессуального права России, тем более, что сегодня, пожалуй, в чистом виде континентальной и англо-саксонской моделей правосудия не существует, ввиду глубокого взаимного проникновения элементов этих систем.

Об этом свидетельствует и судебная практика. Так положение о том, что освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности обусловлено возможностью «восстановить социальную справедливость без уголовной репрессии, и реализацией в уголовном судопроизводстве принципа гуманизма» нашло многократное подтверждение в решениях Конституционного Суда России[1] и судов общей юрисдикции[2].

С одной стороны, может показаться, что упомянутое правило не имеет никакого отношения к прецедентам, поскольку положения п.3 ч.1 ст. 24 УПК РФ обязательны к исполнению, и никакой интриги в их применении не существует, однако, важно понимать, что сама практика мотивации правоприменения сложилась под влиянием нравственных принципов уголовно–процессуального закона, что, по нашему мнению, можно расценивать в качестве проявления прецедентного права или, по крайней мере, отдельных его элементов.

В 2021 г.[3] Европейский суд по правам человека[4] присудил 34 тыс. евро жертве жестокого обращения в отделении милиции. Как пояснил суд, утверждения заявителя о том, что его травмы возникли из-за пыток, были отклонены следственными органами со ссылкой на показания милиционеров, которые, предположительно, и пытали мужчину[5].

Решения ЕСПЧ часто расцениваются как прецеденты [11, с. 7], поскольку они основываются на конкретных правовых принципах, формируют и поддерживают их, а также могут быть применены при рассмотрении

[1] По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова : постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 г. № 33-П ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Овчинникова А. М. на нарушение его конституционных прав положениями статей 48 и 102 Уголовного кодекса РСФСР : определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 1107-О и др. Доступ к документам из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 06.02.2025 по делу № 77-438/2025 (УИД 70RS0001-01-2023-003798-12) ; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.12.2024 № 77-4759/2024 (УИД 22RS0002-01-2023-000831-69) и др. Доступ к документам из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Россия перестала быть стороной Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) с 16 сентября

[4] Далее – ЕСПЧ.

[5] Дело Ельчанинов против России» (жалоба N 20179/12) : постановление ЕСПЧ от 16 марта 2021 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

схожих дел в будущем и для дальнейшего улучшения правовой системы.

Полагаем, что такие категории как правовой обычай и прецедент допустимо рассматривать как формирующиеся источники нравственных основ участия прокурора в уголовном судопроизводстве.

В научной литературе существует широкая палитра взглядов относительно систематизации источников нравственных основ участия прокурора в уголовном судопроизводстве, понятийный аппарат обоснования которых, может быть взят на заметку заинтересованными исследователями.

Важно понимать, что источники эти представляют собой синтез нравственных и правовых установлений, первичность или вторичность которых в структуре правовой нормы не всегда очевидна. Отсюда проистекает проблема определения места норм морали и нравственности в системе источников уголовно-процессуального права, на которых, в свою очередь, основаны нравственные принципы участия прокурора в уголовном судопроизводстве.

В этой связи в литературе часто можно встретить мнение о том, что «мораль в чистом виде не существует как источник права, однако моральные нормы неизбежно находят свое отражение в каждом источнике права» [12, с.94].

Кроме того, нередко утверждается, что нормы морали, в отличие от правовых норм, не характеризуются точностью и определенностью. «Нормы морали шире правовых предписаний по своему охвату, так как распространяют свою силу не только на объективные действия, но также и на мысли человека» [13, с. 35], [12, с. 96].

Классификация источников нравственных начал, характеризующих участие прокурора в уголовном судопроизводстве, также может быть представлена с позиций их дифференциации на общечеловеческие нравственные ценности, общепризнанные принципы и нормы международного права, общепринятые нормы морали и нравственности, традиционные российские духовно–нравственные ценности и др. [14]

Таким образом, система источников правового регулирования нравственных принципов участия прокурора в уголовном судопроизводстве нам видится как совокупность нормативных актов, международных стандартов и других источников права, которые устанавливают моральные и этические требования к деятельности прокурора. Эти источники обеспечивают правовую основу для реализации нравственных принципов, таких как справедливость, гуманизм, объективность и ответственность перед обществом и др.

Мы убеждены в том, что общепризнанные нормы морали и нравственности, традиционные российские духовно-нравственные ценности, нравственные принципы уголовного судопроизводства и др. как раз и образуют самостоятельные и относительно независимые источники уголовно-процессуального права в целом, и формирования нравственных основ участия прокурора в уголовном судопроизводстве в частности, поскольку получили правовое определение в Конституции Российской Федерации, федеральном законодательстве и ряде подзаконных нормативных актов.

Можно утверждать, что система источников правового регулирования нравственных принципов участия прокурора в уголовном судопроизводстве является основой для реализации требований справедливости, законности и защиты прав человека. Кроме того, нравственные основы прокурорской деятельности находят свое отражение как на уровне нормативного регулирования, так и в виде общепринятых в социуме правил поведения – на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Нравственные основы участия прокурора в уголовном судопроизводстве генерируются под воздействием множества источников: правовых, религиозных, профессиональных, культурных и

личностных. Их взаимодействие и взаимопроникновение способствуют формированию личности высоконравственного, ответственного и справедливого работника прокуратуры.

Таким образом, система источников, определяющих нравственные основы прокурорской деятельности в уголовном судопроизводстве (в нашем случае – система формальных и неформальных источников), представляет собой достаточно сложный механизм принятых в обществе нравственных установлений и правовых предписаний, элементы которого тесно взаимосвязаны и воздействуют друг на друга, придавая системе в целом новые свойства, не присущие отдельно взятым ее компонентам.

Однако, для повышения эффективности функционирования этой системы необходимо преодолеть ряд проблем, в частности, устранить недостаточную конкретизацию некоторых нравственных предписаний нормативного характера и имеющиеся разночтения между ними.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мельников Р. В. Формирование морально-этических требований к прокурорским работникам в России: исторический анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 100–107.

2. Гасанова У. Н. Стандарты беспристрастной, объективной и справедливой деятельности прокуроров, закрепленные в документах ООН, Совета Европы и других международных организаций // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 4. С. 25–28.

3. Марченко М. Н. Источники права : учебное пособие. Москва : ТК Велби : Проспект, 2006. 760 с.

4. Болгова О. С. Основные источники права // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 48–50.

5. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник для вузов. Москва : Юристъ, 2002. 414с.

6. Общая теория права : монография / под ред. Г.Ф. Шершеневича. Москва : Изд. Бр. Башмаковых. 1912. 805 с.

7. Толстик В. А. Иерархия источников российского права. Нижний Новгород : Интелсервис, 2002. 215 с.

8. Антонов И. А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователей. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 234 с.

9. Новикова Ю. Г. Правовой обычай и общепринятая практика в отечественном уголовном процессе // Юридические исследования. 2021. № 4. С. 9–20.

10. Даровских С. М. Проявления судебного прецедента как источника права в российском уголовном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 6. С. 25–29.

11. Марченко М. Н. Юридическая природа и характер решений Европейского суда по правам человека // Государство и право. 2006. № 2. С. 5–22 с.

12. Влияние нравственно-моральных норм на содержание уголовно-правовых норм в Уголовном кодексе России / Э. Ю. Латыпова, Э. М. Гильманов, А. Е. Абдуллина, Р. Э. Гильманов // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 1. С. 94–99.

13. Латыпова Э. Ю. Некоторые аспекты уголовной ответственности за деяния, посягающие на неприкосновенность частной жизни // Oeconomiaet Jus. 2019. № 2. С. 35–45.

14. Иванов А. А., Малахова С. С. Традиционные духовно-нравственные ценности и правовые принципы: сравнительный анализ юридических категорий // Теология. Философия. Право. 2022. № 2 (18). С. 49–56.

УДК 343.35
EDN VBCSZD

Фарахиев Динар Минзеферович,
адъюнкт 3 факультета (подготовки научных
и научно-педагогических кадров)
Академии управления МВД России
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8, г. Москва, Россия, 125171
e-mail: dfarakhiev@mail.ru
ORCID 0000-0001-6419-7701

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию новых вызовов, с которыми органы внутренних дел Российской Федерации и иные органы (службы, ведомства) столкнулись в процессе борьбы со взяточничеством в условиях цифровизации, предметом которых выступают цифровые права, рубли, валюты, цифровые финансовые и криптовалютные активы; выявлению проблем борьбы с исследуемыми видами преступлений, а также разработке современных путей решения возникших проблем в теории и практике борьбы с преступлениями, предусмотренными ст. 290-291.2 Уголовного кодекса России (далее – УК РФ). В рамках исследования автором выявлены пять основных проблем, имеющихся в правоприменительной практике борьбы со взяточничеством в условиях цифровизации, перечень которых не является исчерпывающим. В заключении подводятся итоги и выводы, относительно вызовов, проблем и путей решения в исследуемой области, носящие проблемы: в совершенствовании правовой и технической нормативной правовой базы; определения и придание денежной оценки предмету взяточничества, использования информационно-телекоммуникационных технологий, наложения ареста и разработки методических рекомендаций.

***Ключевые слова*:** взяточничество, цифровизация, проблемы, цифровые права, рубли, валюты, цифровые финансовые и криптовалютные активы, органы внутренних дел Российской Федерации, борьба, информационно-телекоммуникационные технологии.

Для цитирования: Фарахиев Д. М. Взяточничество в условиях цифровизации: новые вызовы, проблемы и пути решения // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 155–164.

Farakhiev Dinar Minzeferovich,
Adjunct of the 3rd faculty (training of scientific and
scientific-pedagogical personnel) of the Academy
of Management of the MIA of Russia
Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow, Russia, 125171
e-mail: dfarakhiev@mail.ru
ORCID 0000-0001-6419-7701

BRIBERY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: NEW CHALLENGES, PROBLEMS AND SOLUTIONS

Annotation. This article is devoted to the study of new challenges that the internal affairs bodies of the Russian Federation and other bodies (services, departments) faced in the process of combating bribery in the context of digitalization, the subject of which are digital rights, rubles,

currencies, digital financial and cryptocurrency assets; identifying problems in combating the types of crimes under study, as well as developing modern ways to solve the problems that have arisen in the theory and practice of combating crimes under Articles 290-291.2 of the Criminal Code of Russia (hereinafter referred to as the CC RF). As part of the study, the author identified five main problems existing in the law enforcement practice of combating bribery in the context of digitalization, the list of which is not exhaustive. In conclusion, the results and conclusions are summarized regarding the challenges, problems and solutions in the area under study, which have problems: in improving the legal and technical regulatory framework; defining and giving a monetary value to the subject of bribery, the use of information and telecommunication technologies, the imposition of arrest and the development of methodological recommendations.

***Key words*:** bribery, digitalization, problems, digital rights, rubles, currencies, digital financial and cryptocurrency assets, internal affairs agencies of the Russian Federation, fight, information and telecommunication technologies.

For citation: Farakhiev D. M. Bribery in the Context of Digitalization: New Challenges, Problems and Solutions // The Art of Law. 2025. № 3. С. 155–164.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена развитием и внедрением во многие сферы жизнедеятельности общества информационно-телекоммуникационных технологий, а также использованием их в противоправных целях, в частности при совершении преступлений коррупционной направленности. Так, за прошедший 2024 год на территории Российской Федерации нормативное правовое регулирование в области использования цифровых прав, рублей, валют, цифровых финансовых и криптовалютных активов (далее, к исключительных случаях, – финансовые ценности) кардинально изменилось, в следствие чего у органов внутренних дел Российской Федерации к имеющимся проблемам добавились новые, связанные с выявлением, документированием, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, предусмотренных ст. 290-291.2 УК РФ, а также выявлением и установлением лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, о чем свидетельствует материалы правоприменительной практики и оперативных совещаний территориальных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (с участием представителей Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России и иных правоохранительных органов).

Основными нормальными правовыми актами, регламентирующими выпуск, использование, обращение и учет вышеуказанных финансовых ценностей, выступают:

– Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ст. 141.1);

– Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ст. 7.1, глава 4.2);

– Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 259);

– Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (признавший цифровую валюту имуществом);

– Указы Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации»; от 10.12.2020

№ 778 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» и др.;

– Постановления Правительства Российской Федерации 01.07.2024 № 900 «О порядке учета ИТ-активов, используемых для осуществления деятельности по цифровой трансформации системы государственного (муниципального) управления»; от 01.11.2024 № 1469 «Об установлении лимита энергопотребления при осуществлении майнинга цифровой валюты (в том числе участии в майнинг-пуле) без включения в реестр лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, физическими лицами – гражданами Российской Федерации, не являющимися индивидуальными предпринимателями, и о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. N 117» и др.;

– положения Банка России.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в августе 2024 года принят Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который установил порядок ведения реестра лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, и операторов майнинговой инфраструктуры, а позже – Федеральный закон от 29.11.2024 № 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который уставил правила налогообложения доходов и расходов от майнинга, а также купли-продажи криптовалютных активов.

Таким образом, весьма справедливым будет отметить, что цифровые права, рубли, валюты, цифровые финансовые и криптовалютные активы – это новые финансовые инструменты (некоторые из них: цифровые формы российской национальной валюты[1]), объединяющие в себе виды активов, используемые в дальнейшем их правообладателями как в правомерных, так и в неправомерных целях (к примеру, для совершения взяточничества).

В настоящей статье автором предлагается рассмотреть несколько основных проблем, возникающих в правоприменительной практике борьбы с преступлениями, предусмотренными ст. 290-291.2 УК РФ, предметом которых выступают цифровые права, рубли, валюты, цифровые финансовые и криптовалютные активы.

Первая проблема – правовая регламентация предмета взяточничества.

В научной литературе вопросы уголовно-правового значения цифровых прав, рублей, валют, цифровых финансовых и криптовалютных активов поднимаются все чаще [1 ; 2 ; 3 ; 4]. Так, к примеру, профессора А. П. Дмитренко и Н. Г. Кадников справедливо отмечают, что: «криптовалюта или иные виртуальные активы могут и должны признаваться предметом взяточничества» [5, с. 22]. Вместе с тем, нельзя не согласиться с мнением П. В. Никонова, который в докторском исследовании пишет, что: «невозможно игнорировать реалии активной цифровизации современного мира, использование новых финансовых инструментов» [6, с. 281], в связи с чем, проблема признания предметом взяточничества цифровых прав, рублей, валют, цифровых финансовых и криптовалютных активов заслуживает отдельного обсуждения, обращая внимание на «повышенный риск неправильного применения относительно нового и еще не

[1] Цифровой рубль // Банк России : офиц. сайт. URL: https://cbr.ru/fintech/dr/ (дата обращения: 20.01.2025).

окончательно сформированного законодательства» [6, с. 281].

В свою очередь, законодатель в ст. 290-291.2 УК РФ, как и Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (далее – ППВС РФ №24) не закрепляют в себе положений, которые бы признавали цифровые права, рубли, валюты, цифровые финансовые и криптовалютные активы в качестве предмета взяточничества, однако в последнем, в абз. 3 п. 9 обозначается: «… или цифровых прав»[1]. В научных исследованиях высказывают различные точки зрения, относительно использования вышеуказанных финансовых ценностей в качестве предмета взяточничества: первая – их необходимо рассматривать в качестве оказания услуг имущественного характера [7, с. 48]; вторая – в качестве имущественного права [8, с. 48]; третья – в качестве иного имущества[2] [9, с. 14].

Согласиться или опровергнуть ту или иную точку зрения весьма проблематично, поскольку каждая из них вносит определенный вклад в развитие уголовной политики, в связи с чем напрашивается вывод и умозаключение о том, что цифровые права, рубли, валюты, цифровые финансовые и криптовалютные активы необходимо использовать в качестве самостоятельных предметов взяточничества (с чем согласны более 60% опрошенных сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации).

Кроме того, Следственным комитетом Российской Федерации (далее – СК РФ), сотрудники которого непосредственно производят предварительное следствие по уголовным делам о взяточничестве, в исследуемой проблеме разработаны соответствующие проекты федеральных законов:

1) о внесении изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, концептуально поддержанный заинтересованными органами государственной власти и правоохранительного блока;

2) о внесении изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, согласно которому цифровая валюта признается имуществом для целей уголовного закона, определяется порядок конфискации, признания вещественными доказательствами и наложения ареста на данное имущество, а также перечисляются особенности изъятия цифровой валюты при производстве следственных действий[3].

Вторая проблема – оценка и установление суммы (размера) предмета взяточничества.

Согласно абз. 4 п. 9 ППВС РФ №24 предмет взяточничество должен получить «денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств, в том числе при необходимости с учетом заключения специалиста или эксперта»[4]. Из этого следует, что цифровые права, рубли, валюты, цифровые финансовые и криптовалютные активы, используемые в качестве предмета взяточничества, подлежат денежной оценке в целях признания их в качестве предмета преступления.

По мнению автора, для получения денежной оценки в отношении вышеуказанных финансовых ценностей целесообразно использовать актуальную информацию о курсах на криптовалютных биржах и в качестве приблизительной стоимости принимать среднее значение в соответствующий период – на момент

[1] О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 // Российская газета. 2013. № 154.

[2] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу N А40-124668/2017. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Александр Бастрыкин: для нас нет разницы между чиновниками и бизнесменами // Следственный комитет Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1935671/?print=1 (дата обращения: 20.01.2025).

[4] О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24.

окончания преступления. При этом необходимо принимать во внимание, что правомерность применения данного подхода неоднозначна, однако если специалист или эксперт при определении денежной оценки ссылается на этот метод (ввиду отсутствия иных), доказательства могут быть признаны органами предварительного следствия или судом допустимыми и относимыми, поскольку официально описанных методик оценки цифровых прав, рублей, валют, цифровых финансовых и криптовалютных активов в настоящее время не существует.

Третья проблема – использование политических монет (токенов) – мемкоинов.

В настоящее время большую популярность получил особый класс криптовалютных активов, известный как мемкоины, которые появились из-за интернет-мемов и вирусного маркетинга в социальных сетях. В конце 2024 года мемкоины обогнали по росту крупнейшие криптовалютные активы. Криптовалютные биржи оценили востребованность этих монет, заявив, что быстрые темпы роста и спекуляции делают мемкоины инвестиционным инструментом с высоким потенциалом получения огромной прибыли[1].

Мемкоины представляют собой криптовалютные активы, не имеющие фундаментальной ценности и созданные для развлечения, а также заработка на росте ее курса. Чаще всего символом таких активов становятся популярные интернет-мемы либо монеты выпускаются в честь знаменитостей.

В свою очередь, основатель экосистемы Ethereum В. Д. Бутерин считает, что политические мемкоины созданы не просто ради развлечений, так как они представляют собой средства для неограниченных совершений преступлений, предусмотренных ст. 290-291.2 УК РФ, в том числе со стороны иностранных государств, с чем нельзя не согласится, принимая во внимание политическую обстановку в мире. «Риск политических монет исходит из того факта, что они являются идеальным средством взяточничества. Если политики выпускают монету, вам даже не нужно отправлять «им» монеты, чтобы дать им деньги. Вместо этого вы просто покупаете и держите монету, и это пассивно увеличивает стоимость их владений», – говорит В. Д. Бутерин[2].

На основании вышеизложенного, в целях раннего предупреждения взяточничества, предметом которого, возможно, будут выступать мемкоины, предлагается внести законодательные предложения, которые бы ограничили выпуск, использование, обращение и учет мемкоинов на территории Российской Федерации.

Четвертая проблема – выявление и документирование преступлений, а также лиц их подготавливающих, совершающих или совершивших.

За последние несколько лет доля преступлений коррупционной направленности, в общей структуре преступности составляет около 1,5-2%, а количество преступлений коррупционной направленности, в частности взяточничества, за последние пять лет увеличилось на 15%[3]. Вместе с тем, следует отметить, что в 2019 году органами внутренних дел Российской Федерации выявлено 23 684 преступления коррупционной направленности; в 2020 – 22 772; в 2021 – 25 142; в 2022 – 26 164; в

[1] Еженедельные обзоры рынка – мемкоины доминировали в крипто-нарративе в 2024 году. URL: https://www.binance.com/ru/square/post/12-27-2024-weekly-market-highlights-memecoins-dominated-the-crypto-narrative-in-2024-18127989535754 (дата обращения: 10.01.2025).

[2] Мнения о мемкоинах разделились. Кто за и кто против // РосБизнесКонсалтинг : офиц. сайт. URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/679363c69a7947f9fe18241f?from=copy (дата обращения: 10.01.2025).

[3] Показатели преступности в России // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры России : офиц. сайт. URL: http://crimestat.ru/offenses_rate (дата обращения 10.01.2025).

2023 – 27 020[1]. Принимая во внимание вышеуказанные статистические данные, можно сделать вывод о том, что основным субъектом борьбы с преступлениями коррупционной направленности и взяточничеством являются органы внутренних дел Российской Федерации.

Для выявления исследуемых видов преступлений органы внутренних дел Российской Федерации, в частности подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции, должны обладать оперативной информацией:

– о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления, предусмотренные ст. 290-291.2 УК РФ [10, с. 78], предметом которых выступают цифровые права, рубли, валюты, цифровые финансовые и криптовалютные активы;

– о времени перечисления вышеуказанных финансовых ценностей;

– об аккаунтах, используемых преступниками (сведения о логине, телефоне, электронной почте, указанных при регистрации; копии документов, представленных в процессе верификации; информацию об адресах, с которых осуществлялось обращение к криптовалютным кошелькам; сведения о произведенных операциях по покупке (продаже) цифровых финансовых и криптовалютных активов с отражением объема и наименования валюты, дат совершения операций, сведений об остатках [11, с. 87]) и прочее.

Как справедливо отмечает руководитель 3-го следственного отдела 2-го управления по расследованию особо важных дел ГСУ СК РФ по Санкт-Петербургу А. Е. Бесхмельницын: «криптовалюта, какая бы она ни была, имеет некий материальный носитель. Он может быть установлен, выявлен, доказано его происхождение и доказано его назначение»[2]. Принимая во внимание данную позицию, на наш взгляд, цифровые права, рубли, валюты, цифровые финансовые и криптовалютные активы преимущественно используются вместо официальной банковской системы для перемещения крупных сумм денежных средств, поскольку правовые пробелы в регулировании таких операций значительно снижают риск обнаружения самих транзакций, и как следствие – минимизируют шансы органов внутренних дел Российской Федерации на выявление лиц подготавливающих, совершающих или совершивших исследуемые виды преступлений.

Несмотря на имеющие проблемы, сотрудникам органов внутренних дел и Федеральной службы безопасности Российской Федерации все же удается весьма эффективно бороться с «цифровыми взяточниками», о чем свидетельствует материалы правоприменительной практики:

– в 2020 году экс-начальнику отдела УНК МВД по Республике Хакасия вынесен обвинительный приговор, согласно которому он был признан виновным в получении взятки в виде криптовалютных активах на общую сумму 52 тыс. руб. и разглашении государственной тайны и приговорен к 8 годам лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима и штрафу в размере 156 тыс. руб., а также лишен специального звания[3];

– в 2021 году профессорско-преподавательский состав Московского

[1] Состояние преступности на территории Российской Федерации // МВД России : офиц. сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics (дата обращения: 10.01.2025).

[2] Взятки в криптовалюте и разоблачение мздоимцев: петербуржцам раскрыли секреты борьбы с коррупцией. URL: https://tvspb.ru/news/2023/12/7/vzyatki-v-kriptovalyute-i-razoblachenie-mzdoimczev-peterburzhczam-raskryli-sekrety-borby-s-korrupcziej (дата обращения: 28.01.2025).

[3] ВС рассмотрел дело подполковника МВД, обвинившего руководство в наркоторговле // Legal.Report : офиц. сайт. URL: https://legal.report/sotrem-v-poroshok-vs-rassmotrel-delo-podpolkovnika-mvd-obvinivshego-rukovodstvo-v-narkotorgovle/ (дата обращения: 20.01.2025).

педагогического государственного университета уличили во взяточничестве за успешную защиту диссертации (возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 5 ст. 290 и п. «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ)[1];

– в 2021 году вынесен обвинительный приговор по ч. 6 ст. 290 УК РФ экс-сотрудникам Федеральной службы безопасности Российской Федерации, вымогавшим 1 млн. долл. в биткоинах у экс-гендиректора ФГУП «Издательство «Известия»[2];

– в 2023 году бывший начальник отдела УНК МВД по Республике Мордовия признан виновным в получении взяток в виде криптовалютных активов (в размере 2 биткойнов) за предоставление информации о проведении оперативно-розыскных мероприятий и приговорен к наказанию в виде 12 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима со штрафом в размере 12 млн 800 тыс. руб. с лишением специального звания[3];

– в 2023 году возбуждено одно из наиболее резонансных уголовных дел о взяточничестве в отношении начальника следственного отдела СУ СК РФ по Тверскому району г. Москвы Марата Тамбиева, который по версии ГСУ СК РФ и Генеральной прокуратуры РФ получил от «хакеров» взятку в виде криптовалютных активов на общую сумму 24 млн долл. В 2024 году экс-следователь признан Балашихинским судом Московской области виновным и приговорен к 16 годам колонии строгого режима со штрафов в размере 500 млн руб. Суд также запретил ему в течение 12 лет занимать должности в государственных органах и лишил специального звания[4];

– в 2024 году в отношении экс-оперативника БСТМ МВД России возбуждено уголовно дело по факту получения взятки от сооснователя и экс-администратора криптовалютной биржи World Exchange Services Pte. Ltd. (WEX, бывшая BTC) в криптовалютных активах на общую сумму не менее 2119 биткоинов и 10 016 эфириумов за незаконные деяния и общее покровительство. В настоящее время взяткополучатель и посредник во взяточничестве покинули территорию Российской Федерации, в связи с чем они были арестованы заочно и объявлены в розыск[5];

– в 2024 году возбуждено уголовное дело по факту получения взятки и легализации (отмывания) денежных средств в отношении замначальника отдела управления экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД по Красноярскому краю и его коллеги – начальника отдела по г. Красноярску, которые в октябре 2023 года получили частями взятку в криптовалютных активах в размере 3500 USTD[6];

– в 2025 году Городищенский районный суд Волгоградской области рассмотрит дело о даче взятки, пособничестве во взяточничестве и

[1] СК завел дело о взятках биткоинами за диссертации в МПГУ // РосБизнесКонсалтинг : офиц. сайт. URL: https://www.rbc.ru/society/25/08/2021/61262ebe9a7947383e067c59?ysclid=l85bstytth394934302 (дата обращения: 20.01.2025).

[2] Суд вынес приговор следователю ФСБ и его экс-подчиненному, вымогавшим $1 млн биткоинами // Рамблер/новости : офиц. сайт. URL: https://news.rambler.ru/crime/45898152/ (дата обращения: 20.01.2025).

[3] Бывший начальник отдела республиканского МВД признан виновным в получении взяток в цифровой валюте // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Мордовия : офиц. сайт. URL: https://mordovia.sledcom.ru/news/item/1840730/ (дата обращения: 20.01.2025).

[4] Приговор экс-следователю СК Тамбиеву за взятку оставили в силе // ГИА ТАСС : офиц. сайт. URL: https://tass.ru/proisshestviya/22878127 (дата обращения: 20.01.2025).

[5] Рекорд полковника Захарченко побит заочно // Коммерсантъ : офиц. сайт. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6650082 (дата обращения: 20.01.2025).

[6] Два бывших начальника отделов красноярского МВД покрывали владельца игорного бизнеса за взятку в 3500 единиц криптовалюты. URL: https://trk7.ru/news/173279.html (дата обращения: 20.01.2025).

мошенничестве в крупном размере в сфере энергоснабжения. Предметом взяточничества выступали криптовалютные активы на общую сумму в размере около 300 тыс. руб.[1]

На основании вышеприведенных примеров видно, что цифровые права, рубли, валюты, цифровые финансовые и криптовалютные активы в качестве предмета взяточничества активно используются преступниками, что: во-первых, увеличивает общественную опасность преступного деяния; во-вторых, уголовное законодательство нуждается в корректировке соответствующих частей ст. 290-291.2 УК РФ [12]; в-третьих, затрудняет деятельность органов внутренних дел Российской Федерации и иных органов (служб, ведомств), занимающихся борьбой с преступлениями коррупционной направленности в целом.

Пятая проблема – наложение ареста на предмет взяточничества.

Дискуссии о практической реализации наложения ареста на цифровые права, рубли, валюты, цифровые финансовые и криптовалютные активы ведутся очень давно [13 ; 14]. Так, в своих исследованиях О. С. Кайгородова приходит к выводу, что одним из основных направлений в борьбе преступлениями, совершаемыми с использованием цифровых финансовых активов и цифровой валюты, выступает вопрос о наложении на них ареста [15], что применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 290-291.2 УК РФ.

По мнению В. Б. Искандирва: «главная задача наложения ареста на имущество – обеспечить последующее исполнение гражданского иска, конфискации имущества или иных имущественных взысканий» [16, с. 109]. В связи с тем, что сегодня наложение ареста на имущество осуществляется различными способами, законодателю необходимо принять конкретную модель регулирования наложение ареста на цифровые права, рубли, валюты, цифровые финансовые и криптовалютные активы, для приведения правоприменительной практике в единообразие.

Например, для наложения ареста на цифровые права, рубли, валюты, цифровые финансовые и криптовалютные активы лицо, осуществляющее предварительное следствие по уголовному делу, должно либо обладать доступом к криптовалютным кошелькам, либо направить запрос на соответствующую криптовалютную биржу.

Кроме того, при наложении ареста на цифровые права, рубли, валюты, цифровые финансовые и криптовалютные активы на сегодняшний день возникают определенные трудности, которые нуждаются в правовом и техническом разрешении; решение вопроса о наложении ареста будет зависеть от вида финансовых ценностей, а соответственно от вида кошелька, используемого преступниками; перспективным видится арест в виде изъятия имущества и передаче его на хранение [15, с. 50].

Таким образом, в заключении автор приходит к следующим выводам:

1. Перечень выявленных проблем в области борьбы со взяточничеством, совершаемым с использованием цифровых прав, рублей, валют, цифровых финансовых и криптовалютных активов, не является исчерпывающим.

2. Имеется необходимость в совершенствовании правовой и технической нормативной правовой базы в целях эффективности борьбы со взяточничеством, совершаемым с использованием цифровых прав, рублей, валют, цифровых финансовых и криптовалютных активов.

3. В целях определения размера предмета взяточничества в виде цифровых прав, рублей, валют, цифровых финансовых и криптовалютных активов целесообразно использовать актуальную

[1] Волгоградца судят за взятку энергетикам в криптовалюте // Комсомольская правда : офиц. сайт. URL: https://www.volgograd.kp.ru/online/news/6200852/ (дата обращения: 20.01.2025).

информацию о курсах на криптовалютных биржах и в качестве приблизительной стоимости принимать среднее значение в соответствующий период – на момент окончания преступления.

4. В процессе борьбы со взяточничеством, совершаемым с использованием цифровых прав, рублей, валют, цифровых финансовых и криптовалютных активов, органам внутренних дел Российской Федерации и иным органам (службам, ведомствам) необходимо использовать возможности деанонимизации лиц, совершающих преступления [17]; технологий больших данных, блокчейна, искусственного интеллекта, государственной информационной системы «Посейдон» [18] и иных информационно-телекоммуникационных технологий.

5. Современное состояние деятельности в области борьбы со взяточничеством, совершаемым с использованием цифровых прав, рублей, валют, цифровых финансовых и криптовалютных активов, требует внедрение в практику органов внутренних дел Российской Федерации методических рекомендаций, основываясь на осуществлении оперативно-розыскных и иных мероприятиях посредством информационно-телекоммуникационных технологий [19].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Долгиева М. М. Цифровые активы и уголовное законодательство России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 108–113. DOI 10.24411/2078-5356-2019-10115.

2. Фоменко Е. В. Подкуп «в цифре»: вопросы правового регулирования // Цифровизация рыночных отношений: вопросы экономики и права : сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 25 марта 2021 года / отв. ред. Б. В. Яцеленко. Москва : Проспект, 2021. С. 19–24.

3. Дмитренко А. П. Криптовалюта как предмет взятки и коммерческого подкупа // Уголовное право и информатизация преступности: проблемы теории, практики и преподавания : сборник статей. Москва : Юриспруденция, 2018. С. 49–54.

4. Джафарли В. Ф. Криминология кибербезопасности. В 5 т. Т. 2. Уголовно-правовое обеспечение криминологической кибербезопасности / под ред. С. Я. Лебедева. Москва : Проспект, 2021. 275 с.

5. Дмитренко А. П., Кадников Н. Г. К вопросу о признании криптовалюты предметом взяточничества и иных преступлений имущественного характера // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 1. С. 18–23. DOI 10.31085/2310-8681-2023-1-204-18-23.

6. Никонов П. В. Теоретические основы уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения : дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2023. 545 с.

7. Шарапов Р. Д., Минин Р. В., Капаева Е. О. Криптовалюта: уголовно-правовой аспект // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 2 (44). С. 42–49.

8. Антонов Т. Г. Некоторые проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 290-291.2 УК РФ, по предмету преступления // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы Всероссийской научно-практической конференции : в 2-х ч. / под общ. ред. В. А. Уткина. Томск, 2018. С. 46–49.

9. Квалификация взяточничества (по материалам судебной практики) : научно-практическое пособие / М. Г. Жилкин, В. В. Качалов, Н. А. Кузьмин и др. Москва : Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2019. 116 с.

10. Фарахиев Д. М. Некоторые особенности выявления и документирования фактов взяточничества при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Искусство правоведения. 2024. № 2 (10). С. 73–80.

11. Фарахиев Д. М. Деятельность органов внутренних дел в процессе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (на примере криптовалютных активов) // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 81–90. DOI 10.18287/2542-047X-2023-9-3-81-90.

12. Фарахиев Д. М., Куликов Р. С. Общественная опасность получения и дачи взятки // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 4. С. 71–76.

13. Тутынин И. Б. Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2023. 63 с.

14. Фарахиев Д. М. Конфискация имущества, приобретенного в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ // Мониторинг правоприменения. 2023. № 1(46). С. 37–43. DOI 10.21681/2226-0692-2023-1-37-43.

15. Кайгородова О. С. Решение вопроса о возможности наложения ареста на цифровые финансовые активы, цифровую валюту // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. №1 (35). С. 43–52.

16. Искандиров В. Б. Наложение ареста на имущество в уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 215 с.

17. Фарахиев Д. М. Способы и методы деанонимизации лиц, совершающих преступления в информационном пространстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 249–254. DOI 10.36511/2078-5356-2022-4-249-254.

18. Фарахиев Д. М. Государственная информационная система "Посейдон": современный взгляд на противодействие коррупции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 250–254. DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-250-254.

19. Фарахиев Д. М. Деятельность подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по документированию преступлений, совершаемых с использованием цифровых финансовых и криптовалютных активов // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3 (67). С. 213-221. DOI 10.24412/2072-9391-2023-367-213-221.

УДК 343.281
EDN **WNLRFY**

Федотова Евгения Николаевна,
доцент кафедры уголовного права юридического факультета
Федерального казенного образовательного учреждения
высшего образования «Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний»,
кандидат юридических наук, доцент
ул. Сенная, 1, г. Рязань, Россия, 390000
e-mail: Evgenija_kaz@mail.ru
ORCID 0000-0002-0038-9269

УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В настоящее время условное осуждение по частоте применения занимает одну из лидирующих позиций, уступая лишь наказанию в виде лишения свободы на определенный срок, в связи с этим научное осмысление правового регулирования и правоприменительной практики указанной меры обладает высокой научной и практической значимостью и является актуальным направлением юридических исследований. В статье рассматриваются проблемы правовой регламентации условного осуждения, на основании исследования судебной статистики и правоприменительной практики обозначаются существующие проблемы в порядке назначения и исполнения условного осуждения. Автором акцентируется внимание на том, что мера в виде условного осуждения давно известна отечественному уголовному праву, но, несмотря на это, до настоящего времени не сложилось четкого понимания указанной меры как в теории права, так и в нормативных правовых актах. В частности, необходимо обозначить и законодательно закрепить цели применения условного осуждения и согласовать порядок реализации данной меры с важнейшими уголовно-правовыми институтами, такими как категоризация преступлений и институт судимости. В статье доказывается мнение о противоречивости установленных правил назначения условного осуждения, закрепленного перечня видов наказаний, отбыть которые возможно условно, отмечается непоследовательность изменений, вносимых законодателем в части закрепления перечня преступлений, за совершение которых запрещается назначать условное осуждение. В ходе исследования выявляется проблема, выраженная в слишком широкой практике назначения условного осуждения за совершение преступлений, относящихся к категории тяжких и особо тяжких. Автором подвергается критике отсутствие нормы о безусловной отмене условного осуждения лиц, совершивших умышленное преступление в период прохождения испытательного срока. На основании системного анализа предлагаются изменения уголовно-правовых норм, регулирующих порядок назначения условного осуждения, и дальнейшие пути совершенствования данного института, способные позитивным образом скорректировать практику применения указанной меры уголовно-правового характера.

Ключевые слова: условное осуждение, мера уголовно-правового характера, категория преступлений, судимость, назначение уголовного наказания.

Для цитирования: Федотова Е. Н. Условное осуждение: вопросы правового регулирования и современное состояние практики применения // Искусство правоведения. 2025. № 3. С. 165–172.

Fedotova Evgeniya Nikolaevna,
Associate Professor, Department of Criminal Law,
Faculty of Law, Federal State Educational Institution
of Higher Education "Academy of Law
and Management of the Federal Penitentiary Service",
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
st. Sennaya, 1, Ryazan, Russia, 390000
e-mail: Evgenija_kaz@mail.ru
ORCID 0000-0002-0038-9269

CONDITIONAL CONVICTION: ISSUES OF LEGAL REGULATION AND THE CURRENT STATE OF APPLICATION

Annotation. Currently, conditional condemnation in terms of frequency of application occupies one of the leading positions, second only to the punishment in the form of imprisonment for a certain period, in this regard, the scientific understanding of the legal regulation and law enforcement practice of this measure is of high scientific and practical importance and is an urgent area of legal research. The article examines the problems of legal regulation of probation, based on a study of judicial statistics and law enforcement practice, existing problems are identified in the order of appointment and execution of probation. The author draws attention to the fact that the measure in the form of conditional conviction has long been known to domestic criminal law, but despite this, there is still no clear definition of this measure both in the theory of law and in regulatory legal acts. In particular, it is necessary to outline and legislate the goals of the use of probation and agree on the procedure for implementing this measure with the most important criminal legal institutions, such as the categorization of crimes and the institution of criminal record. The article proves the opinion about the inconsistency of the established rules for imposing a conditional sentence, the fixed list of types of punishments that can be served conditionally, the inconsistency of the changes made by the legislator in terms of fixing the list of crimes for which it is forbidden to impose a conditional sentence is noted. At the entrance of the study, a problem is expressed, in the too wide practice of assigning probation for crimes classified as grave and especially grave. The author criticizes the absence of a rule on the unconditional cancellation of the conditional conviction of persons who committed a deliberate crime during the probationary period. Based on a systematic analysis, changes were proposed in the criminal law norms governing the procedure for assigning a conditional conviction and further ways to improve this institution, which could positively correct the practice of applying this criminal law measure.

Key words: conditional conviction, criminal law measure, category of crimes, criminal record, imposition of criminal punishment.

For citation: Fedotova E. N. Conditional Conviction: Issues of Legal Regulation and the Current State of application // The Art of Law. 2025. № 3. С. 165–172.

Мера уголовно-правового характера в виде условного осуждения имеет продолжительную историю в отечественном уголовном законодательстве. Она берет истоки из европейского уголовного права XIX в. Прогрессивное российское научное сообщество того времени сразу обратило внимание на данную форму реализации уголовной ответственности, усмотрев в ней высокий потенциал [1, с. 134].

Пройдя столь длинный исторический путь, условное осуждение не исчерпало актуальности и остается одной из самых востребованных мер уголовно-правового характера, несмотря на реализуемые реформы и расширение перечня мер и наказаний, не связанных с

изоляцией от общества. В настоящее время рассматриваемая мера активно используется судами и занимает лидирующие позиции, уступая по частоте применения лишь лишению свободы на определенный срок.

Изложенное указывает на необходимость научного анализа правового регулирования института условного осуждения и современной практики его применения.

Согласно ч. 1 ст. 73 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), «если, назначив исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать назначенное наказание условным». Приведенная норма устанавливает широкую возможность применения условного осуждения, фактически не ограничивая его назначения даже за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Кроме того, условно можно назначить отбывание исправительных работ, ограничения по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы, то есть очень отличающиеся друг от друга наказания. В связи с этим возникает закономерный вопрос в обоснованности выбора перечня таких наказаний.

Можно предположить, что проблема возникла вследствие того, что при закреплении положений ст. 73 УК РФ в системе наказаний отсутствовали обязательные работы, ограничение свободы, принудительные работы, и в настоящее время нет необходимости в расширении области применения условного осуждения за счет включения других наказаний в число видов, которые возможно отбыть условно.

Дополнительно следует отметить, что некоторые авторы справедливо отмечают схожесть содержания условного осуждения с наказанием в виде ограничения свободы. В связи с этим условное назначение ограничения свободы лишено логики и является нецелесообразным [2, с. 9].

Однако не ясна позиция касаемо видов наказаний, связанных с привлечением осужденного к труду. Если в них видится большой исправительный потенциал, и на основании этого отсутствие целесообразности их назначения условно, то почему не исключена возможность применения условного осуждения при назначении исправительных работ? Отметим, что исправительные работы условно назначаются судами весьма редко.

Так, согласно отчетам Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее – СДВС РФ) в 2023 г. условное лишение свободы было назначено 24,4 % осужденных, при этом исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части в совокупности были применены к 1,6% осужденных [1].

В связи с этим было бы логично отказаться от порядка назначения исправительных работ условно с учетом того, что в соответствии с ч. 2 ст. 9 УИК РФ труд является основным средством исправления осужденных. Исходя из обозначенного, думается, что реальное отбытие исправительных работ будет более эффективной мерой, чем условное осуждение.

При дальнейшем осмыслении положения ч. 1 ст. 73 УК РФ возникает вопрос о максимальном сроке лишения свободы, при котором возможно

[1] См.: Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания. Форма № 10.1 за 12 месяцев 2023 года // Судебный департамент Верховного Суда Российской Федерации : сайт. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 02.12.2024).

назначение условного осуждения. Почему законодателем установлен в качестве максимального именно восьмилетний срок лишения свободы? Установление такого порога не коррелируется ни с одним положением уголовного закона. Логичного обоснования приведенного положения нам найти не удалось, как и другим исследователям данного вопроса [3, с. 44].

Далее уделим внимание порядку назначения условного осуждения, который также не идеален и часто подвергается критике в науке уголовного права. Л. В. Красуцких справедливо отмечает, что при выборе наказания суд обязан учитывать закрепленные в ч. 1 ст. 60 УК РФ общие начала назначения наказаний, в соответствии с которыми «более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания». Исходя из этого, судьей мотивированно избирается самое строгое наказание (лишение свободы), затем необходимо прийти и обосновать прямо противоположный вывод о «возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания» (как того требует ч. 1 ст. 73 УК РФ). Таким образом, существующий порядок назначения условного осуждения, по сути, лишен логики [4, с. 30].

Рассмотрим современную практику назначения условного осуждения. Исходя из отчетности СДВС РФ, в отдельные годы уровень применения условного осуждения достигал отметки в 55,5% от общего числа назначаемых наказаний (согласно данным за 2003 г.). В среднем за прошедшие десять лет наказание условно применялось к 27% осужденным, в отношении несовершеннолетних этот показатель находится на уровне 44%[1].

Если проанализировать практику назначения условного осуждения за 2023 г. по категориям преступлений, то статистика рисует следующую картину: за преступления небольшой тяжести условное осуждение назначалось 16,1% осужденных, средней тяжести – 34%, тяжкие – 46%, особо тяжкие – 3,4%. В отношении несовершеннолетних такие показатели распределились следующим образом: за преступления небольшой тяжести – 6%, средней тяжести – 20%, тяжкие – 50,2%, особо тяжкие – 20,5%[2]. Таким образом, условное наказание чаще назначается за тяжкие преступления.

При этом следует отметить, что продолжительность испытательного срока при условном осуждении фактически не зависит от категории тяжести совершенного преступления. Действующее законодательство в этой области никаких пропорций не устанавливает.

Более подробное исследование статистических показателей позволяет утверждать, что условное осуждение нередко назначается лицам, признанным виновными в совершении тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против личности. В частности, за 2023 г. за совершение убийства (ст. 105 УК РФ) условно к лишению свободы осуждено 27 человек (за 2022 г. – 26); по ч. 1 ст. 111 УК РФ – 1817 (в 2022 г. – 1776); за квалифицированные составы ст. 111 – 3609 (в 2022 г. – 3712); по ст. 131 УК РФ (изнасилование), включая квалифицированные составы, – 125 (в 2022 г. – 114); за ст. 162 УК РФ (разбой) – 587 (в 2022 г. – 654)[3].

Подчеркнем, что условное осуждение не относится к числу уголовных наказаний, что избавляет его от необходимости достижения целей, прописанных в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Таким

[1] См.: Основные статистические показатели состояния судимости в России за 20032023 годы // Судебный департамент Верховного Суда Российской Федерации : сайт. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3490 (дата обращения: 02.12.2024).

[2] См.: Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания. Форма № 10.1 за 12 месяцев 2023 года // Судебный департамент Верховного Суда Российской Федерации : сайт. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 02.12.2024).

[3] См.: Там же.

образом, многочисленная практика назначения условного осуждения за тяжкие преступления вызывает серьезные обоснованные опасения.

Важно отметить, что в отношении лиц, осужденных условно, установлен особый порядок погашения судимости, в соответствии с которым лицо считается не судимым по истечении испытательного срока (п. «а» ч. 3 ст. 86 УК РФ). При этом категория тяжести совершенного преступления никоем образом не влияет на срок погашения судимости. Кроме того, в обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) № 2 за 2019 г. указано, что «судимость за преступление, осуждение за которое признавалось условным, если условное осуждение не отменялось и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы, не учитывается при признании рецидива преступлений». Это будет давать лицам, отбывшим условное осуждение, необоснованные привилегии, например, в виде возможности освобождения от уголовной ответственности на основании ст. 75, 76 УК РФ в случае повторного совершения преступления после отбытия испытательного срока.

Здесь же необходимо отметить, что возможность досрочной отмены условного осуждения также не учитывает категорию тяжести совершенного преступления. Это не согласовывается с установленным порядком предоставления условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким видом, который устанавливает градацию в порядке их реализации в зависимости от категории тяжести преступления. В связи с этим кажется логичным установление на законодательном уровне положения, обязывающего правоприменителя учитывать категорию совершенного преступления при досрочной отмене условного осуждения.

Далее остановимся на следующем аспекте. В ч. 1 ст. 73 УК РФ закреплены условия, запрещающие назначение исследуемой меры, перечень которых не раз расширялся законодателем. Так, в частности, недопустимо назначение условного наказания за ряд преступлений против общественной безопасности, при опасном и особо опасном рецидиве. Указанное обстоятельство скорректировало правоприменительную практику позитивным образом. Однако некоторые положения в обозначенной сфере заслуживают критического осмысления.

В настоящее время запрещено назначение исследуемой меры за преступления, установленные ч. 1 и 2 ст. 205.1, ст. 205.2, ч. 2 ст. 205.4, ч. 1–3 ст. 206, ч. 4 ст. 210, ст. 210.1, ст. 360 УК РФ. В то же время не запрещено назначение условного осуждения по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ. Нижний порог санкции указанной статьи составляет 8 лет, то есть гипотетически назначение наказания условно возможно. При этом имеется отдельный запрет на применение наказания условно по ч. 2 ст. 205.1 и ч. 4 ст. 210 УК РФ. Минимальным сроком лишения свободы по данным статьям является срок в 10 и 15 лет соответственно. Положение ст. 64 УК РФ в отношении данных составов не действует, поэтому установление отдельного запрета на назначение условного осуждения противоречит логике законодательства и является избыточным [5, с. 28].

Для устранения подобных рассогласований логичнее было бы установить полный запрет на назначение условного осуждения за особо тяжкие преступления. В настоящее время условное осуждение назначается и за убийство: санкция ч. 1 ст. 105 УК РФ допускает назначение лишения свободы менее чем на 8 лет, что согласовывается с положением ч. 1 ст. 73 УК РФ. Указанное подтверждается представленными выше материалами судебной статистики.

Императивно установленный запрет на назначение условного осуждения за

совершение особо тяжких преступлений решил бы значительную часть выявленных проблем, и в первую очередь проблему нивелирования судимости при назначении условного осуждения за преступления обозначенной категории.

Отметим, что феномен высокой практики назначения условного осуждения можно обосновать наличием широкого спектра возможностей назначения данной меры, установленного уголовным законодательством. Условное осуждение фактически можно назначать без значительных ограничений по кругу лиц и видам преступлений.

Как верно отмечает С. А. Петров, современная правоприменительная практика складывается таким образом, что условное наказание назначается во всех случаях, при которых отсутствуют запреты на его назначение [6, с. 49].

Закрепленный порядок применения условного осуждения позволяет утверждать о фиктивности установленного требования о «возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания» как основного критерия назначения условного осуждения. Этот вывод подтверждается тем, что ч. 4 ст. 74 УК РФ позволяет не отменять указанную меру при совершении в период испытательного срока умышленного преступления небольшой и средней тяжести, а п. «в» ч. 1 ст. 73 УК РФ допускает назначение условного осуждения при простом рецидиве.

В соответствии с постановлением Пленума ВС РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» суд может назначать условное осуждение и в отношении лица, совершившего два или более преступления, а совершение в период испытательного срока нового преступления по неосторожности либо умышленного преступления небольшой или средней тяжести не является обязательным условием отмены условного осуждения.

Подчеркнем нелогичность сложившейся ситуации: в ч. 3 ст. 73 УК РФ указано, что при назначении условного осуждения суд устанавливает испытательный срок, в течение которого условно осужденный должен своим поведением доказать свое исправление. Совершение нового преступления (с умышленной формой вины) убедительно доказывает, что осужденный не исправился, однако этот факт не влечет за собой обязательную отмену условного осуждения.

Необходимо отдельно осмыслить целеполагание меры уголовно-правового характера в виде условного осуждения. Отметим, что в указанной сфере, как и в понимании ее сущности, нет устоявшегося мнения даже у ВС РФ.

В постановлении Пленума ВС РФ от 25 июня 2024 г. № 18 «О судебной практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока» прописана цель применения данной меры – «исправление условно осужденного в течение испытательного срока без реального отбывания назначенного основного наказания».

При этом в постановлении Пленума ВС РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» в разделе, посвященном условному осуждению (п. 61), указано, что «для достижения целей исправления условно осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений в течение испытательного срока» суд вправе возложить на осужденного исполнение обязанностей.

Таким образом, в постановлениях Пленума ВС РФ имеется рассогласование в определении целей условного осуждения, что затрудняет понимание сущности этого института.

Согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также исправления

осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Следовательно, перед условным осуждением не ставится цели в виде восстановления социальной справедливости, а с наличием цели в виде предупреждения совершения новых преступлений не определился даже Верховный Суд Российской Федерации. Изложенное вызывает опасение. Не снизит ли превентивный потенциал уголовного закона подобная ситуация? Ведь условное осуждение по объему своего применения стоит на втором месте, незначительно уступая только лишению свободы, при этом не преследует всю совокупность целей, которые установлены в отношении уголовных наказаний.

С одной стороны, это логично, ведь условное осуждение не является наказанием и не может иметь одинаковые с ним цели. С другой стороны, принимая во внимание тот факт, что условное осуждение назначается чаще, чем большинство видов уголовных наказаний, сложившаяся неопределенность в целях и правовой природе данной меры является достаточно серьезной проблемой.

Будет не лишним в рамках этого исследования обратить внимание еще на один важный, по нашему мнению, момент. Исследуя правовое положение осужденных, Н. И. Полищук указывает на следующее: согласно ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации граждане, «содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда», лишены права избирать и быть избранными, при этом осужденные условно обладают правом избирать. Противоречивость приведенной ситуации состоит в том, что и те и другие судом признаны виновными в совершении преступления, в отношении них имеется вступивший в силу обвинительный приговор суда, следовательно, они имеют статус осужденного со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями [7, с. 230]. Более того, в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ лицам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, а также лицам, осужденным к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшим лишение свободы, можно назначить наказание в виде лишения свободы с отбыванием наказания в колониях-поселениях, при этом ст. 73 УК РФ допускает назначение условного осуждения лицам, совершившим умышленное тяжкое или особо тяжкое преступление, а также при простом рецидиве. Согласно приведенной конституционной норме первая категория лиц будет лишена избирательного права, а вторая, напротив, обладать активным избирательным правом.

Таким образом, даже относительно неглубокий анализ правового регулирования и современного состояния практики применения условного осуждения позволил выявить массу рассогласований и неопределенностей.

Корень всех проблем в правовом регулировании условного осуждения, по нашему мнению, кроется в отсутствии определения сущности и содержания условного осуждения. При разрешении данной проблемы первостепенно необходимо определить цели исследуемой меры, согласовать институт условного осуждения с категоризацией преступлений и прочими смежными институтами уголовного права.

Несмотря на выявленные противоречия, сформулированные по результатам критического анализа института условного осуждения, стоит подчеркнуть его необходимость в структуре мер уголовно-правового характера. Условное осуждение – прогрессивная мера, отвечающая современным требованиям уголовной политики государства. Однако применять ее надо крайне обдуманно и точечно. Массовое назначение условного осуждения способно утвердить мнение о фактической

безнаказанности преступников, а несовершенный порядок применения – подорвать важные основополагающие принципы справедливости и неотвратимости наказания и, как следствие, пошатнуть авторитет уголовного закона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Князева О. В. Становление и развитие института условного осуждения как меры уголовно-правового характера // Административная деятельность правоохранительных органов РФ и зарубежных стран : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Рязань, 2017. С. 134–138.

2. Рыжов Р. С. Ограничение свободы и его место в системе наказаний // Человек: преступление и наказание. 2010. № 1. С. 8–10.

3. Рогова Е. В., Гайдай М. К. Условное осуждение как форма реализации уголовной ответственности // Человек: преступление и наказание. 2012. № 2 (77). С. 41–45.

4. Красуцких Л. В. Понятие, содержание и функции условного осуждения // Вестник ЮУрГУ. Серия : Право. 2022. № 3. С. 28–32.

5. Иногамова-Хегай Л. В., Куликов А. С. Проблемные аспекты условного осуждения // Законность. 2023. № 3. С. 27–30.

6. Петров С. А. Необходим ли институт условного осуждения? // Законность. 2022. № 7. С. 46–50.

7. Полищук Н. И. Конституционно-правовые ограничения избирательных прав граждан, отбывающих наказания в виде лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19 (1–4), № 2. С. 229–236.

EDN **YXPOZG**

ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «БАЙКАЛЬСКИЙ ЦИФРОВОЙ ФОРУМ»

10 и 11 июля 2025 года состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Байкальский цифровой форум», организованная Иркутским юридическим институтом (филиалом) Университета прокуратуры Российской Федерации совместно с прокуратурой Иркутской области, Байкальским государственным университетом, Иркутским региональным отделением Российской криминологической ассоциации им. А. И. Долговой, автономной некоммерческой организацией «Белый интернет», автономной некоммерческой организацией «Платформа для работы с обращениями предпринимателей».

Форум открылся 10 июля 2025 года пленарным заседанием «Профилактика и расследование цифровых преступлений: современные вызовы для науки и практики». В рамках Форума прошли III Всероссийские Академические слушания законов и законопроектов в сфере цифровизации (соорганизаторы – Совет по правам человека при Президенте Российской Федерации, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, АНО «Белый интернет»). Во второй день Форума, 11 июля 2025 года, был проведен научно-методический семинар для прокурорских работников «Использование информационных ресурсов в деятельности прокурора».

В работе Форума принимали участие ведущие ученые образовательных организаций, представители органов государственной власти, правоохранительных органов, общественных и коммерческих организаций из различных регионов Российской Федерации.

Отрыл работу Форума в формате видеообращения ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, государственный советник юстиции 3 класса Игорь Михайлович Мацкевич. Он подчеркнул особую значимость научного и экспертного знания для совершенствования системы правового обеспечения национальной безопасности в сфере противостояния криминальным цифровым угрозам и противоправному использованию информационно-телекоммуникационных технологий. В своем выступлении ректор выразил уверенность в том, что Байкальский цифровой форум станет традиционным научным мероприятием всероссийского уровня.

С приветственным словом к участникам Форума обратились:

– директор Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Евгения Викторовна Рогова;

– профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, член СПЧ при Президенте Российской Федерации, генеральный директор АНО «Центр защиты прав в сфере цифровых технологий «Белый интернет», генеральный директор АНО «Платформа для работы с обращениями предпринимателей» Элина Леонидовна Сидоренко;

– заместитель прокурора Иркутской области Геннадий Александрович Пирва;

– проректор по учебной работе Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, доцент Елена Игоревна Фойгель;

– председатель Байкальского банка ПАО Сбербанк Рушан Флюрович Сахбиев.

Выступающие подчеркнули значимость Байкальского цифрового форума как важного всероссийского научного события, ориентированного на поиск научно-практических рекомендаций по развитию цифрового права и расследованию, квалификации цифровых преступлений и правонарушений, а также их предупреждению.

Модератором пленарного заседания выступила профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Светлана Валерьевна Пархоменко. В пленарном заседании участниками Форума в очном формате и с использованием информационных технологий дистанционного взаимодействия были заслушаны научные доклады:

– заместителя начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации – начальника организационно-правового управления, кандидата юридических наук Сергея Владимировича Плохова на тему «Актуальные вопросы международно-правового сотрудничества в сфере противодействия информационной преступности»;

– профессора кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктора юридических наук, доцента Элины Леонидовны Сидоренко на тему «Цифровые права человека: миф или основа цифровой безопасности»;

– ректора Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, доктора юридических наук, профессора Артема Владимировича Иванчина на тему «Хищения денежных средств с использованием банковских карт: *de lege lata et de lege ferenda*»;

– директора Юридического института Сибирского федерального университета, кандидата юридических наук, доцента Романа Николаевича Гордеева на тему «О публичной демонстрации совершения умышленного преступления»;

– исполняющего обязанности заведующего кафедрой уголовного права Юго-Западного государственного университета, доктора юридических наук, доцента Маргариты Николаевны Урда на тему «Трансформация криминальных схем в эпоху Big Data»;

– заведующего кафедрой уголовного права и адвокатуры Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина, доктора юридических наук, профессора Семена Яковлевича Лебедева на тему «Цифровая уголовная ответственность как неизбежная перспектива уголовно-правового контроля над инновационной преступностью в эпоху глобальной цифровизации».

В ходе обсуждения представленных научных докладов участники Форума единодушно отметили актуальность поднятых проблем, требующих безотлагательного решения, несомненную теоретическую и практическую значимость выступлений с точки зрения квалификации, расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

На площадке Форума состоялись III Всероссийские Академические слушания законов и законопроектов в сфере цифровизации, которые провела Элина Леонидовна Сидоренко. В рамках Академических слушаний участникам Форума для обсуждения была предложена новая редакция статьи 187 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в конструкцию которой Федеральным законом от 24 июня 2025 года № 176-ФЗ включены части 3–6 следующего содержания:

«3. Передача из корыстной заинтересованности клиентом оператора по переводу денежных средств предоставленных ему оператором по переводу денежных средств электронного средства платежа и (или) доступа к нему другому лицу для осуществления таким лицом неправомерных операций – наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех месяцев до одного года, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на тот же срок, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

4. Осуществление из корыстной заинтересованности клиентом оператора по переводу денежных средств неправомерных операций с использованием электронного средства платежа, предоставленного ему оператором по переводу денежных средств, по указанию другого лица и (или) в интересах такого лица (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 172 настоящего Кодекса) - наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех месяцев до одного года, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на тот же срок, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

5. Приобретение либо передача другому лицу из корыстной заинтересованности электронного средства платежа и (или) доступа к нему для осуществления неправомерных операций, совершенные лицом, не являющимся стороной договора об использовании этого электронного средства платежа, заключенного с оператором по переводу денежных средств, либо приобретение таким лицом электронного средства платежа и (или) доступа к нему для

последующей их передачи другому лицу из корыстной заинтересованности - наказывается штрафом в размере от трехсот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет либо без такового.

6. Осуществление неправомерной операции с использованием электронного средства платежа, совершенное лицом, не являющимся стороной договора об использовании этого электронного средства платежа, заключенного с оператором по переводу денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 172 настоящего Кодекса), - наказывается принудительными работами на срок до пяти лет со штрафом в размере от трехсот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет либо без такового либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере от трехсот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового».

В ходе мероприятия участники прошли электронную регистрацию и ответили на вопросы анкеты, связанные с обоснованностью, аргументированностью и необходимостью введения уголовной ответственности, наличием общественной опасности в противоправных действиях, а также ясностью и определенностью формулировок частей 3–6 статьи 187 УК РФ с точки зрения юридической техники. По результатам анкетирования большинство участников выразили мнение, что формулировки частей 3–6 статьи 187 УК РФ являются сложными по содержанию, содержат признаки юридико-лингвистической неопределенности. Кроме того, некоторые участники высказали определенное сомнение в степени общественной опасности противоправных действий по передаче своих персональных данных и банковских карт третьим лицам за вознаграждение, а также в необходимости привлечения таких лиц к уголовной ответственности в случае их неосведомленности о преступной деятельности третьих лиц, совершенной с использованием переданных банковских карт.

Большинство респондентов согласились с тем, что введенная законодателем уголовно-правовая мера носит профилактический характер, и направлена на снижение количества мошенничеств, совершаемых с использованием банковских карт и электронных средств платежа.

11 июля 2025 года в рамках Форума состоялся научно-методический семинар для прокурорских работников «Использование информационных ресурсов в деятельности прокурора», который прошел в прокуратуре Иркутской области. С докладами выступили:

– референт отдела информационной безопасности Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации Богдан Александрович Алексеев на тему «Вопросы обеспечения информационной безопасности в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации»;

– доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат педагогических наук, доцент Надежда Владимировна Казанцева на тему «Факторы риска как маркеры выявления нарушений законодательства в системе «СПАРК»;

– научный сотрудник отдела информационных технологий Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации Анастасия Анатольевна Покуль на тему «Информационный ресурс «Маркер»: выявление признаков нарушений в закупочной деятельности».

Прокурорские работники, принимавшие участие в научно-методическом семинаре, высоко оценили актуальность поднятых проблем обеспечения информационной безопасности, использования прокурорскими работниками в надзорной деятельности информационных ресурсов и платформ (СМЭВ, СПАРК, X-Complince, Marker-interfax и др.) и практическую значимость мероприятия.

Так, научный сотрудник А. А. Покуль в своем докладе продемонстрировала более эффективные алгоритмы поиска нарушений в закупочной деятельности через ИС «Маркер», а доцент кафедры Н. В. Казанцева предложила новую методику проверки деятельности коммерческих организаций в ИС «СПАРК» через разделы «Мои действия», «Деятельность компании».

Таким образом, Байкальский цифровой форум стал важной площадкой для обсуждения актуальных вопросов цифрового права и борьбы с киберпреступностью, объединив усилия научного сообщества, экспертов и практических работников в целях дальнейшего развития цифровой безопасности, выработки эффективных стратегий противодействия новым угрозам и формирования правовой культуры в цифровой среде.

Евдокимов Константин Николаевич,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

ОПЫТ КАЖДОГО ПРОКУРОРА И СЛЕДОВАТЕЛЯ – БЕСЦЕНЕН

Адрес редакции:

123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15 | 8 (499) 253-13-20 | www.agprf.org

ДЕЛИТЕСЬ СВОИМ УНИКАЛЬНЫМ ОПЫТОМ С КОЛЛЕГАМИ НА СТРАНИЦАХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО СБОРНИКА «СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА».

ПРИСЫЛАЙТЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АДРЕСУ: AGP@AGPRF.ORG